

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ФИЛОЛОГИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
Ф 51

Рецензент — к. фил. н. Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

Ф 51 «Филология, искусствоведение и культурология в современном мире»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (09 ноября 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — 218 с.

ISBN 978-5-4379-0020-8

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Филология, искусствоведение и культурология в современном мире» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-4379-0020-8

Оглавление

Секция 1. Культурология	8
1.1. Теория и история культуры	8
КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. Абаджи Ольга Викторовна Цурик Татьяна Олеговна	8
СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСКУРСИЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕНТРАХ Федорова Марина Владимировна	17
Секция 2. Языкознание	24
2.1. Русский язык. Языки народов Российской федерации	24
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТИХИЙ (ВОДА И ОГОНЬ) В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Борисова Анна Владиславовна	24
ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛОРАТИВА «ЧЕРНЫЙ» КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО) Захарова Елена Алексеевна	28
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX ВЕКА Каунова Екатерина Викторовна	33
СЛОВСОЧЕТАНИЯ КТО-ТО/ ЧТО-ТО+ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА) Кужарова Ирина Витальевна	37
НОВООБРАЗОВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ VIP В РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ Перовская Татьяна Ивановна	44

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА Петрова Светлана Владимировна	55
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ СОЗДАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР УБАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ» ПРОЗЫ Провоторова Елена Юрьевна	59
ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) Филиппова Саргылана Васильевна	63
НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА», «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» Черкашина Елена Викторовна	70
2.2. Германские языки	75
ПАРАДИГМА СТРАТЕГИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РОМАНЕ Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ» Трубаева Елена Игоревна	75
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ТЕРМИНА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) Гаврилова Инесса Анатольевна	80
СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕРИВАЦИОННУЮ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОДЪЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ Гращенко Александр Сергеевич	87
ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ) Нелунова Прасковья Анатольевна	92

2.3. Романские языки	98
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «СТРАХ» И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Рагузова Юлия Владимировна	98
2.4. Теория языка	102
ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОЦЕССЫ ДЕТЕМПОРАЛИЗАЦИИ Исаева Ирина Петровна	102
О ПОЭТИКЕ ДАТЫ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» Труфанова Ирина Владимировна	106
2.5. Сравнительно-историческое, типоло- гическое и сопоставительное языкознание	112
ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ Николаев Анатолий Иванович	112
2.6. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	125
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ МЕНТАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ «ПЕСОК» В АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Гаджиалиева Марьям Гусеновна	125
Секция 3. Искусствоведение	129
3.1. Музыкальное искусство	129
О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО- ПЕСЕННОГО ИСКУССТВА НОГАЙЦЕВ Гагуа Лейла Ахмедовна	129
ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВ И СТИЛЕВЫХ НОРМ НОГАЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН В XIX-XX СТОЛЕТИЯХ Карданова Бэла Баубековна	134

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ Коростина Елена Петровна	139
3.2. Теория и история искусства	145
ИСТОРИОГРАФИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬЯ Мельникова ИннаИвановна	145
АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ Д.Н. УШАКОВА — ФИЛОЛОГА И АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫМ БЛИЗКИМ И РОДНЫМ МЕСТАМ ПОДМОСКОВЬЯ Филиппова Ольга Николаевна	154
Секция 4. Литературоведение	159
4.1. Русская литература	159
СОЛЯРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СКАЗКЕ П. П. ЕРШОВА «КОНЁК-ГОРБУНОК» Короткова Ирина Анатольевна	159
ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Л. ЮЗЕФОВИЧА «КАЗАРОЗА» Бобко Елена Ивановна	163
МИФОЛОГЕМА СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ Магомедова Мария Васильевна Сахарова Виктория Михайловна Милославская Виктория Владимировна	170
ОБРАЗ АДРЕСАТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ Машукова Дарья Александровна	176
4.2. Литература народов Российской Федерации	181
ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ПОВЕСТИ П. ОЙУНСКОГО «КУДАНГСА ВЕЛИКИЙ» Бурцева Марина Анатольевна	181

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА «БЕЗ ВЫРАЖЕННОЙ ДОМИНАНТЫ» В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С.А. ПОПОВА — СЭМЭНА ТУМАТА Федорова Туйара Афанасьевна	187
4.4. Литература народов стран зарубежья	194
ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ ГАБИТА МУСРЕПОВА Ашимханова Светлана Ашимхановна	194
МУХТАР АУЭЗОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ Какильбаева Энкар Толымхановна	199
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. (ТВОРЧЕСТВО ЧЖАН ЛИН КАК ОБРАЗЕЦ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ С НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ) Букатая Анастасия Михайловна	204
ЧЕЛОВЕК «ЭПОХИ ДЖАЗА» — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ? Дашидоржиева Ульяна Батоевна	208
РОМАН В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ Джолдасбекова Баян Умирбековна	212

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Абаджи Ольга Викторовна

*к. филос. н., доцент Всероссийского заочного
финансово-экономического института (филиал в г.Курске)*

E-mail: olga-abadgi@rambler.ru

Цурик Татьяна Олеговна

к. культурологии, доцент ЮЗГУ

E-mail: tsurikTO@yandex.ru

*Работа опубликована при поддержке гранта
РГНФ №11114606 а/ч*

Культура является саморазвивающейся системой. В ее развитии присутствуют как спонтанные, хаотические изменения, так и явления и процессы, обусловленные влиянием экономики, политики, науки и других сфер социума. В то же время культура сама оказывает воздействие на все области жизни общества. В данной работе мы проследим взаимовлияние культуры и экономики. В частности, рассмотрим такие феномены, как предпринимательство и благотворительность и их связь с русской культурой.

В современном контексте одним из важных значений понятия «экономика» является предпринимательство (business), т.е. профессиональная деятельность в сфере производства или услуг, направленная на получение прибыли. Одним из проявлений предпринимательства в зоне социальной ответственности традиционно является благотворительность. Говоря о благотворительности, необходимо прояснить смысл этого термина. Слово

«благотворительность» является русским аналогом греческого слова «филантропия» (греч. Philantropia — человеколюбие, от phileo — люблю, и anthropos — человек). Сфера распространения благотворительной деятельности широка: образование, медицина, просвещение, быт и т. д. Исторически сложились такие формы благотворительности, как государственная, церковная, общественная и частная.

Осуществлять благотворительность значит «творить благо», деятельно выражать любовь к ближнему. Поэтому благотворительность связана с ценностно-этическими регулятивами культуры и прежде всего — религиозной этикой, которая на протяжении столетий формирует архетипы и коды культуры. В России такой религиозной этикой является этика православия.

В Евангелии от Матфея дана универсальная заповедь: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Матф.5:48). Человек, созданный по образу и подобию Бога, должен следовать Богу, сущностью которого является Любовь. «Любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин.13:34), «будьте милосердны, как Отец ваш милосерд» (Лк.6:36), — говорит Христос. Таким образом, в контексте христианской картины мира ценности любви и милосердия существуют не сами по себе, но исходят от Божественного источника и требуют уподобления. Иными словами, то, что делал Христос, должна делать и Церковь, частью которой является каждый христианин. Христианство лежит в основе самой идеи благотворительности, и именно поэтому история благотворительности связана с христианскими ценностями и этикой.

Корни русской благотворительности уходят к тем временам, когда Православие стало основой государственности. С принятием христианства с одной из его основных заповедей — о любви к ближнему — прежде всего русская православная церковь стала осуществлять филантропическую деятельность в отношении людей, лишенных достаточных средств к существованию. Древнейшими правовыми актами, определяющими благотворительность как составную часть жизни и деятельности церкви, можно считать Уставы первых православных русских монастырей. В житиях святых, исторических повестях, древнейших летописных сводах упоминается о том, как монастыри решали социальные задачи: давали приют осиротевшим и больным, организовывали больницы, снабжали зерном для посева бедных крестьян, выделяя на эти цели десятину из своих доходов. Именно при монастырях начали строиться первые богадельни, больницы и школы.

В то же время традиции благотворительности на Руси поддерживаются правителями. Именно они часто дают пример филантропической деятельности своим подданным, которые его усваивали и следовали ему. Так, в ознаменование своего венчания с сестрой византийского императора Анной князь Владимир возводит в Киеве церковь Успения Пресвятой Богородицы (строительство завершено в 996 г.), где полагает из средств казны кормить нищих, сирот и вдов (в этой церкви князь Владимир и его супруга будут похоронены после смерти). Говоря о князе Владимире, митрополит Киевский Илларион подчеркивает его благотворительную деятельность и говорит, что князь исполнил Божественные заповеди: «просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщал, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всячески утешая, должников выкупая, рабам даруя свободу» [12]. В этом святитель Илларион видит реальное воплощение заповедей Христа: «Ради милосердия твоего, благоугодного Богу, имеешь ты великое дерзновение пред ним, как присный раб Христов ... Милостыня человека — как печать у него. Вернее же слова самого Господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [12].

Вслед за святым князем Владимиром активно занимались благотворительной деятельностью и другие князья. В их числе особо отмечают великого князя Ярослава Владимировича (Мудрый). Он внес в Церковный и Земский уставы специальные разделы, связанные с благотворительностью. На личные средства князь основал училище для бедных юношей, в котором обучались и проживали 300 воспитанников. При Ярославе Мудром получило распространение бесплатное оказание медицинской помощи при монастырях. Прославился «нищелюбием» и Владимир Мономах, завещавший своим детям: «всего же паче убогих не забывайте, по сколько вам возможно по силе своей кормите» [10]. Таким образом, уже в первые века русской государственности благотворительная деятельность всячески окормлялась как церковной, так и государственной властью и была распространена среди народа.

Традиции государственного призрения продолжают при Романовых. Царь Алексей Михайлович учреждает специальный Приказ, ведающий благотворительностью. При Петре I на средства казны по всем губерниям создаются богадельни, строятся «гошпитали» для подкидышей. Петр I разрабатывает целую систему мер борьбы с бродяжничеством и нищенством, которые объявляются социальным злом. Бродяг отдают в солдаты, посылают на рудники, на заводы, на строительные работы в Петербург. По его распоряжению

наказанию подлежат и подающие милостыню: их признают «помощниками и участниками» преступления и взимают за это пять рублей штрафа.

При Екатерине II расширяется государственная благотворительность: создаются Приказы общественного призрения, учреждаются воспитательные дома для детей-сирот. Предполагалось, что брошенные дети станут основой нового класса людей — образованных, трудолюбивых, полезных государству. В пореформенный период благотворительность стала приобретать характер частных и общественных пожертвований.

Особую роль в дальнейшем развитии филантропии в России сыграла императрица Мария Федоровна, супруга императора Павла I. Она основала многочисленные воспитательные дома, коммерческое училище в Москве, учредила несколько женских институтов в столице и провинции, положила начало широкому бесплатному образованию женщин в России. К середине XIX века насчитывалось уже 46 женских институтов, существовавших на средства казны и благотворительные пожертвования.

Частная филантропия в России складывается во второй половине XVIII века, когда Екатерина II разрешила подданным открывать благотворительные заведения. Поначалу уровень развития частного капитала был не настолько высок, чтобы заметно повлиять на социальную ситуацию. Однако во второй половине XIX столетия началось бурное развитие промышленности и накопление частных капиталов. С конца XIX в. главную роль в этом деле начинают играть семьи купцов, фабрикантов, банкиров. К 1890 году две трети средств, истраченных на благотворительность в России, принадлежали частным лицам, и лишь четвертая часть выделялась казной, земствами, городскими властями и Церковью. В 1900 году только в одной Москве было 629 благотворительных учреждений, из которых город содержал лишь 27 [9, с. 32—34].

Вообще частная инициатива — основа филантропической деятельности. Благотворительность государства, общества, церкви выглядят как проявление доброй воли и желание помочь ближнему. По словам В.О. Ключевского, на Руси признавали только личную благотворительность — из рук в руки. Жертвователь, дающий деньги сам, совершал своего рода таинство, к тому же верили, что и нищие будут молиться именно за человека, от которого получили подаяние. Царь по праздникам сам обходил тюрьмы и собственноручно раздавал милостыню; получалось взаимное «благодетельствование»: материальное — для просящего, духовное — для дающего [5].

Необходимо отметить, что, как и в любой деятельности человека, в благотворительности имели место действия активных граждан, которые не только занимались пожертвованиями или устраивали различного рода образовательные или богоугодные заведения, но и совершенствовали сам процесс. Частная благотворительность складывается из следующих основных направлений:

- жертвование капиталов, материальных ценностей, продовольствия;
- отчисление средств в качестве неприкосновенного капитала;
- выдача постоянных и единовременных пособий;
- содержание различного рода заведений за свой счет;
- финансирование лечебных заведений.

Каковы же основные мотивы благотворительной деятельности предпринимателей? Анализ социокультурной специфики российской благотворительности в конце XIX — начале XX веков показывает, что существует две группы ключевых мотивов: религиозно-этические и социальные (прагматические). В русском купечестве существовала притча: «Бог богатством благословил и отчета по нему потребует». В своем большинстве новые русские промышленники были людьми набожными, многие из них вышли из старообрядческих семей. Спасение души — их важнейшая смысложизненная установка. А благотворительность считалась вернейшим путем к Богу. В.О. Ключевский был уверен, что «благотворительность была... необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему» [5]. По его словам, «когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подающим во имя Христово, трудно было сказать, которая из них большие подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих» [5]. Многие купцы выговаривали себе право быть похороненными в построенных ими церквях. Так, братья Бахрушины похоронены в подвале церкви при больнице, которую основали.

Соображения престижа и возможной выгоды всегда не были чужды меценатам и благотворителям. Исследователь истории русской благотворительности Капустина А.М. среди группы мотивов выделяет следующие:

- мотив социального престижа, социального признания;
- -социально-экономические мотивы — ожидание материальных выгод в виде денежных вознаграждений, уменьшения налогов, государственных заказов и т. п.;

- -социально-политические мотивы — стремление к распространению и укреплению своего влияния в обществе [4, с. 101].

Особым образом отметим, что немаловажную роль играла и заинтересованность российских предпринимателей в квалифицированных специалистах, а, следовательно, в распространении народного просвещения, образования, что способствовало выделению ими средств на строительство образовательных и просветительских учреждений.

В XVIII — середине XIX веков в России в общественном сознании постепенно формировалось понимание важности образования в судьбе государства и каждого отдельного человека. В 1804 г. был опубликован Устав учебных заведений, подведомственных университетам, определивший функционирование системы российского образования. Это положило начало деятельности благотворителей в учебно-воспитательной сфере. Учрежденное в 1802 Министерство народного просвещения начало координировать благотворительность в сфере образования на государственном уровне. Во многом благодаря этому, частная благотворительность России приобрела очертания системы и получила мощный импульс к развитию. Личный пример в этом благородном деле подал император Александр I, из личных средств которого было выделено на нужды учрежденного им «Благотельного общества» 24 тысячи рублей. Впоследствии сумма была увеличена до 40 тысяч. Крупные пожертвования исходили от членов императорской фамилии, а также от именитых дворян России. Так, князь Голицын ежегодно жертвовал по 6 тысяч рублей, еще 142 тысячи рублей он завещал передать обществу после своей смерти.

Идея тесной связи со своим монархом обрела поддержку в провинциях Российской империи. В первую очередь, откликнулась дворянская аристократия — крупные землевладельцы. В первой половине XIX века именно дворянское сословие было наиболее культурным и образованным. Способствуя развитию просвещения и культурного развития России, передовые представители дворянства выступали в роли благотворителей, жертвуя значительные капиталы в пользу школ, училищ, гимназий, библиотек. Благотворительная и филантропическая деятельность не давала дворянам никаких общественных привилегий, так как они имели общественное признание и значительные состояния по праву рождения. Деятельность данного рода свидетельствует об активной гражданской позиции и высоких моральных принципах дарителей.

Сфера просвещения и образования была одной из распространенных форм капиталовложений для среднего и крупного поместного дворянства России. В первой половине XIX века вклад дворян в отечественное образование выражался, в основном, в развитии системы внутрисословных образовательно-воспитательных учреждений и осуществлялся в пожертвовании значительных денежных сумм на открытие кадетских корпусов, художественных школ, лицеев с профессиональным уклоном и т. д. Так, представитель старинного русского дворянского рода, М. П. Бахтин в 1835 г. пожертвовал 1 миллион 500 тысяч рублей и благоприобретенное имение в 2700 душ крепостных крестьян в Орловской и Курской губерниях со всеми землями и угодьями, на учреждение в г. Орле кадетского корпуса [11, с. 223].

За это Бахтин был произведен в чин генерал-майора с оставлением вне службы и пожалован Кавалером ордена Св. Владимира II степени, а корпус получил название Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Пансион-приюты, дворянские институты находились в ведении предводителей дворянства и почетных попечителей, избиравшихся собраниями. Попечители входили в состав педагогических советов тех учебных заведений, в организации которых дворянство участвовало своими капиталами. Примером может служить Благородный пансион для неимущих дворян в г. Курске, учрежденный по инициативе курского дворянства. Важную роль в организации этого сословного учебно-воспитательного заведения принадлежит Курскому губернскому предводителю коллежскому асессору И. А. Григорьеву. В 1826 г. было учреждено училище для 50 человек неимущих дворян [3, с. 26—27].

Таким образом, сфера деятельности благотворителей расширялась и включала внесословные учебные заведения для представителей беднейших слоев населения России. Благотворительность стала масштабным общественным явлением в стране, и в 1892 году была создана специальная комиссия, в ведении которой были законодательные, финансовые сословные аспекты этой деятельности. С конца XIX века в стране установился общественный контроль над благотворительностью, результатом чего явился рост доверия в обществе и, как следствие, новый рост числа жертвователей. Активными участниками благотворительной деятельности выступали частные благотворительные общества, специализирующиеся в области просвещения, как например, «Общество содействия начальному образованию в Курской губернии», существующее с 1898 г. [6, с. 87].

Деятельность общества выражалась в организации народных чтений на религиозные, медицинские и исторические темы, постановке общедоступных спектаклей, чтении публицистических лекций, проведении детских утренников, открытии бесплатных библиотек-читален, а также в разработке вопросов по народному образованию [7, с. 23]. В период с 1898 г. обществом были открыты 2 мужских воскресных школы: в Ямской слободе и в Курске. В 1902 г. в мужской воскресной школе г. Курска обучалось 105 человек [8, с. 2].

К концу XIX века благотворительная инициатива распространилась в купеческой среде, а также среди зажиточных горожан. Деятельность предпринимателей России этого периода, в основном купечества, обладала большими возможностями для оказания помощи тем, кто в ней нуждался.

Феномен купеческой благотворительности наиболее рельефно проявился в Москве, являющейся центром сосредоточения большей части национального богатства и капиталов купцов. Кроме того, московское купечество выло более образованным и культурным по сравнению с провинциальными предпринимателями. Но и провинциальное предпринимательское сословие в губерниях Центрального Черноземья не оставалось в стороне от благотворительной деятельности. Так, в 1886 г. в г. Путивле открыто ремесленное училище. Инициаторами были купцы Маклаковы, которые пожертвовали 8000 рублей на его основание [14, с. 52]. В 1894 г. курский купец Е.Д. Нарышкин способствовал рождению народной библиотеки, пожертвовав 200 000 руб. в качестве неприкасаемого капитала, приносящего солидные проценты, направляемые распорядителями на развитие данного заведения [13, с. 67].

Таким образом, приобретая характер общественного процесса, благотворительная деятельность предпринимательства способствовала решению проблем в сфере образования и просвещения. Становление предпринимательской культуры в условиях современного российского общества требует обращения к традициям благотворительности и меценатства, сложившихся в российском социокультурном пространстве.

Список литературы:

1. Борисовка. Исторические очерки. — Белгород, 2000.
2. ГАБО Ф.156. Личный фонд помещика Григорьева. Оп. 3. Д. 5. Об устройстве в Курске пансиона для неимущих дворян. Л. 3.
3. Дрелякин А.М. Белгород с уездом. Историко-статистический очерк / А.М. Дрелякин. — Харьков, 1882.

4. Капустина А.М. Православно-христианская традиция благотворительности в России: Дисс...канд. филос.н. — Белгород, 2007.
5. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.rus.ec/b/169543/read#t1>
6. Курский сборник. Выпуск 1. Курск, 1901.
7. Отчет общества содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля по 1 января 1900 г. — Курск, 1900.
8. Отчет общества содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля по 1 января 1902 г. — Курск, 1903.
9. По плодам узнаете их / Подготовила Анна Чистова // Фома. — № 3(35). — 2006.
10. Поучение Владимира Мономаха. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.rus.ec/b/197650/read>
11. Русский биографический словарь. Т. 11. — СПб., 1990.
12. Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона.[электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
13. Танков А.А. Исторический очерк Курской Мариинской женской гимназии 1861—1911 гг. — Курск, 1911.
14. Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX — нач. XX веков. — Курск, 1998.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСКУРСИЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕНТРАХ

Федорова Марина Владимировна

к. филос. н., доцент НГЛУ

E-mail: mmm0311@rambler.ru

В последнее время мы наблюдаем рост интереса к религиозным представлениям других народов. Часто можно увидеть крещеного православного, который совершает духовное паломничество в тибетские монастыри. Возможно, данный факт обусловлен спецификой массовой культуры в условиях глобального информационно-коммуникативного пространства, в контексте которого происходит размытие границ локальных культур. Одним из последствий массовизации и универсализации культуры становится формирование так называемой новой религиозности. «Становится модно быть «верующим вообще», понемножку беря от всех религиозных традиций, ведь «все они что-то дают» [3, с.98]. Как и любое явление, порождаемое в контексте массовой культуры, новая религиозность весьма противоречива. С одной стороны, ей характерна синкретичность, оторванность от своих культурных корней, деформация ценностного пласта, включая такие базовые религиозные ценности как вера, культ.

Однако было бы несправедливо оценивать только негативные стороны феномена новой религиозности. Осуществляемое в её границах знакомство с другими религиозными системами может стать основой для формирования межкультурной толерантности и взаимопонимания. Проблема межкультурного взаимодействия, осуществляемого с позиции «диалога культур» становится чрезвычайно важной в современных условиях. Основой такого «диалога культур» может выступить знакомство с другой религиозной системой и осознание её сходства и/или отличия от собственной религии.

Значимым механизмом осуществления подобного знакомства становится экскурсионная деятельность. Экскурсия, будучи составной частью всякого путешествия, определяет идейное и познавательное содержание туризма, который в последнее время развивается бурными темпами. Религиозный туризм — становится одним из важнейших направлений, приковывающий внимание многих исследователей [2; 6]. Экскурсии в религиозных центрах, знакомство с религиозными

объектами становится неотъемлемой частью как религиозных туров, так и комбинированных туров культурно-познавательной направленности.

Экскурсовод — это сложная многогранная профессия, требующая от её представителей определенных знаний и навыков. Но организация экскурсий в религиозных центрах предполагает учет дополнительных трудностей, с которыми может столкнуться экскурсовод.

Организация экскурсий в религиозных центрах обусловлена рядом специфических черт. Например, уникальностью экскурсионных объектов, которые одновременно являются также религиозными объектами. К религиозным объектам относятся:

- культовые сооружения — монастыри, святилища, храмы и храмовые комплексы, капеллы, часовни, ступы;
- природные объекты — святые источники, колодцы, горы, водоёмы (реки, пруды), рощи;
- небольшие объекты культа — придорожные кресты, алтари божеств на обочинах дорог, троп и т. д.

Следует иметь в виду, что эти объекты могут быть расположены вместе. Например, святой источник может находиться в православном монастыре или отдельно. Понятия «святое место» и «религиозный центр» перекликаются друг с другом, хотя и не тождественны [б с. 90]. Святое место — это место, имеющее очень большое значение для представителей определенной религиозной конфессии, в котором проводятся культовые и иные мероприятия, собирающие большое число паломников. Религиозный центр — понятие более широкое, чем «святое место». Сюда наряду со святынями входят образовательные учреждения и (или) административные органы религиозных организаций. На самом деле дать определения этим понятиям, учитывая воззрения всех религий, невозможно.

Необходимо понимать, что совпадение в данном случае религиозных объектов с объектами экскурсионными накладывает определенные ограничения на проведение экскурсий. Например, на Афоне и в ряд православных монастырей запрещен вход женщинам. В некоторые индуистские храмы могут попасть только индусы. В Мекку может совершить паломничество только мусульманин. Посещение мечети «Купол Скалы» (Куббат ас-Сахра) доступно только в определенный промежуток времени и через определенный вход (Магрибские ворота).

Когда-то некрещеным было запрещено оставаться на литургии верных. Правда сейчас вход открыт для всех, даже для нехристиан.

Иногда требуется разрешение специальных духовных органов на проведение экскурсии. Так, чтобы попасть в некоторые римские катакомбы и познакомиться с особенностями раннехристианского культа и искусства требуется получить разрешение Папской комиссии по священной археологии.

Даже в открытых и доступных для экскурсантов религиозных центрах существуют правила поведения, которые необходимо учитывать, чтобы не оскорбить чувств верующих. В каждой религии существует свой определенный религиозный этикет, который определяет поведение в религиозном объекте.

Общими нормами поведения во всех храмах являются лишь следующие: не курить, не распивать спиртные напитки, не шуметь и вести себя с уважением. Все остальные правила очень различны.

Другим важным моментом, определяющим специфику организации экскурсий в религиозных центрах, становится уникальность субъектов экскурсионной деятельности (речь идет, прежде всего, об экскурсантах), предъявляющей более строгие требования к дифференцированному подходу в экскурсионном обслуживании. Цели, которые преследуют люди при посещении религиозных объектов, довольно различны. Поэтому, организовывая экскурсию, формируя её содержательное наполнение нужно понимать, что, возможно, придется столкнуться с двумя основными группами экскурсантов.

Первая группа — это экскурсанты, интересующиеся религиозно-исторической, или искусствоведческой тематикой. Их привлекают главным образом экскурсии с посещением монастырей, храмов, музеев и выставок. Причем эти туристы могут быть, а могут и не быть приверженцами той религии, объекты которой посещают.

Вторую группу экскурсантов составляют верующие или паломники, если экскурсия организуется в рамках паломнического тура. Экскурсии, посещение музеев и выставок для них вторичная, сопутствующая задача или вообще их не интересуют. Паломников привлекает непосредственное участие в культовых действиях. Однако экскурсовод должен понимать, что на одной экскурсии возможно присутствие обеих групп экскурсантов.

Особенность психологии верующих людей (особенно это характерно для верующих авраамических религий) заключается в некоторой экзальтации поведения, догматизме мышления, категорическом утверждении эксклюзивности собственной религиозной системы. Данная особенность поведения должна быть учтена экскурсоводом при разработке текста экскурсии, формировании

«портфеля экскурсовода», а также при использовании методов показа и рассказа. Необходимо, чтобы экскурсия была построена на объективном, но выдержанном в русле духовно-ценностных ориентаций данной религии, анализе.

Также нужно оценивать специфику национально-территориального расположения религиозного (экскурсионного) объекта. На территориях, где проживают верующие разных конфессий, могут находиться религиозные объекты нескольких религий. Поэтому необходимо учитывать ситуацию возможной этно-конфессиональной напряженности в регионе, которая может спровоцировать конфликт в группе экскурсантов, относящихся к разным конфессиям. Ярким примером, здесь могут быть религиозные объекты, находящиеся на территории Израиля. Эта страна является местом сосредоточения экскурсионного и паломнического интереса трех авраамических религий (иудаизма, христианства и ислама). Христиан сюда привлекают религиозные объекты, связанные с деятельностью Иисуса Христа. Однако почитаются также и религиозные объекты, относящиеся к ветхозаветной истории, которые также популярны в паломнической практике среди иудеев и мусульман. Можно вспомнить расположенную в Хевроне пещеру Махпела, в которой, согласно преданию, находятся захоронения праотцев Авраама, Исаака и Иакова и их жен Сарры, Ревекки и Лии (по некоторым преданиям — и могилы сыновей Иакова, и даже Адама и Евы).

Также примечательна могила царя Давида, с которой идентифицируют гробницу в помещении, оставшемся от церкви Благовещения, построенной крестоносцами на склоне Сионской горы. В XVI веке мусульмане превратили это место в мечеть, так как преклонялись перед Эль Наби Дуадом (так в исламе называется царь Давид) как перед Великим пророком, и запретили вход туда евреям и христианам до 1948 года.

Столкновение интересов мусульман и иудеев также имеет место быть в другом важном для всех авраамических конфессий месте — на горе Мориа. Это место считается центром мироздания и по преданию здесь Авраам хотел принести в жертву Богу своего сына Исаака. Эта гора называется в иудаизме также Храмовой горой, потому что здесь располагался когда-то иудейский Храм, и сейчас находится оставшаяся от него западная стена — Стена плача. Однако там же сейчас находится и одна из важных святынь мусульман — мечеть Купол Скалы, который обозначает место жертвоприношения Авраама. Кроме того, именно отсюда, где по мусульманскому преданию,

Мухаммед совершил восхождение на небо на крылатом коне Аль-Бураке.

Для экскурсовода, проводящему экскурсию в местах с этноконфессиональной напряженностью, нужно проявлять при разработке текста экскурсии и её проведении особый такт.

Другой специфической чертой организаций экскурсий в религиозных центрах, которую необходимо учитывать, является то, что религиозное искусство имеет ярко выраженную функцию сакрализации пространства. «Человек, попавший в собор, чувствует свою отрешенность от внешнего мира и пространства, что заставляет его невольно сосредоточиться на внутреннем молитвенном делании. Здание едино в своем идейном замысле как памятник духа, а не каких-либо других представлений», — пишет М.А. Ильин [1 с. 100]. Сам тип крестово-купольной базилики христианских храмов, ассоциирующийся не только с крестом, но и с телом Христовым; наличие иконостаса в православном храме, отделяющим алтарную часть от основной — все эти элементы стиля храмовой архитектуры несут важное смысловое значение. П. Флоренский отмечал, что алтарь в православном храме воспринимается как «пространство неотмирное», «духовное небо со всеми его обитателями». Границу между алтарем и храмом, небом и землей образуют живые символы единения двух миров, образующие стену иконостаса. Под иконостасом в его подлинном значении П.Флоренский понимает живую стену свидетелей Божиих, а основное назначение икон как главного элемента иконостаса — служить окнами в мир иной [5 с. 419—527].

Сакрализация пространства с помощью различных видов религиозного искусства присутствует не только в христианских храмах. В основе внутреннего устройства синагог лежит конструкция Храма. Синагоги строятся так, что их фасад всегда обращён к Израилю, по возможности, к Иерусалиму, где стоял Храм (для европейских синагог это означает ориентацию на восток). Во всяком случае, стена, у которой стоит арон кодеш (шкаф, в котором хранятся свитки Торы) — прообраз Святая святых в храме всегда направлена в сторону Иерусалима, и в любом месте земного шара еврей молится, обратясь лицом к нему.

В основе художественного образа мусульманского архитектурного сооружения лежат принципы ритмического повтора одинаковых или подобных элементов, симметрии и зеркальности композиции архитектурных форм. В удивительных геометрических узорах мусульманских зданий представлены целые духовные концепции. Изображения включают и геометрический рисунок

элементов человеческого тела, и формы растений, и геологические структуры, поэтому существует выражение «в геометрии проявляется Всевышний» [4]. Сакральная геометрия культовой архитектуры ислама может даже воздействовать на чисто механические физические явления, усиливая их эффект. Если сказать что-нибудь шепотом под сводами мечети или медресе, — слова будут четко слышны в другом конце здания: звук фокусируется в центре сферы, (само здание имеет форму сферы), а затем отражается от стен.

Таким вещи необходимо учитывать при организации и разработке маршрута экскурсий, так как сакрализация храмового пространства налагает и некоторые ограничения. Так, нельзя заходить без благословения священника в алтарную часть православного храма. Более того, женщинам туда вход категорически запрещен, а мужчины могут входить только северный или южный вход. Непосредственно к иконостасу примыкает солея — возвышенная площадка вдоль всего алтаря. Напротив царских врат находится амвон — центральная часть солеи. Без разрешения священнослужителей на амвон и солею также заходить не разрешается.

Существует и особенность показа религиозных объектов при экскурсии. Чтобы открыть глубинный сакральный смысл, заложенный в культовых постройках, необходимо строить показ в соответствии с религиозным замыслом этих сооружений. Например, смысл и значение мечети Купол Скалы могут быть поняты экскурсантами, если во время показа группа обойдет этот религиозный объект. По традиции мусульмане обходят Скалу семь раз. Также экскурсовод может воспользоваться материалами из «портфеля экскурсовода» и сравнить Куббат ас-Сахра со святыней ислама Каабой. Оба здания одинаково являются композиционным и смысловым центром архитектурно оформленного сакрального участка, предназначенного для совершения молитвенного обряда. В основу плана обоих сооружений положен квадрат. Обе постройки представляют собой объект культа, рассчитанный на круговой обход. Обе они ориентированы строго по странам света и заключают в своей композиции и планировке космогоническую идею. Архитектурная форма и Каабы, и Купола Скалы равным образом трактована как оболочка, скрывающая и укрывающая сокровище — святыню, окутанную непостижимой духовной тайной и религиозными преданиями. В Каабе это — священный Черный камень, в мечети Скалы это — купол, который в иконографии исламской архитектуры всегда прочитывается как образ небесной сферы — обители Бога; здесь Купол представляет также обитель, или «дом» объекта

поклонения, святыни — священной Скалы. Еще одна общая и чрезвычайно важная черта обоих сооружений — драпировка конструкции. В Каабе это кисва — драгоценная периодически сменяемая ткань, драпирующая здание в знак сокрытия и оберегания святыни. В Куббат ас-Сахре это — нарядный наружный декор купола и стен, составляющий, теперь стационарную, драпировку священной постройки [7].

Таким образом, показ, сопровождаемый рассказом экскурсовода, помогает экскурсантам самостоятельно сделать вывод о значимости и святости мечети Купол Скалы для мусульман. Это способствует более глубинному постижению культуры и, как возможность, станет основой для полноценного межкультурного диалога.

Список литературы:

1. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы М.: Искусство. 1980 г. 144 с.
2. Прокопенко Т. А. Экономико-географический и исторический аспекты развития религиозного туризма. Автореф.на соиск.степ.канд.наук.... 2007.
3. Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. — М.: Смысл, 2006. — 328 с.
4. Сакральная геометрия [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://islamneve.com/mpage.php?p=art/geometry>
<http://www.persia.ru/main/?page=443>
5. Флоренский П. А. Иконостас // Соч. в 4-х тт. — Т. 2. — М.: Мысль, 1999. — С. 419—527.
6. Христов Т.Т. Религиозный туризм. Учебное пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 288 с.
7. Шиммель А. Распознавание символов бога. Феноменологический подход к исламу[электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.mirobretshikh.narod.ru/decipher_introduction.htm

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТИХИЙ (ВОДА И ОГОНЬ) В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Борисова Анна Владиславовна,

аспирант Башкирского государственного университета, г. Уфа,

E-mail: niebo-i-ziemia@yandex.ru

Наименования стихий представляют особый интерес при изучении языка, культуры того или иного этноса, поскольку указанные понятия являются первичными для человеческого сознания, ведь наиболее древние представления людей соотносились с представлениями о природе в целом и со стихиями в частности.

Пословицы, по определению В.И. Даля, — «краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказанья, или в виде житейского приговора; поговорка есть собо языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи, а сама о себе говорит» [3]. Пословица, по мнению ученого, — «складная, короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной поговорки; поученье, в принятых, ходячих выраженьях; условный оборот речи, обычный способ выражаться» [3]. Таким образом, исходя из данных определений, можно заключить, что как поговорки, так пословицы теснейшим образом связаны с бытом этноса, его жизнью, следовательно именно в этих малых фольклорных жанрах обнаруживают себя мировоззренческие концепции русского народа.

Рассмотрим, как репрезентируются такие стихии, как *вода* и *огонь*, в русских поговорках и пословицах. Наши предположения проиллюстрируем соответствующими примерами.

Пословицы и поговорки с компонентом *вода*. Большая часть пословиц и поговорок с данным компонентом характеризует воду как

разрушительную силу. Об этом свидетельствуют такие выражения, как *Вода и мельницу ломает, Воды и царь не уймет, Жди горя с моря, беды от воды, От воды всегда жди беды, И царь воды не уймет, Всегда жди беды от большой воды* и т. д. В связи с этим в русской паремической традиции имеют место советы-предостережения, такие как: *Не суйся в воду, не изведав броду, Огню и воде не верь, С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь, Не мути водою — случится затопления, отсюда и упоминания о «полой воде», о «большой воде».*

Но вместе с тем вода играла большую роль в жизни человека, о чем свидетельствуют такие пословицы и поговорки, как *Хлеб батюшка, водица матушка, Хлеб да вода — блаженная еда, Что за беда, коли пьется вода, Огонь и вода — царь и царица* и т. д. Таким образом, наряду с хлебом, вода является для человека **пищей, источником жизненных сил.** Следует также отметить в этой связи то, что вода в русских пословицах и поговорках рассматривалась как **признак незначительности человека,** который ее употребляет (*Не велики лица, испейте и водицы, Пьешь и воду: не барского роду* и т. д.), а также как **наиболее простой вид напитков** (*И худой квас лучше хорошей воды*). В русских пословицах и поговорках вода употреблялась и как синоним слову «ерунда» (пустые разговоры): *Говорит воду, а во рту сухо.*

Вода также воспринималась людьми как **«движущаяся» стихия,** чем и было обусловлено указанное выше разрушительное воздействие воды на окружающее пространство. Такое свойство воды можно обнаружить в таких пословицах и поговорках, как *Богатство — вода: пришла и ушла, Где вода была, там и будет, куда денга пошла, там и скопится, Где много воды, там больше будет; где много денег — больше будет, Под лежач камень и вода не течет* и т. д. «Движение» воды передается такими глаголами, как «пришла», «ушла», «течет», «была», «будет» и др.

Древние славяне в целом и русский народ в частности приписывают воде **очистительные свойства,** и данные представления о воде не могли не найти соответствующего языкового подтверждения. Так, вода способна очищать от болезней, от бед: *С гуся вода, с тебя худоба, на пустой лес, на большую воду; Стряс беду, как гусь воду* и т. д.

Вода в пословицах и поговорках представлялась как **среда обитания нечистой силы.** Данный тезис можно проиллюстрировать следующими примерами: *В тихой воде омуты глубоки, Работа нечерт, в воду не уйдет, Быть так: все бесы в воду, да и пузыри вверх* и др.

По мнению русского народа, вода — «**сильная**», «**мощная**» **стихия**, что непосредственно связано с ее разрушительными свойствами, способностью воды прибывать и убывать (большая и малая вода). Это находит отражение в следующих выражениях русского языка: *Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодovitа, как свинья, Будь здорова, как вода, плодovitа, как земля, Мир силен, как вода, а глуп, как дитя (как свинья).*

В русском языке можно обнаружить большое число пословиц и поговорок, характеризующих **место воды в земледелии**: *Без воды зима не станет, Весной ведро воды — ложка грязи; осенью ложка воды — ведро грязи, Много снегу — много хлеба; много воды — много травы* и др.

Таким образом, представления русского народа о воде, получившие свое отражение в языке, носят противоречивый характер. С одной стороны, она чрезвычайно важна для жизни человека, даруя ему жизненные силы и являясь необходимым компонентом в процессе земледелия, питая землю водой; с другой стороны — она способна оказывать разрушительное воздействие на земли, орошаемые ею, а также является выражением безродного человека, употребляющего самый простой из напитков — воду.

Пословицы и поговорки с компонентом *огонь*. Паремические выражения с компонентом *огонь* в русском языке представлены в меньшей степени, чем с компонентом *вода*. Возможно, это обусловлено степенью важности этих стихий в жизни древних людей.

Огонь в русских пословицах и поговорках в первую очередь представлен как **разрушающая стихия**. Данный тезис можно подтвердить следующими примерами из русских пословиц и поговорок: *С огнем и водой шутки плохи, Море, и огонь, и жена — три зла, Около огня обожжешься, около воды обмочишься* и т. д.

Поэтому в паремических выражениях русского языка можно обнаружить следующие советы: *Не шути огнем, обожжешься, Не топора бойся, а огня* и т. д. В связи с этим необходимо отметить, что огонь **обладает огромной силой**, которой трудно противостоять: даже предметы, не подвергающиеся огню, не могут «устоять» против его воздействия (*Против огня и камень трясет, Злато разрушается огнем, а человек — несчастьем*). В русских пословицах также нашло отражение такое свойство огня, как **быстрая скорость его распространения**, которая впоследствии стала сравниваться с работой, сделанной наспех (*Скоро огонь горит да вода бежит, На работу огонь, а работу в огонь* и т. д.). С распространением огня связана и пословица *Нет дыму без огня*, которая имеет значение ‘у всего есть своя причина’, однако следует отметить, что данное

выражение употреблялось преимущественно в отношении распространения слухов. Боязнь огня ассоциировалась у людей с возможностью пожара, причиной которого огонь может являться (*От пожара, от потопа и от злой жены сохрани нас, Господи*).

Однако русские пословицы и поговорки не определяют огонь как однозначно отрицательную для человека стихию. Имеют место выражения, характеризующие огонь как **непосредственную составляющую человеческой жизни**: *Огонь и вода — царь и царица, Имей только огонь и соль; все прочее найдешь в Ахасе*. Так же, как воде, огню приписывали **очистительные свойства**. Так, имеет место поговорка-заговор, сопровождавшаяся прижиганием огнем: *Огонь, огонь, возьми свой огник!*

Таким образом, огонь, так же, как и вода, воспринимался людьми двояко: с одной стороны, он является разрушительной стихией, с другой — неотъемлемой составляющей жизни древних людей.

В заключение необходимо отметить, что такие стихии, как вода и огонь, обладают значительным числом подобных характеристик. Во-первых, это проявляется в отношении русского народа к указанным стихиям (принятие их как основополагающих, но в то же время боязнь их ввиду ущерба, которые они могут нанести). Во-вторых, общность стихий воды и огня обусловлена их свойствами, которые также нашли отражение в пословицах и поговорках русского этноса. Так, и огню и воде приписывались очистительные свойства, и огонь и вода являются «сильными» стихиями, а скорость распространения огня можно сравнить с движением воды в половодье.

В перспективе нами планируется рассмотреть, как представлены в русских пословицах и поговорках такие стихии, как земля и воздух.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий. — М., 1995. — 400 с.
2. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.megabook.ru/Dictionaries/Pages.asp?AID=20>
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/index.htm>
4. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А.С. Спиринов. — Изд. 3-е, стереотипное. — Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. — 544 с.
5. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах / Предисл. Е. Грушко, Ю. Медведева. — М.: ТЕРРА, 1997. — 352 с.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛОРАТИВА «ЧЕРНЫЙ» КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО)

Захарова Елена Алексеевна

*старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
E-mail: e-lena26@yandex.ru*

Значение цвета в постижении человеком окружающей реальности огромно: он охватывает все стороны деятельности человека и является особой системой кодирования информации [1, с. 425]. Лингвоцветовая картина мира отражает представления человека, сформированные под влиянием его психофизиологического и культурно-исторического опыта, что особенно актуально для поэтических текстов, являющихся средоточием потенциальных возможностей языка. Тема цветообозначений достаточно широко освещалась в лингвистических исследованиях, анализирующих семантику, особенности функционирования, вербализации и концептуализации цветового фрагмента (В. Г. Гак, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Зубова, Н. В. Злыднева, Р. В. Алимпиева, Г. П. Тыртова, С. Г. Воркачев, В. Н. Телия, И. В. Белобородова, А. С. Выродова и др.); это позволяет говорить об объективной необходимости учета данных колористики при анализе философско-поэтического мироощущения личности и особенностей идиостиля.

Предметом нашего рассмотрения являются особенности образных реализаций черного цвета и актуализация семантико-деривационного потенциала данной лексемы в творчестве знакового поэта второй половины XX века Роберта Рождественского. Наравне с белым, черный цвет является доминантным в художественном мире Р. Рождественского и является дополнительным штрихом к общей контрастной маркированности всей художественной системы поэта, создавая глубинное ощущение строгой графичности, конкретности и определенности не только в характеристике вещного мира, но и при описании внутреннего психологического пространства человека.

1. Черный цвет как семантко-структурный центр стихотворения.

Рассмотрим стихотворение «Провожающая солнце» из миницикла «Молитвы инка». Колоратив **черный** представлен здесь

максимально объемно и разносторонне и является структурной и семантической доминантой произведения, преобразуясь в номинации со следующими значениями:

1. Признак цвета. Языковое значение репрезентирует явления окружающего мира, живой и неживой природы: «Сухие черные ветки целятся мне в глаза»; «Черное тело пумы скользит по черной тропе»; «На фоне черного неба — черные гребни гор»; «По черным морщинам инка бесцветные слезы текут».

2. Символ ночи, в свою очередь олицетворяющей смерть, зло, небытие. Культурные ассоциации, связывающие признак **черный** с ночью и в свою очередь — со смертью, проявлениями зла, имеет глубокие психологические и историко-культурные основания. В стихотворении это значение проявляется в синкретичности семантики ключевой номинации, возникающей как результат семантического и словообразовательного варьирования однокорневых лексем: «Как мало у ночи красок! Видишь: чернеет мир. Подули черные ветры... Земля черна и пуста. В бездонной реке, накапливаясь, ворочается чернота».

3. Подсознательные проявления в человеке, осознаваемые как злое, бесовское начало, выраженные эксплицитно: «Спеют черные бунты в самом забитом рабе», в перифразе наименования воронов: «Черные птицы откаркались», и имплицитно — в семантике синонима ночной: «Тяжесть ночного ига люди по сну волокут», «Не зря умирают ночью, мучаясь и хрипя...».

Таким образом, количественная избыточность в реализации семантики колоратива (12 употреблений) приводит к качественным изменениям, переводя лексему на уровень символа — обозначения многогранности зла (темнота, смерть, ужас, бессмысленность существования, прошлое) как вечного противника добра (воплощенного в образе дня, солнца, нови): «Я полон завтрашной новью. Я очень верю в тебя! Пожалуйста, возвращайся!...».

2. Окациональные реализации лексемы **черный.**

1. Цвет сажи, угля → пороха, гари. Языковое значение данного типа в произведениях поэта буквализируется, обнажая внутреннюю форму, ставшую основой мотивировки лексемы. Преимущественное использование этой номинации связано с семантикой войны и снега, имплицитно передающих коннотации смерти: «Когда война кончилась, черный снег таял на черных полях, набухали на вяхах почки, а кюветы были водою полны» («Когда война кончилась...»); «Довелось в бою почуять молодым рыжий бешеный огонь и черный дым...» («Баллада о красках»); «...И уже пред ними, посреди земного

шара, левее безымянного бугра горели неправдоподобно жарко четыре черных танковых костра» («Баллада о зенитчицах»).

2. Темный, полностью лишенный света → бездуховный. Значение лексемы **черный** в поэтическом мире Рождественского, ориентированном на контрастное восприятие действительности и, как следствие, отрицательной коннотацией образа ночи, расширяется и соотносится не только с предметами, имеющими физически обусловленные параметры измерения (например, темнота в кабине автомобиля), но переносится напространство нравственного, духовного существования человека. Особенно часто дериваты с таким значением создают экспрессию в описаниях Америки. Поэтическая параллель, сближающая эту страну с машиной, несущейся на бешеной скорости по автостраде, символизирует глубину трагичности избранного ею пути, и, надо признать, что время доказываетпровидческий характер дара поэта: «Машина мили отмеривает. Восславьтесь, бог и престиж!.. Куда ты идешь, Америка? Куда ты летишь?.. В конусе замкнут мир. На поворотах скорость за девяноста миль... В черную жуть кабины радио ворвалось... Идет нарастание ночи. И в этой самой ночи орут твои соплеменники. Стреляют. Сходят с ума...» («Куда ты идешь?»).

3. Плодородный. Смещение значения семантически обусловлено возможностью метафорического переноса в сознании человека по признаку цвета — чем чернее почва (чернозем), тем она плодороднее: «Что может быть лучше — собрать облака и выкрутить тучу над жаром песка!.. Ворочать громами над черной землей» («Жизнь»).

4. Несущий значительные атмосферные осадки: «Солнце в черной туче тонет — завтра будет дождь с утра...» («Пельмени»); «Взвизгивали, бесновались метели. Черные тучи смертью грозили...» («Летчики»).

5. Сопряженный с трудной, физически тяжелой работой → трудный с духовной точки зрения. Данный семантический дериват, толкуемый в словарях как устарелый, обновляется поэтом. Значение физического труда перерастает в труд духовный, что возникает на основе контекстуального расширения семантической сочетаемости и реализует комплекс значений: ржаной хлеби с большим трудом достаемый результат: «Ел я каменный хлеб. Черный хлеб. Трудный хлеб. И его благодарю до последней крошечки!» («День благодарения»).

В стихотворении «Ответ на записку из зала» происходит дальнейшее расширение семантики данного деривата, который развивает коннотации мучительности, болезненности в

оказиональной номинации творческого процесса, приобретая нравственный аспект звучания: «Вдохновение! — Как мертвый среди праздника. Это раскалившееся сердце около холодного разума! Самая черная работа. Самое чистое дело».

6. Темнокожий → нравственно, духовно подавляемый. Историко-культурные коннотации (**черный** — чернокожий, представитель негроидной расы, раб; **белый** — светлокожий, европеец, хозяин), становятся мотивацией для появления у цветовой номинации оказионального значения — нравственно, духовно подавляемый человек, что делает возможным игру с языковыми и культурными значениями на всех, даже архетипических уровнях смысла: **черный** — бог Иисус Христос, **белый** — дьявол: «И свято верю в то, что дьявол — белый. И в то, что черный — бог Иисус Христос», «... чернеют не от времени распытая. Они хотят быть черными. Как мы!...» («Голос африканского поэта»).

7. Предварительность, отсутствие окончательности в проявлении признака. Данное значение особенно активно реализуется в противопоставленности однокоренных наречных образований набело — начерно. В творчестве поэта данные номинации приобретают устойчивый характер оказиональности осмысления, осуществляется расширение семантической сочетаемости и переносиз сферы конкретных действий человека в область его духовных проявлений:

- при описании женского характера, отражающегося в походке (японки): «Будто из отзвуков собрана. Не рождена — нарисована. Даже — едва обозначена. Легкою кисточкой. Начерно. Скрылась, пропала, растаяла... Тень ошущенья оставила» («Не доставая до поручня...»);

- при характеристике способа бытия лирического героя: «...В пронзительных годах живу все время начерно. И, видимо, не так... Гордиться не с руки: вновь на огне корежатся года-черновики. То лучшие, то худшие, протяжные, как стон... Мне так хотелось — набело! Не вышло. Не сумел» («Чего бы это значило?...»).

3. Символизация семантики лексемы **черный**.

Соотнесенность лексемы **черный** с понятием смерти имеет общекультурную основу для носителей русского языка. В творчестве Р. Рождественского это находит свое отражение в языковом обыгрывании перифрастических сочетаний, отражающих заштампованность восприятия и культурные клише сознания человека.

1. Черная рамка (некролог → знак траура). В стихотворении на смерть Кеннеди принцип отзеркаливания значения, используемый

Рождественским в качестве структурообразующего, усиливает траурное звучание в номинациях черного цвета:

- ужаса и горя, отраженного во внешности (языковая игра) и проявлении чувств (слезы): «И в лифте всхлипывает негрityнка, как будто почерневшая от ужаса»;

- смерти физической: «Из черной рамки просто смотрит Кеннеди в твои глаза. Вот так. Из темноты»;

- духовной деградации, имплицитно выраженных в номинациях ночи (сумрак) и дождя (слезы): «Чего же ты отводишь взгляд, Америка?.. Ах да, забыл: ты ж к выстрелам привыкла... К нам в комнату вползает сумрак медленно... В Чикаго ночь. В Чикаго дождь идет» («22 ноября 1963 года»).

2. Черный камень (обозначение выбора жизненного пути → надгробный памятник). Это сочетание является основой народнопоэтического художественного образа камня, обозначающего выбор пути героем. В поэме «Реквием», посвященной павшим в Великой Отечественной войне солдатам, образ черного камня безусловно сохраняет свои народные истоки, что проявляется в олицетворении и общем песенном обрамлении поэтического обращения к нему, но при этом приобретает вполне конкретное значение 1) разновидности горной породы черного цвета (мрамора): «Черный камень, черный камень, что ж молчишь ты, черный камень?», «Мы в горах тебя искали. Скалы тяжкие дробили», которое перерастает в образ надгробия, и далее — в символ горя и памяти, объединяющих тех, кто остался в живых: «Разве ты хотел такого? Разве ты мечтал когда-то стать надгробьем для могилы Неизвестного солдата?», «Поезда в ночах трубили. Мастера в ночах не спали. Чтобы умными руками, чтобы собственной кровью превратить обычный камень в молчаливое надгробье».

Таким образом, черный цвет в поэзии Р. Рождественского выполняет роль словесно-образного лейтмотива, создает смысловое пространство произведения, реализует новые грани семантики цветообозначения и концептуализирует действительность в ярких художественных образах.

Список литературы:

1. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2002. — С. 424—431
2. Рождественский Р. И. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1—3. Стихотворения; Поэмы; Песни. М.: Худож. лит., 1985.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX ВЕКА

Каунова Екатерина Викторовна

*старший преподаватель Волгоградского государственного
социально-педагогического университета, г. Волгоград
E-mail: kate08d@rambler.ru*

Сложные образования в XX в. стали особенно богатой лексической группой, причем характерной чертой в развитии сложных прилагательных этого периода является резкое увеличение терминологических, общественно необходимых слов, отражающих развитие науки, техники, культуры, искусства.

В начале века в эпоху «серебряного века» писатели, и особенно поэты, проявляют большой интерес к сложным словам, в частности сложным прилагательным. Символизм, акмеизм, футуризм — литературные направления, в каждом из которых поэты по-своему стремились выразить сущность искусства. Активно использовались сложные адъективные новообразования в поэтической речи русских символистов. Благодаря этим течениям в литературе появилось немало интересных образов, которые передаются с помощью сложных слов: *равнодушно-желтый огонь* (А. Ахматова), *переплеск разорвано-слитный, волна шаловливо-беспечная, девственно-ясная вакханка, нежно-стыдливые лилий цветы* (К. Бальмонт), *изумрудно-пенные волны* (А. Белый), *звонко-звучная тишина, сказочно-ласковый образ* (В. Брюсов), *звезда белокрылая* (С. Городецкий), *смешно-нелепые фигуры, пестрокрылый сон* (Н. Гумилев), *зелень стозвонная, золотоколенный дождь, облак желтоклыкий* (С. Есенин), *нежно-заревая алость* (М. Кузьмин), *позорно-легкомыслая головенка, старомозгий Плюшкин, медногорлая сирена* (В. Маяковский), *летуче-красный полумесяц губ* (О. Мандельштам), *чудовищно-быстрое и медлительно-долгое движение* (Б. Пастернак), *туманно-призрачное желанье* (И. Северянин) и др. Следует отметить, что активно использовались сложные адъективные новообразования в поэтической речи русских символистов.

Привлекает к себе внимание тот факт, что в творчестве, например, М. Цветаевой в основном встречаются сложные прилагательные в краткой форме, которая указывает на временный, непостоянный признак предмета. Ср.: *голос безучастно-далек,*

движенья торжественно-хрупки, ели стройно-прямы, протяжно гулок звон часов, скалы заманчиво-сыры, сны прозрачно-белы и др.

Как указывает А. В. Громова, в поэтических текстах М. И. Цветаева часто использует тире в качестве «индивидуально-авторского графического регулятивного средства в составе атрибутивно-предикативных структур с краткими прилагательными. Регулятивные структуры с краткими прилагательными ярко и образно транслируют читателю мироощущение поэта» [1, с. 189].

В языке художественного произведения на фоне избытия предметных слов и глаголов на первый план зачастую выступает своеобразие признаков единиц. Они отличаются тем, что не просто называют признак предмета, а живописуют и характеризуют создаваемый образ. По мнению Т.М. Гусевой, «такие единицы как бы расцветивают повествование, придают ему неповторимый колорит» [2, с. 74].

Во многих периодических изданиях, особенно начала века, встречается большое количество новообразований. Сложные прилагательные часто используются писателями и авторами статей в функции эпитета. Например, в журнале «Аполлон» и «Новое слово» при выборке материала нами были выделены следующие композиты: *безудержно-нежные слезы* (Аполлон. 1909. № 2. С. 12), *трепетно-живой огонь* (Новое слово. 1909. № 9. С. 46), *весело-трагическая комедия* (Аполлон. 1909. № 2. С. 30), *волшебно-зыблемое покрывало* (Аполлон. 1910. № 8. С. 14), *грациозно-деревянные портреты* (Новое слово. 1909. № 11. С. 159), *жутко-чуткая глубь* (Новое слово. 1909. № 9. С. 47), *красно-коралловый берег* (Аполлон. 1910. № 8. С. 19), *нервно-напряженная атмосфера* (Аполлон. 1910. № 7. С. 19), *неуловимо-зыбкий* (Аполлон. 1910. № 7. С. 26), *празднично-трехцветные флаги* (Аполлон. 1910. № 8. С. 4), *радужно-мрачный визионер* (Аполлон. 1910. № 7. С. 1), *слащаво-поучительные и изящно-простые сказки* (Аполлон. 1910. № 7. С. 36), *туманно-мистический образ* (Там же. С. 26), *углубленно-вдумчивое изучение* (Аполлон. 1910. № 8. С. 17), *сосредоточенно-набожная и экстатически-сладогострастная религия* (Аполлон. 1909. № 2. С. 19) и др.

Обогащение современного русского языка идет не только за счет новообразований, но и за счет переосмысления и расширения лексических и стилистических возможностей уже имеющихся средств языка, в частности сложных прилагательных (например, в произведениях М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова и др.). В произведениях М. Шолохова сложные прилагательные выполняют описательную функцию, они помогают автору охарактеризовать

предметы, явления окружающей действительности, состояние человека, его внешний вид и др.: *белогубый щенок, слезливо-мокрые глаза* (Родинка), *низкорослый курган, бледнорадушный журавль, круглоглазое окошко, медноголосый журавль, красноталый плетень, кособокий месяц* (Путь-Дороженька), *человек: ширококостый, злобно-голодный взгляд* (Червоточина), *крутолобая гора, ширококостная и низкорослая фигура, малосильный мужик, непоправимо-тяжелое что-то, крупнозернистый хлеб, дымчато-серые ручейки* (Батраки).

В художественном стиле в середине XX в. композиты все же встречаются в умеренных количествах. Они почти не употребляются в произведениях поэтических и драматических. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что события, происходившие в это время, не могли не повлиять на частотность их употребления. В произведениях военных лет сложные образования выступали, как правило, в номинативной функции (*повседневный, многочисленный, классово-пролетарский, военно-каторжный, критико-публицистический, организационно-деятельностный*), реже — изобразительной.

Увеличилось употребление сложных прилагательных в произведениях научного жанра и в языке газеты. В словарях фиксируются стилистически нейтральные композиты, многие из которых являются терминами: *административно-бюджетный, бетономазочный, бурорыхлительный, варено-сушеный, визуально-индустриальный, врачебно-инженерный, директивно-волевой, длиннокозырьковый, доброжелательно-требовательный, квартально-групповой, малооснащенный, пахотно-посевной, пористо-наполненный, селеностационарный, труднообогатимый* и мн. др. [3]; *абстрактно-киношный, абсурдно-сюрреалистический, авторитетно-националистический, административно-юридический, алюминиево-воздушный* [4]; *административно-бюрократический, акционерно-биржевой, бритоголовые, валютно-фондовый, верноподданнический, военно-гэбистский, денежно-кредитный, жидкокристаллический, законотворческий, конкурентоспособный, криминально-бюрократический, лечебно-исправительный, многомандатный, неблагонадежный, оптико-волоконный, планово-распределительный* [6].

Особенно продуктивным стало образование сложных прилагательных с причастием в качестве опорного (последнего) компонента, например: *билетопечатающий, влагоотталкивающий, горно-перерабатывающий, жироперерабатывающий, лучеиспускающий, новоиспеченный, сосудосуживающий, тепловыделяющий, шумопоглощающий, щитоформирующий* и др. [5].

Сложные прилагательные употребляются во всех функциональных стилях русского языка. Однако на данный момент, проанализировав большой иллюстративный материал, мы пришли к выводу, что сложные прилагательные в современном русском языке являются в основном языковой приметой научного стиля. По общему количеству обследованных слов преобладающими являются дефисные написания (72 %).

В XX в. в связи с научно-техническим прогрессом увеличивается количество сложных образований в русском языке. Поскольку большинство композитов становятся терминами, то они начинают активно употребляться и в научном стиле.

Одной из основных функций сложных лексических единиц становится номинативная, они помогают выразить в языке сложное понятие в одном слове. В художественном стиле наблюдается снижение употребления сложных прилагательных, авторы если и используют их, то предпочитают создавать окказиональные сложные образования.

Список литературы:

1. Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2010. — 212 с.
2. Гусева Т.М. Сложный эпитет как стилеобразующая единица художественного пространства И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001. — 178 с.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 80 / под ред. Н.З. Котеловой. — М., 1984. — 287 с.
4. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 94 / под ред. Ю.Ф. Денисенко. — СПб., 2006. — 397 с.
5. Орфографический словарь русского языка: Ок. 100000 слов / Рос. АН, Ин-т русского языка; подгот. С.Н. Боруновой и др.; под ред. В.В. Лопатина и др. — 31-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1994. — 414 с.
6. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Спяревской. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига. — 2005. — 894 с.

**СЛОВСОЧЕТАНИЯ КТО-ТО/ ЧТО-ТО+
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ
(К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА)**

Кужарова Ирина Витальевна

аспирант ТГПИ имени А.П.Чехова, г. Таганрог

E-mail: Renie09@yandex.ru

Традиционно категория определенности — неопределенности понимается как «одна из категорий семантики высказывания..., функция её — актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ей феноменов (неопределенность)» [4, с. 349]. Существуют другие аналогичные дефиниции: «Определенность — такое отражение предметов и явлений действительности, при котором раскрываются не только их общие признаки, присущие и другим предметам и явлениям, но и их специфические признаки, отличающие их от других предметов и явлений. Неопределенность — такое отражение предметов и явлений действительности, при котором раскрываются лишь общие признаки этих предметов и явлений и игнорируются их дифференциальные признаки» [7, с. 7].

Категория определенности — неопределенности является одной из важнейших категорий русского языка, причем неопределенность считается семантической доминантой русской языковой картины мира (Кузьмина 1989, Арутюнова 1995, Падучева 1995, Колесов 1999, Чернышёва 2004, Соколова 2006 и др.). Безусловно, в определенном смысле это закономерно для любого языка: «Если бы язык не давал возможности говорить о неизвестном, то он не мог бы служить орудием познания [2, с. 84]. Однако «...в русском языке гораздо богаче, чем во многих других, поле неопределенности. Речь идет не только о том, что в русском языке на месте одного разряда неопределенных местоимений имеется три местоимения на *-то*, *-нибудь*, и *кое-* (если не четыре, учитывая *некий*, *некто*): обращает на себя внимание отчетливо национально специфическое тяготение русского дискурса к неопределенным модальным показателям: бесконечные почему-то, что-то, должно быть и проч., как правило, опускаются при переводе, скажем, Чехова на европейские языки [5, с. 23].

Несмотря на то, что местоименная неопределенность в силу отнесенности её к ядру реализации категории определенности — неопределенности в научной литературе описана достаточно полно (работы Н. Ю. Шведовой, А. С. Белоусовой, И. Е. Шуваловой, И. М. Кобозевой, Е. М. Вольф, Н. А. Янко-Триницкой, Е. М. Галкиной-Федорук, В. А. Лукин, К. Е. Майтинская, Л. Я. Маловицкого и др.), способы, используемые носителями русского языка для её частичного снятия, являются практически не исследованными. Это объясняется, вероятно, тем, что в первую очередь обращают на себя внимание, естественно, предельные «точки», связанные с выражением определенности/неопределенности. Промежуточные же точки, фиксирующие значения срединной зоны, являющиеся синкретичными, остаются практически вне рассмотрения. Выделение таких значений крайне важно, ибо в противном случае не фиксируется важная ступень в познании, отражающая постепенность перехода от незнания к знанию, от неопределенности к определенности.

Данная статья посвящена исследованию одной из таких промежуточных точек, связанных с обозначением частичного снятия неопределенности местоимений *кто-то/ что-то* с помощью семантики прилагательных, понимаемых в широком смысле. «Значение предмета по его признаку быть определено как 'обозначение предмета по его признаку (с оттенком неопределенности)» [3, с. 35]. Обозначим эту выбранную для анализа точку на шкале переходности [1] моделью словосочетания *кто-то/что-то + прилагательное* в широком смысле. Реализация данной модели рассматривалась на материале названных словосочетаний, извлеченных методом сплошной выборки из художественного и эпистолярного стиля А. П. Чехова [9].

Проведенное исследование показало, что значительно чаще частично снимается неопределенность местоимения *что-то* по сравнению с местоимением *кто-то*. Количество словосочетаний *кто-то + прилагательное* в 6 раз меньше, чем количество словосочетаний *что-то + прилагательное*. Однако причиной этого, по-видимому, является не столько менее частотное использование приема частотного снятия неопределенности местоимения *кто-то*, сколько его в принципе относительно местоимения *что-то* редкая частотность. Ср. данные одного из частотных словарей: первое количество — общая частотность, второе — в газетно-журнальных текстах, третье — в текстах драматургии, четвертое — в научных и публицистических текстах, пятое — в художественной прозе: *кто-то* 157 (*что-то* 373) / 55 (136) / 13 (25) / 55 (154) [8]. Как

видно, частотность местоимение *что-то* во всех случаях примерно в 2 раза выше, чем местоимения *кто-то*. Важно отметить, что частотное соотношение остальных местоимений группы *кто/что* сохраняет доминирование вторых почти во всех случаях. Ср.: **кто**214 (*что* — без частеречной дифференциации 2640) / **778** (3965)/**147** (2718) /**429** (3862); **кто-либо**10 (*что-либо*15) / **3** (4) / **1** (0) / **9** (6) / **6** (5); **кто-нибудь**53 (*что-нибудь*275) / **8** (14) / **24**(112) / **8** (14) / **13** (136); **кое-кто**16 (*кое-что* 59) / **7** (4) / **1**/ (28) / **7** (9) / **1** (18); **некто** **19** (*нечто*86) / **5** (21) / **6**(18) / **6** (28) / **2** (19) [8].

Частичное снятие местоименной неопределенности *кто-то/что-то* прилагательных осуществляется тремя способами, которые условно можно назвать *качественным, количественными структурным*.

Качественный способ — снятие степени неопределенности осуществляется с помощью разного качества используемых прилагательных (при понимании их в широком смысле). По градации внесения определенности, способствующей узнаванию местоименно обозначенного предмета, они распределяются следующим образом: *местоимение-прилагательное — причастие — собственно прилагательное* (порядковые числительные и количественное числительное-прилагательное *один* при *кто-то/что-то* в текстах А.П. Чехова не зафиксированы).

Как вытекает из установленной последовательности, наименьшую определенность вносят местоимения-прилагательные, которые в соответствии с этим являются наименее частотными [3, с. 34]. Показательно, что у А.П. Чехова их круг ограничен практически несколькими местоимениями:

а) **такой**: *Подъезжаю я к Змеиной балочке, будь она проклята, начинаю спускаться и вдруг это самое, идет кто-то такой* («Воры»); **Что-то такое** в воздухе... *Спать не хочется!* [9, т. 5, с. 294];

б) **такое...этакое/такое-этакое**: *Все люди, как люди. Один только я изображаю из себя что-то такое...этакое*[9, т. 5, с. 304]; *Что-то неладное есть у артистов...что-то такое-этакое...* [9, т. 12, с. 61].

в) **другой**: *Значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь...* [9, т. 10, с. 208];

г) **свой** (единичные употребления): *Каторжные, работая лопатами, продолжают говорить что-то своё*. [9, т. 14-15, с. 306].

д) **не Ваше** (единственный случай): *Мне всегда казалось, что Вы несправедливы к современной жизни, и всегда казалось, что это*

происходит болезненной судорогой по плодам Вашего творчества и вредит этим плодам,внося что-то не Ваше [9, т. 27, с. 32].

Большая определенность связана с причастиями, ибо они указывают на признак, как местоимения-прилагательные, а уже называют его. Частотность их употребления также невысокая. Они зафиксированы как единичные при *что-то*, при полном отсутствии при *кто-то*: *Какая-то непобедимая сила гонялась за кем-то по полю, бушевала в лесу и на церковной крыше, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побежденное выло и плакало...* [9, т. 4, с. 375].

Максимально большую степень определенности вносят собственно прилагательные. Это имеет объяснение. Как и причастия, они, в отличие местоимений-прилагательных, также называют признак. Но этот признак уже никоим образом не связан со временем: «Прилагательные потому изображают нечто постоянное, нечто заложенное навеки в предметы природой, что у них нет времени» [6, с. 85]. Признак, обозначенный собственно прилагательным, для предмета *постоянен во времени* (краткие качественные прилагательные *прикто-то/что-то* не употребляются) по сравнению с признаком, обозначенным причастием, который является относительно переменным в силу связи его со временем, имеющим морфологическое выражение с помощью соответствующих суффиксов настоящего и прошедшего времени.

Внутри признаков, названных собственно прилагательными, существует своя градация по степени частичного снятия неопределенности предмета, обозначенного неопределенными местоимениями. По усилению её выстраивается следующая последовательность: качественные — относительные — притяжательные. Таким образом, из всех собственно прилагательных наименее снимает неопределенность предмета качественные прилагательные, остальные — в большей.

Показательно, что степень снятия неопределенности, обеспечиваемая именно качественными прилагательными, является наиболее идеальной. Отсюда высокая частотность их в русских народных загадках. Цель употребления которых та же самая — частичное снятие неопределенности загаданного предмета посредством общности того или иного качественного признака и как постоянного, и как общего с названным в загадке иным предметом: *Белое поле, черное семя, кто его сеет, тот разумеет* (буквы на листе бумаги). В этой загадке лист бумаги для письма и поле зимой объединяет типичный общий постоянный качественный признак

белый, написанные буквы и семена — признак *черный*. Данные типичные качественные признаки как постоянные и общие помогают отгадывающему снять неопределенность зашифровано названного предмета.

Именно идеальная степень частичного снятия неопределенности предмета объясняет отмеченную высокую частотность именно качественных прилагательных при неопределенных местоимениях *кто-то/что-то*. Причем доминируют определенные семантические разряды этих прилагательных:

- **цвет:** *Идут по плотине два человека и что-то черное несут* [9, т. 2, с. 212];

- **размер:** *В гостиной что-то небольшое упало со стола и разбилось* [9, т. 8, с. 180];

- **температура:** *...Что-то теплое коснулось Егорушкиной спины* [9, т. 7, с. 16];

- **прочность:** *Я вдруг начинаю жевать что-то твердое...* [Ха-ха! Он *раконины* ест!] [9, т. 3, с. 134];

- **вес:** *В прихожей уронили что-то тяжелое, раздался треск* [9, т. 1, с. 180];

- **степень ровности поверхности:** *Глоток, казалось, изо рта падал в какую-то пропасть и там шлёпался обо что-то большое, гладкое* [9, т. 1, с. 405];

- **степень новизны:** *Теперь после полугодового отсутствия он не видел перемен к лучшему; и было даже ещё что-то новое...* [9, т. 9, с. 35];

- **оценка** (обычно отрицательная): *...Говорили ей что-то ужасное и сразу в оба уха* [9, т. 2, с. 298]; *...Когда я по утрам убирал с нею комнаты, такое чувство, как будто я делал вместе с нею что-то мерзкое* [9, т. 8, с. 143] и др. семантические группы качественных прилагательных.

Количественный способ — снятие степени неопределенности представлено двумя разновидностями.

Первая разновидность — с помощью актуализации единичности предмета, на который указывает *кто-то/что-то* (*кто-то один, что-то одно*). В проанализированном материале данной разновидности не обнаружено.

Вторая разновидность — с помощью количества называемых прилагательными признаков. Понятно: чем больше их количество, тем более определенной будет предмет, в том числе обозначенный неопределенными местоимениями *кто-то/что-то*. Анализ языка А.П. Чехова показывает, что писатель использует при обоих

рассматриваемых местоимениях *кто-то* и *что-то* обычноодно или два прилагательных, соответственно частично снимая неопределенность одним или двумя признаками:

— одним признаком: *Она [Каштанка] протянула морду к темноуюкну, в которое, как казалось ей, глядел кто-точужсой, и завыла* [9, т. 6, с. 443] / *Что-тозолотистое сверкнуло в воздухе и шлёпнулось в воду, оставив после себя круги*[9, т. 8, с. 52];

— двумя признаками: *Ей [Каштанке] казалось, что кричит не Иван Иванович, а кто-то другой, посторонний* [9, т. 6, с. 133] («Каштанка») / *Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией* [9, т. 10, с. 29].

Три же прилагательных — это выявленный типичный для А.П. Чехова предел частичной снятия неопределенности при помощи называния трёх признаковобозначенного местоимением предмета: *А я люблю российскую осень. Что-то необыкновенно грустное, приветливое и красивое*[9, т. 22, с. 255]. В научной литературе такая тройственность объясняется стремлением автора к ритмизации прозы. Однако этот прием, как показала сплошная выборка из текстов, принадлежащих А. П. Чехову, не используется им при местоимении *кто-то*. Это же распространяется также на единичные случаи использования четырёх прилагательных: ...*Что-то мягкое, нежное и в то же время в высшей степени зловещее, похожее на страшную истину...* [9, т. 5, с. 222].

При употреблении прикто-то/что-то не одного прилагательногоиспользуется сочетание прилагательных или одних и тех же разрядов, или разных. В первом случае уровень снятия неопределенности названных местоимений осуществляется хотя и с помощьюразных признаков, но одного уровня — уровня качественных признаков:...*Потом упал на что-тотвердое и покатое...* [9, т. 2, с. 274] — ‘степень прочности + форма’; *Глоток, казалось, изо рта падал в какую-то пропасть и там шлепался обо что-то большое,гладкое* [9, т. 1, с. 405] — ‘размер+степень ровности поверхности’. Во втором случае, под влиянием сочетания прилагательных разных разрядов,уровни снятия указанной неопределенности разные, между которыми становятся возможными отношения уточнения:...*Ему [Климову] казалось, что идет не он, а вместо него кто-то другой, посторонний...* [9, т. 6, с. 133].

Структурный способ — построение определенной структуры, позволяющей расчленено представитьбольшое количество признаков как известных, принадлежащих одному и тому же неизвестному,

местоименно обозначенному предмету. Так, для шести признаков А.П. Чехов использует расчленение их на группы с дублированием местоимения, причем повтор местоимения таков, что он образует любимую писателем трехчастную структуру (см. в приведенном далее примере 1, 2, 3): *И тут на всех лицах, во всех неподвижных устремленных на него взглядах, он прочел не сочувствие, не сострадание, которых он терпеть не мог, а (1) что-то другое, (2) что-то мягкое, нежное и в то же время в высшей степени злое, похожее на страшную истину, (3) что-то такое, что в одно мгновение наполнило его тело холодом, а душу невыразимым отчаянием* [9, т. 5, с. 222].

Выявленная при анализе разнообразие и в целом высокая частотная реализация модели *кто-то/что-то + прилагательное* доказывает, что для носителей русского языка важна фиксация в их языковой картине мира не только определенности/неопределенности, но и промежуточной зоны, создаваемой частичным снятием неопределенности предмета.

Список литературы:

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М.: Дрофа, 2000. — 294 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 763 с.
3. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М.: Высшая школа, 2004. — 247 с.
4. ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой. Предисловие к кн.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
7. Уляшева Я. О. Функционально-семантическое поле определенности-неопределенности в современном русском языке. Автореф.... на соискание канд. филол. н. — Таганрог, 2002. — 26 с.
8. ЧСРЯ 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1977. — 936 с.
9. Чехов А. П. Собрание сочинений и писем в 30 тт. М.: Наука, 1974.

НОВООБРАЗОВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ VIP В РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Перовская Татьяна Ивановна

*ст. преподаватель кафедры русского языка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
E-mail: tat.perow@yandex.ru*

Любой лингвистический словарь является центральным понятием лексикографии и соответствует специфическим правилам составления словарей. Вслед за И. С. Кудашевым мы определяем словарь как самостоятельное произведение, часть другого произведения или системы произведений, центральным элементом которого является расположенная на внешнем носителе и упорядоченная в интересах упрощения поиска система знаков, предназначенная для несплошного чтения и снабженная относительно лаконичным набором сведений, имеющим основной целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене описываемых знаков [17, с. 144].

Социальные, политические, экономические изменения в жизни общества в конце XX века оказали существенное воздействие на язык. Появилось много новых понятий и, следовательно, слов, их обозначающих. Произошла актуализация некоторых сфер деятельности (в частности, экономики, информатики, политики, культурологии). Лексика, находившаяся на периферии языка, вошла в обиходную речь общества. Широко стали употребляться в речи заимствованные слова, относящиеся к разным областям жизни, например, английские. Распад СССР, исчезновение тоталитарного государства, политические потрясения в новой стране, утрата реалий, свойственных советскому обществу, появление новых — все это вело к актуализации вновь появившихся номинаций.

В данной статье анализу подвергается неологизм с заимствованным компонентом VIP. При использовании VIP в языке и в речи возникает ощущение чего-то нового, необычного в современном русском литературном языке. С начала 90-х годов XX века на страницах российской прессы, не переставая, мелькает этот неологизм. Этот акроним давно переведен на русский язык и обозначает следующее:

VIP — сокр. англ. VeryImportantPerson — очень важная персона, высокопоставленное лицо, очень известный, влиятельный человек, обладающий особыми привилегиями. Употребляется как самостоятельное слово, а также в качестве определения в составе сложных слов, где его сочетаемость практически неограниченна, а количество сочетаний — неисчислимо [25, с. 296].

Для понимания полного значения сокращения, а точнее — природы этого значения, требуется сопоставление неологизма с соответствующим ему полным употреблением в языке-доноре.

На Западе это сокращение появилось тоже не в древности. Первыми его стали использовать в речи военные во времена Второй Мировой войны для обозначения лиц, чья жизнь представляла особую ценность. В мирное время так продолжали называть уважаемых господ, бомонд [18].

Однако данных характеристик для составления лексического портрета аббревиатуры VIP явно недостаточно. Необходимо проанализировать лексикографические сведения, которые содержат многие словари. Нам интересна самая разнообразная информация о слове: его произношение, написание, происхождение, его толкование, характерные грамматические и стилистические свойства, особенности употребления в устойчивых сочетаниях и идиомах.

Современным русским языком была предпринята попытка лингвистического освоения аббревиатуры VIP. Англо-русские словари, авторами которых являются Ю. Д. Апресян, В. Б. Бобров, И. Р. Гальперин, В. Ю. Грибовский, Р. С. Даглиш, С. А. Кравченко, А. Кудрявцев, Т. А. Мамедова, И. Мизинина, В. К. Мюллер, А. А. Никифорова, Г. А. Николаев, Е. И. Тузовский, Г. В. Чернов, В. С. Шах-Назарова, объясняют сокращение данного неологизма. Следует заметить, что Словарь английского произношения Даниэля Джоунса и Словарь американского сленга Ричарда А. Спирса впервые знакомят нашего читателя с графическим, фонетическим и орфографическим портретом данного сокращения, из которого ясно следует, что написание аббревиатуры VIP с точками после каждого инициала соответствует традициям английского письма: **V. I. P.**, -s [vi: ai: pi:] -z. [28, с. 510]; **V. I. P.** n a veryimportantperson [26, с. 420].

Графическую особенность точечного правописания аббревиатуры подчеркивают отечественные словари:

- (сокр. **V.I.P.**) veryimportantperson — *значительное лицо, значительная персона* [24, с. 61];
- **V. I. P.** veryimportantperson *разг. начальство; высокопоставленное лицо* [6, с. 910];
- **V. I. P.** n very important person, *очень важная персона* [8, с. 439].

В связи с адаптацией данной аббревиатуры в современном русском литературном языке сложносокращенное слово истолковывается заново, с учетом изменившегося употребления: в словарях последних лет обращается внимание на фонетико-графический облик данного слова **VIP**. Исчезают точки между инициализмами, появляется транскрипция:

- **VIP** [vi: ai: pi:] n (*сокр. от* *veryimportantperson*) *разг.* весьма важная персона, высокопоставленное лицо [21, с. 669];
- **VIP**[vi: ai: pi:] (*veryimportantperson*) высокопоставленное лицо; **VIPlounge** специальный зал ожидания (в аэропорту) [16, с. 271];
- **VIP**[vi: ai: pi:] n (*сокр. от* *veryimportantperson*) *разг.* высокопоставленное лицо; начальство; шишка [15, с. 405];
- **VIP** [vi: ai: pi:] *нсокр.* от *Very Important Person* [10, с. 970]; **VIP** [vi: ai: pi:] *abbr* (*very important person*) *оченьважноелицо* [2, с. 261];
- **VIP** [vi: ai: pi:] (*VIPs*) *принятоесокращениеот* *very important person* [11, с. 1366].

Словарь Оксфорд Университи Пресс (OxfordUniversityPress 1998) академический словарь нормативного типа. Являясь хранителем английской культурной языковой традиции, словарь показывает, как слово живет в языке, в каком словесном окружении проявляется его значение, ср.:

- **VIP** (*abbr. of very important person*) высокопоставленнолицо [36, с. 1302].

Очень важным вопросом является вопрос о том, к какой части речи принадлежит исследуемое заимствование. Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего обратить внимание на представленные данные словарей под редакцией Ю. Д. Апресяна, И. Р. Гальперина, В. Ю. Грибовского, Е. И. Тузовского, В. С. Шах-Назаровой. Лингвисты отмечают, что аббревиатура **VIP** является существительным. В европейских языках система существительных очень развита, имеются неограниченные возможности существительного образовывать различные дериваты.

Аббревиатура **VIP** была популярна и широко распространена уже в 1957 году в Европе. Об этом свидетельствует Словарь английских и американских сокращений В. О. Блувштейна, где наряду с такими известными аббревиатурами, как **V. O.** — *veryold* — *очень старый, старинный*. **V. O. M.** *vold-ohmmeter* *эл. вольтметр*, мы находим: **VIP, VIP** — *важные персоны*:

- **VIP** — *veryimportantperson* — *весьма важная персона* [27, с. 740];

- **VIP** — *very important person indeed* — *сленг.* безусловно, очень важная персона [27, с. 740].

Как видим из представленного материала, аббревиатура **VIP** демонстрирует широкую лексическую сочетаемость и входит в американскую лексику и представляет бесточечный орфографический вариант. Ср. также:

- **VIP** *very important person* [35, с. 507];

- **VIP** *colloq* важное лицо; важная персона; высокопоставленное лицо [5, с. 395].

Обогащение словарного состава языка происходит благодаря подвижности языка отмечать в своей системе любые изменения в смысловой структуре слова. Это обусловлено самой природой языка, которая вызывает к жизни такие приемы словотворчества, как развитие образных и эмоционально-усилительных значений некоторых классов слов, например, аббревиатуры **VIP**. Данный неологизм может выступать в самых разных семантических значениях, ср.:

- **VIP** [Viewers in Profile] амер. Профиль зрительской аудитории (Сводный отчет фирмы А. К. Нильсен) [9, с. 698].

Данную аббревиатуру зафиксировал Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу. Она превратилась в термин рекламно-маркетинговой деятельности, выражающей психологию потребителя товаров, услуг, а также психологию деловых переговоров. Как мы видим, неологизм **VIP** распространен во многих сферах жизни, в том числе и в профессиональной среде. Так, акроним **VIP** включен в терминологию многих областей социологии: в философию, в социальную психологию, об этом свидетельствует Социологический энциклопедический англо-русский словарь:

- **VIP** (Very Important Person) — весьма важная персона [31, с. 513].

Неологизм **VIP** становится термином внешнеэкономических связей и отношений:

- **VIP** (*very important person*) очень важная персона [12, с. 636].

- **VIP** (*very important person*) *n* очень важная персона-**room** — комната для почетных гостей (в аэропорту) [1, с. 805].

Аббревиатуру **VIP** как исторический термин, имя, представляет Англо-русский исторический словарь Г.А. Николаева:

- **V. I. P** — *very important person* [3, с. 441].

Однако аббревиатура **VIP** чаще всего появляется в общеупотребительной, разговорной лексике современных английского и русского языков. В словарях приводятся наиболее распространенные случаи, устойчивые словосочетания с данной аббревиатурой:

- **VIP** *very important person* очень важное лицо [4, с. 948]; **VIP** (abbr. *of very important person*) высокопоставленное лицо, высокий статус [7, с. 676];

- **VIP1** нескл. и а, м. [англ. сокращение. *Very Important Person*]. Особо важная персона (об имеющих привилегии лицах из властной структуры и управленческой номенклатуры; о богатых людях, ведущих светскую жизнь, и т.п.); *Надо же было так случиться, что первая предвыборная поездка Путина была на Северо-Запад, да еще и началась в тот день, когда в столичном Президент-отеле инициативная группа в полторы сотни VIPов выступила с лозунгом Путин — наш президент* [34, с. 1126].

- **VIP2** неизм. [англ. сокращение. *Very Important Person*] Относящийся к особо важным персонам; предназначенный для особо важных персон. *Улетел Леха, вновь воспользовавшись услугами зала VIP* [34, с. 1127].

Исходя из лексикографических данных, представленных словарями, можно составить лексикографический портрет аббревиатуры VIP. Неологизм относится к сфере наименований лиц. Данная номинация с агентивным значением, появление которой обусловлено потребностями современного социума. Обозначает физическое лицо, имеющее право на персональные льготы и привилегии или претендующее на таковые ввиду своей состоятельности в финансовом, политическом, социокультурном плане. Данный акроним появился как альтернатива терминам олигарх, аристократ. Является существительным мужского рода, так как неологизм оканчивается на согласный. Кроме того, аббревиатура VIP используется для обозначения высокого качества услуг, товара (мест в ресторане, транспорте, клубе и проч.) и недоступности таковых большинству потребителей, либо указания на то, что данный предмет, товар, услуга рассчитаны на самого взыскательного приобретателя или потребителя:

- **VIP-1**. Первая часть составных слов, вносящая значение служащий, предназначенный для особо важных и богатых персон, например: *VIP-банкинг, VIP-ложка, VIP-мероприятие, VIP-номер, VIP-обслуживание*. 2. Первая часть составных слов, вносящая значение особенно важный (для деятельности кого-, чего-л.), например: *VIP-гость, VIP-клиент*.

- Первая часть составных слов, вносящая значение дающий особые привилегии, например: *VIP-карта, VIP-номер* [34, с. 1126]. Графически неадаптированный иноязычный элемент VIP встречается в составе сложных слов - в виде одного из корней. Словарь включает не

только толкование слова, но и раскрывает словообразовательные возможности сложносокращенного слова VIP.

В связи с тем, что аббревиатура VIP представляет новую русскую лексику XXI в., Словарь Новых слов и значений Т. Н. Буцевой предлагает вниманию лингвистов новые устойчивые сочетания слов с аббревиатурой VIP, толкования, текстовые иллюстрации ее употребления в речи. Материалы прессы и литературы 90-х годов XX века свидетельствуют об укоренении неологизма VIP в словесной культуре:

- **VIP** — Первая часть сложных слов, вносящая значение относящийся к особо важным персонам: *VIP-гость VIP-зал, VIP-зона, VIP-клиент, VIP-ресторан. VIP а, м.* То же, что VIP-персона (о представителях государственной политической и деловой элиты, популярных деятелях искусства). *Объективно положительными могут в конечном счете оказаться лишь отдельные поступки решения исторических VIPов — независимо от их субъективных намерений. Никита Сергеевич Михалков составил свой список VIP-гостей. Высокопоставленный сотрудник ФБР отказался от услуг VIP-зала и пересек границу России, как все смертные, — через общий зал прилета* [20 с. 304].

Данный словарь можно рассматривать как уникальный справочник при чтении современной публицистики, который расширяет интеллектуальный кругозор читателя, повышает его речевую культуру. Публицистика сегодня является неотъемлемым элементом современной культуры, лексика читается и изучается широкими массами населения.

Некоторыми словарями используется традиционная система стилистических помет. Так, при шкале стиля речи (офиц., разг., прост. и т. п.) словарями используется помета — *разг.*, которая показывает, что данный стиль свойствен повседневной устной речи, он характерен для повседневного общения:

- **VIP** (сокр. от *very important person*) *разг.* весьма важная персона, высокопоставленное лицо [21, с. 669].

- **VIP** — *very important person*/ВИП- очень важная персона, очень важный человек (о лицах, наделенных властью, звездах кино и телевидения и пр.) (*разг.*) [32, с. 147].

- **VIP** — (сокр. от *very important person*) *разг.* Высоко-поставленное лицо; начальство; шишка [15, с. 1066].

Современные толковые словари русского языка, толковые словари новых слов и выражений фиксируют кириллический вариант аббревиатуры VIP/ВИП. Это еще один штрих к лексикографическому портрету аббревиатуры VIP. Изменение буквенного графического состава лексической единицы VIP на ВИП представляет значительный

этап в ее освоении. Изменение латинизированного варианта на кириллический, русифицированный, объясняется общей языковой тенденцией: передавать иностранное слово с наибольшей близостью к подлинной, национальной, языковой системе заимствующего языка. Кириллический вариант свидетельствует о достаточно широком освоении данного неологизма.

1. **ВИП, ВИПа**, м. р. [англ. VIP — *veryimportantperson* очень важная персона] то же, что VIP; очень важный человек (о лицах, наделенных властью, звездах кино и телевидения и пр.) (разг.) [32, с. 147].

2. **ВИП** (прописные буквы) *нескл., ж.* Лицо, обладающее значительной властью, высоким положением, большими доходами и т. п. *Номера гостиницы для ВИП.* ВИП от англ. VIP (*veryimportantperson*) — особо важная персона [13, с. 581]

3. **ВИП-...**англ. [*vipveryimportantperson* букв. очень важное лицо] — первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) особо важная персона, высокопоставленное лицо, напр. : *vip-гости, vip-персона*; 2) предназначенный для особо важных персон, напр. : *vip-ложка, vip-трибуна* [22, с. 131]

4. **ВИП**, неизм.; ж. [прописными буквами] от англ. VIP (*very important person*) — особоважнаяперсона. В практике международных отношений: сокращенное обозначение лица, занимающего один из высших государственных постов [30, с. 79].

5. **ВИП** (сокращение от англ. *veryimportantperson*, букв. очень важное лицо) — первая составная часть сложных слов, обозначающая особо важных персон или высокопоставленных лиц (напр. *vip-гости, vip-персона*), а также помещения и т. п., предназначенные для особо важных персон (напр. *vip-ложка, vip-трибуна*) [33, с. 80]

6. **ВИП** [VIP — *veryimportantperson* очень важная особа] очень известный, влиятельный или богатый человек. требующий индивидуального обслуживания и охраны [19, с. 177].

Таким образом, иноязычная аббревиатура VIP / ВИП, стала цельюоформленным словом в современном русском литературном языке. Получила свое графическое оформление: употребление в виде прописных и строчных букв (по данным рассмотренных словарей). Сегодня употребление прописной или строчной буквы — одна из проблем русской орфографии. В настоящее время, как показывает практика письма, данная область орфографии наименее устойчива и упорядочена. Исходя из потребностей сегодняшнего дня, с учетом современной практики письма орфографические словари предлагают следующее правописание изучаемого нами неологизма:

1. **вип, а, ВИП-гость,- я, ВИП-гостя, ты** [14, с. 59].

2. **ВИП,а. ВИП-автомобиль, -я, ВИП-гость, -я, ВИП-зал, -а, ВИП-зона, -ы, ВИП-карта, -ы, ВИП-клиент, -а, ВИП-ложа, -и, ВИП-обслуживание, -я, ВИП-персона, -ы, ВИП-трибуна, -ы** [23, с. 104].

Как видим, строчный и прописной вариант аббревиатуры **ВИП / вип** перемежаются. Какой из них — прописной или строчный — займет лидирующую позицию, покажет время. Аббревиатура **VIP / ВИП** передает исходное иноязычное сокращение в виде его трансфонации и транслитерации: **ВИП/вип/ВИ-Ай-Пи**. Транфонированный вариант (**ВИП / вип**); транслитерированный инициально-буквенный вариант сокращения: (**Ви-Ай-Пи**) — англ.

VIP — *VeryImportantPerson* — очень важная персона — высокопоставленное лицо, очень известный, влиятельный или богатый человек, обладающий особыми привилегиями [5, с. 33]

ВИ-АЙ-ПИ [англ. сокр. *veryimportantperson* — весьма важное лицо] — аббревиатура, используемая для обозначения важной особы: человека с большим авторитетом, знаменитости, влиятельного чиновника, пользующегося привилегиями, уважением и вниманием [29, с. 75].

Как показывает лексикография, становление в современном русском языке аббревиатуры **VIP / ВИП** — процесс довольно сложный и неоднозначный. Далеко не всегда носители русского языка в состоянии расшифровать встретившуюся аббревиатуру, в том числе и нашу, поскольку существует трудность понимания смысла новых, графически не освоенных русским языком иноязычных сокращений. Таким образом, возникла необходимость создания полного лексикографического портрета заимствованных аббревиатур, и мы остановились на новообразовании **VIP / ВИП / ВИ-АЙ-ПИ**, так как именно она представляет общественный интерес: часто встречается в русской письменной и устной речи (в прессе, в рекламе, в международных связях, в науке, и просто в информационном пространстве).

На основании рассмотренных данных словарей можно представить лексикографический портрет аббревиатуры **VIP / ВИП / ВИ-АЙ-ПИ**:

V. I. P. / VIP / ВИП / вип / ВИ- АЙ- ПИ *лм. р.* [англ. сокр. *veryimportantperson* — очень важнаяперсона] — аббревиатура, инициальный тип сложносокращенного слова, акроним. В современном русском языке неологизм имеет тенденцию к склонению и изменению по числам: **VIP/ВИПа, VIP/ВИПов**. Данная аббревиатура появилась на Западе во времена Второй Мировой войны для обозначения лиц, чья жизнь представляла особую ценность. В России данное выражение очень важная персона-**VIP**

возникло как реакция на коренные изменения в социальной культуре и ориентирах, которые произошли в период крушения Советского государства с его нежизнеспособной идеологией и образованием нового общества с его влиятельными, богатыми личностями. Выражение очень важная персона появилась как альтернатива словам: *аристократ, вельможа*, стремительно терявшим свою значимость к концу XX века под давлением таких факторов, как исчезновение понятия родовой знати, привилегированного положения предков. Вновь появившееся слово VIP стало демократичным и одновременно привлекательным для носителей русского языка.

В настоящее время данное сокращение обозначает высокопоставленное лицо, очень известного, влиятельного человека, важную государственную особу, богатого человека, требующего индивидуального обслуживания и охраны. Кроме того, аббревиатура VIP используется в рекламных целях для обозначения высокого качества товара или услуг, либо указания на то, что данный товар или услуга рассчитаны на самого взыскательного потребителя. В соответствии с традициями английского письма аббревиатура первоначально оформлялась с точками после каждого инициала. В современной графике латинизированной аббревиатуры VIP точки не ставятся. Латинизированный вариант VIP методом транслитерации переходит в кириллический вариант ВИП, ВИ АЙ ПИ. Латинизированный и кириллический варианты сложносокращенного слова широко используются в письменной речи. Значителен стилистический диапазон латинизированной аббревиатуры VIP: от употребления слова в разговорном стиле до употребления ее в научной и профессиональной сфере. Однако заимствование VIP свойственно лишь некоторым сферам общения, некоторым коммуникативным ситуациям, и эта ограниченность не позволяет считать его полноценной единицей русского словаря, хотя на основе латинизированной и кириллической аббревиатуры VIP / ВИП / ВИ-АЙ-ПИ в самом конце XX века в русском языке появляются многочисленные производные: *VIPарь, VIPовский, VIPовать, по-VIPовски, VIP-база, VIP-витрина, ВИПушка, ВИП-автобус, ВИП-касса, вип-баня, вип-зона, ВИ-АЙ-ПИ-багаж*. Первая часть VIP / ВИП / ВИ-АЙ-ПИ — аналитические прилагательные, они представляют собой определения, выражающие элитарность, исключительность, высокое, дорогое качество предмета. В письменной речи используются все графические варианты аббревиатуры: VIP / ВИП / вип / ВИ-АЙ-ПИ. В настоящее время орфографические правила неустойчивы и какой вариант правописания аббревиатуры останется, выяснит время.

Список литературы:

1. Англо-русский дипломатический словарь / Под ред. Шах-Назаровой В. С. М.: Русский язык, 2001. — 856 с.
2. Англо-русский и русско-английский словарь школьника / Под ред. Мизининой И. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 511 с.
3. Англо-русский исторический словарь: 30000 имен, названий, терминов/ Под ред. Николаева В.А. М.: Прогресс, Лексикон, 1995. — 464 с.
4. Англо-русский, русско-английский словарь / Под ред. Кудрявцева А. Минск: Попурри, 2007. — 960 С.
5. Англо-русский словарь / Под ред. Кеннета Катцнера М., 1996. — 912 с.
6. Англо-русский словарь / Под ред. Мюллера В. К. М.: Советская энциклопедия, 1967. — 912. С.
7. Англо-русский словарь / Под ред. Никифоровой А. А. СПб.: Полиграфуслуги, 2006. — 704 С.
8. Англо-русский словарь американского сленга / Под ред. Тузовского Е. И. М.: Книжный сад, 1993. — 544 с.
9. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу / Под ред. В. Б. Боброва. М.: РУССО, 2004. — 752 с.
10. Англо-русский словарь 100000 слов и выражений/ Под ред. Грибовского В. Ю. СПб.: Литера, 2004. — 1024 с.
11. Англо-русский учебный словарь / Под ред. Collins Cobuild М.:Астрель: АСТ, 2006. — 1500 с.
12. Англо-русский экономический словарь / Под ред. Мамедовой Т. А. М.: МарТ, 2007. — 640 с.
13. Большой академический словарь русского языка / Под ред. Горбачевича К. С. РАН М. СПб.: Наука, 2005. — 657 с.
14. Большой орфографический словарь русского языка / Под ред. Бархударова С. Г. М.: ОНИКС 21 век, 2003. — 528 с.
15. Дополнение к Большому англо-русскому словарю / Под ред. И.Р. Гальперина. М.: Русский язык, 1980. — 432 с.
16. Карманный англо-русский и русско-английский словарь / Под ред. Чернова Г. В. М.: Русский язык, 1991. — 576 с.
17. Кудашев И.С. Определение понятия словарь как объекта лексикографии // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения. Иваново, 2007. — С. 142–145.
18. Лисовский Е. Очень важные ВИПы. [электронный ресурс] — URL: <http://www.neuslab.ru/blog/241770>.
19. Новейший словарь иностранных слов и выражений Под ред. /Хашкевича Ю. Г. М.: Современный литератор. 2003. — 976 с.

20. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / Под ред. Т. Н. Буцевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — 813 с.
21. Новый Большой англо-русский словарь / Под ред. Ю. Д. Апресяна М.: Русский язык, 1997. — 814 с.
22. Новый словарь иностранных слов 25000 слов и словосочетаний / Под ред. Захаренко Е.Н. М.: Азбуковник, 2006. — 784 с.
23. Прописная или строчная? Орфографический словарь / Под ред. Лопатина В. В. М.: Эксмо, 2009. — 512 с.
24. Русско-английский словарь / Под ред. Даглиша Р. С. М.: Русский язык, 1978. — 830 с.
25. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Под ред. Л. А. Барановой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 320 с.
26. Словарь американского сленга / Под ред. Ричарда А. Спирса М. : Русский язык, 1991. — 528 с.
27. Словарь английских и американских сокращений / Под ред. В. О. Блувштейна. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. — 740 с.
28. Словарь английского произношения / Под ред. Даниэля Джоунса. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 538 с.
29. Словарь иностранных слов / Под ред. Комлева Н. Г. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 672 с.
30. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. Кузнецова С. А. СПб.: Норинт, 2003. — 960 с.
31. Социологический энциклопедический англо-русский словарь / Под ред. Кравченко С.А. М.: РУССО, 2002. — 528 с.
32. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / Под ред. Л.А. Аслановой. М.: Дом Славянской книги, 2010.-960 с.
33. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Ожегова С.И. М.: Мир и образование, 2010. — 736 с.
34. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Складневской Г.Н. М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.
35. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР / Под ред. Хорнби А.С., 1980. — 528 с.
36. The OxfordRussian Dictionary. Oxford University Press, 1984.-1340 p.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Петрова Светлана Владимировна

к. фил. н., доцент НИУ «БелГУ», г. Белгород

E-mail: petrova.svl@rambler.ru

Эпитет является одним из характерных тропов поэтической речи Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной.

В лингвистике отсутствует единое мнение относительно определения эпитета, его содержания. К.С. Горбачевич отмечает, что «эпитет как традиционный термин издавна занял прочное место в различных исследованиях художественной речи». Но в настоящее время, по его мнению, общепринятой теории эпитета не существует [4, с. 3]. К пониманию сущности данного термина как объекта изучения существует два подхода. С одной стороны, к эпитетам относят только поэтические определения (Розенталь, 1968; Глушкова, 2000; Павшук, 2007 и др.), с другой стороны, в традициях немецкой стилистики (Krahh, Kurz, 1977; Маниева, 2007 и др.), любое определение считают эпитетом.

В настоящей работе исследованию подвергались прилагательные, функционирующие в поэтических текстах Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной в переносном значении, то есть эпитеты-тропы, в основе которых «лежат неожиданные, часто неповторимые смысловые ассоциации, потому что они обычно невоспроизводимы, их употребление носит окказиональный характер» [4, с. 7]. Такие эпитеты содержат в себе признак метафоры, в лингвистической литературе их называют метафорическими (Н. А. Туралина). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, обилие метафорических переносов в художественном тексте связано с тем, что поэт старается оттолкнуться от обыденного взгляда на мир, представить что-то в необычном и непривычном для широкой публики свете [1, с. 17]. Подобный эпитет несет в себе дополнительные смыслы, необычные коннотативные оттенки, позволяющие поэту добиваться максимальной выразительности в процессе создания целого ряда образов.

В художественных текстах указанных авторов в роли эпитетов используется широкий спектр языковых единиц стихии ЗЕМЛЯ, входящих в различные тематические группы, наиболее частотной среди которых в целом в поэзии исследуемого периода и в идиостиле каждого из поэтов является группа лексики с минералогическим

значением: «Горные породы»; «Растения и другие растительные организмы»; «Части растений». Например: **изумрудная тина**; **незабудочные явтушенковские глаза**; *Плачу по квартире коммунальной, / будто бы по бабке повивальной / слабо позолоченного детства, / золотого все-таки соседства* (Евтуш, 2, 524; 3, 337, 362); **жемчужные парики**; **вера моя алмазная** (о любимой женщине, жене); **глаза фисташковые**; *Когда ты вбегаешь в комнату / в черемуховом платье, / за тобой залетают осы — / ты выделяешь счастье* (Вознес., 1, 288; 2, 149, 303; 3, 180); *Ты слышишь, как щекочет, как течет / под мышкой ртуть, она замрет — и тот час / определит серебряная точность, / какой тебе оказывать почет; А как стали вставать, с неохотой глаза открывать, / вдоль метели пронесся трамвай, изнутри золотистый* (Ахмад., 2, 94, 257).

Метафорический эпитет в художественных текстах Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной может определять слова с конкретным и абстрактным значением. Так, образными смыслами наполняется сематическая лексика, единицы языка, являющиеся наименованиями лиц, физических и психических состояний, явлений природы, растительного мира, продуктов питания и др. В поэзии указанных авторов прилагательные-эпитеты функционируют преимущественно для эстетизации действительности, используются как языковые средства, отражающие эмоционально-чувственное восприятие автором окружающего мира, также выступают в роли оценочного средства. Поэтический язык Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной фиксирует в преобладающем количестве проанализированных контекстов положительную эстетическую реакцию, основанную на цветовых признаках реалий действительности, а также позитивные оценочные ассоциации связаны с осмыслением качественных характеристик предметов и явлений.

Для поэтической речи второй половины XX–начала XXI вв. характерно наличие следующих основных групп эпитетов:

- эпитеты, обозначающие цвет: **золотая струя горчицы**; **золотые нити спагетти**; **серебристая польнь** (Евтуш., 2, 238; 3, 340, 470); **изнанка медная гриба**; **черный том ее агатовый**; **с пушком туманным тело абрикосовое**; **каракуль черносливный** (Вознес., 2, 380, 404; 3, 95, 147); **звезда изумрудная**; **самоцветный глаз**; *Есть разве где-то юг с его латунным пеклом?* (Ахмад., 1, 30; 2, 204 227);

- эпитеты, обозначающие качества предметов и явлений: *Сколько свинцового / яда влито, / сколько чужуных лжей...*;

кристальный сентябрь(Вознес., 1, 150, 296); **золотые города** (о лучших городах мира); **суть женственности вечно золотая**; **голос Нани: серебряный с чернью**, / **мрачно-алый, как старость вина** (Ахмад., 1, 139, 220; 3, 128).

Эпитеты-кологративы являются наиболее частотными и представляют собой отдельный сегмент образной картины мира в поэтических текстах знаковых поэтов современности. Количественно наиболее представлены в структуре эпитета такие лексемы, как *золото, серебро, жемчуг*.

Как показывают наблюдения над фактическим материалом, в идиостиле А. Вознесенского прилагательные в переносном значении сочетаются со словами, семантически несовместимыми с ними, рождая запоминающиеся образы: *Он мучит ее, садист, / как повесть свою ромашковую; Листай же мою жизнь, не уповая / на зряшние жестяные слова...;...с глазами Суламифи и чеченки, / стояла Ио* (о животном). / *Нимфина спина, / горизонтальна и изумлена, / была полна / жемчужного испуга, / дрожа от приближения слепня* (Вознес., 2, 34, 52, 314).

Анализ лексического массива текста показывает, что для метафорических эпитетов в поэтических текстах Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной характерна антропоцентричность. Некоторые эпитеты используются для описания внешнего облика человека, его качеств, другие являются средством выражения внутреннего мира. В воплощении образа человека в поэтической речи авторов ярко проявляется оценочная функция тропа. Метафорический эпитет включает в себя как положительные характеристики (они преобладают), так и элементы значения, содержащие отрицательную коннотацию в отдельных случаях образного словоупотребления. Ср.: *С небрежною высокостью / гляжу на их грызню / и каменной веселостью / нарочно их дразню; отец был от усталости свинцов; миндальные фамильные глаза; На проводе Петр Сомневальч / Его бы сдать в общепит! / Гражданственным самоваром / он весь от сомнений кипит / Лоб медный вконец распаялся / Прет кипяток сквозь швы; льняная челка; золотой хохолок (о ребенке); фиалковые глаза* (Евтуш., 1, 123; 2, 501; 3, 181, 397, 408, 458); *Она влюблена, влюблена / и пахнет жасминою кожей; серебряны глаза; васильковые очи; Бог — с тобой, ты — создание бога / И, пускай он давно не со мной, / нарисована мне дорога / по ладони твоей золотой* (Вознес., 1, 221, 318, 361; 2, 23); *О нет, не преступаю я границ / приличья, но разросшийся вкругсердца / ветвистый самовластный организм / не переносит этого соседства; Из кухни в погреб*

золотистойфинки / так весел промельк! Как она мила!
(Ахмад., 2, 112, 186).

Индивидуально-авторский эпитет может быть выражен сложным прилагательным или прилагательным-неологизмом. Например: *кактусоногий человек; аksamитово-жемчужные росы; рудо-желтая луна* (Евтуш., 2, 143; 3, 66, 413); *в стрижечке светло-ореховой; жемчужно-витиеватая береза; сиянье моря северно-янтарное; ящички с шампанским серебряноголовые; глаз твой агатист* (Вознес., 1, 232, 243, 279; 2, 81; 3, 91); *блеск серебряно-съедобный; объятья нежно-каменный зажим; воды серебряно-черные* (Ахмад., 2, 210, 245, 286).

В основе подобных окказиональных образований лежат необычные смысловые ассоциации автора. Такие эпитеты оказывают сильное эстетическое воздействие на читателя.

Метафорический эпитет в художественных текстах Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной является одним из ярких средств отражения мировидения автора, средств создания точных, рельефных поэтических образов.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. — СПб. — М.: Прогресс, 1990. — 287 с.
2. Ахмадулина Б.А. Сочинения: в 3 т. — М.: ПАН Корона-Принт, 1997.
3. Вознесенский А.А. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Художественная литература, 1983 — 1984.
4. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. — СПб, 2000. — 224 с.
5. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Изд-во АСТ, 2003.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ СОЗДАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР УБАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ» ПРОЗЫ

Протогорова Елена Юрьевна

*к. фил.н., ст. преподаватель, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, г. Волгоград
E-mail: elena_hork@mail.ru*

Проблема функционирования языковых единиц в художественном тексте не является для ученых новой, однако ее рассмотрение на новом литературном материале дает возможность выявить те стороны, которые ранее оставались в тени.

Материалом нашего исследования послужили произведения Е.И. Замятина (ЕЗ) и Б.А. Пильняка (БП). Выбор авторов обусловлен необходимостью изучить особенности функционирования безличных конструкций на рубеже XIX — XX веков, в один из этапов значительного совершенствования художественных средств всех языковых уровней (работы Г.Н. Акимовой, Н.Д. Арутюновой, Н.С. Валгиной, В.Г. Костомарова, Е.В. Пономаревой и мн. др.).

Проза ряда писателей начала прошлого века (А.Н. Ремизова, Ф.К. Сологуба, Е.И. Замятина, Б.А. Пильняка, Б.Л. Пастернака и др.), произведения которых входят в русло «орнаментализма» 1920-х годов, отличалась «нетрадиционностью словесного рисунка, насыщенностью “орнаментом”» [1, с. 77].

В отношении синтаксических средств наше исследование направлено на выявление стилистических фигур и экспрессивно насыщенных конструкций, представляющих в совокупности «синтаксический тип ритмизации» [2]: «Повышенная экспрессия синтаксиса орнаментальной прозы объясняется особой нелинейной (неклассической) манерой повествования» [3, с. 156].

Лингвостилистический метод анализа синтаксических структур позволяет нам изучить функционирование предложения в тексте, провести разбор стилистических фигур и приемов, конструктивными элементами которых выступают разнооформленные предикативные единицы.

В текстах произведений «орнаментальной» прозы безличные предложения участвуют в создании следующих стилистических фигур убавления (см. классификацию — [5]).

Асиндетон. Наиболее продуктивной в ряду фигур убавления является асиндетон (выявлено более 50 примеров), который, как показал анализ, часто выступает в сочетании с некоторыми фигурами прибавления: Пришлось Андрею Иванычу вылезть из сна, пришлось встать, открыть дверь [ЕЗ. На куличках] — асиндетон и анафора; Ничего, кроме лесных сторожек да кордонов, в лесах не было, деревни и села отодвинулись от лесов, посторонились лесам и князю [БП. Мать сыра-земля] — асиндетон и нагнетание однородных членов; Еще можно дышать, еще можно запрокинуть голову, слушать голос — такой похожий на тот, прежний [ЕЗ. Пещера] — асиндетон и анафора. В »орнаментальной» прозе подобное выразительное бессоюзие способны создавать безличные конструкции в составе сложного предложения, связанные с остальными предикативными единицами бессоюзной связью, пунктуационно оформленной двоеточием или тире. Приведем примеры сложных предложений:

- с препозицией безличной конструкции: Слышно в кухне: вспархивает, шуршит крыльями залетевшая птица, вправо, влево — и вдруг отчаянно, с маху в стену всей грудью... [ЕЗ. Пещера]; Теперь было видно: они в своей столовой [ЕЗ. На куличках];

- с интерпозицией безличной конструкции: А может быть, и не в ней было дело: просто хотелось пить, а кофе еще до сих пор им не принесли [ЕЗ. Встреча]; Оленька Кунц плакала, в серой расветной нечистой мути, плакала обиженно Оленька Кунц: ей было жалко Андрюшу Волковича, и она любила поплакать [БП. Голый год];

- с постпозицией безличной конструкции: Вьюшка небесная прикрыла землю, окна слились со стенами, в печи угол подернулся пеплом, — надо печь закрывать [БП. Голый год]; Волга над обрывом плавила солнце, нельзя было смотреть [БП. Мать сыра-земля]; Трудно, медленно до глубины, до дна добрался — и вздрогнул: так было глубоко [ЕЗ. На куличках].

Согласно количественным подсчетам, наиболее продуктивными являются конструкции с препозитивным и постпозитивным положением безличных элементов. Подобное выведение безличных предложений в наиболее сильные позиции микротекста влечет за собой нагрузку на функционально-семантический потенциал конструкции, в результате чего доминирующей становится фиксация признака, не соотношенного с конкретным производителем, что усиливается также бессоюзной связью.

В произведениях Б.А. Пильняка и Е.И. Замятина были обнаружены сложные предложения, которые содержат пары безличных предикативных единиц, объединенных бессоюзной

связью(около 30 примеров): Но дьякона здесь не было: дьякона надо было искать сейчас не в красной линии спектра, а в сиреновой, майской, любовной [ЕЗ. Икс]; Софье показалось: надо здесь, в этой комнате, что-то еще сделать последний раз [ЕЗ. Наводнение]; Стемнело черно, было тихо и душно. Шелестели у свечи бабочки [БП. Голый год]. Экспрессивность подобного синтаксического образования обусловлена, во-первых, асиндетоном, вуалирующим отношения между конструкциями (присутствие двоеточия не обязательно свидетельствует о причинных, пояснительных или восполняющих отношениях), во-вторых, объединенные в одно предложение конструкции семантически схожи и описывают одну ситуацию с разных сторон, или же показывают развитие события.

Апосиопезис (фигура умолчания) представляет собой внезапный обрыв высказывания, импликацию рематического содержания, создающие в тексте лакуарность, незаконченность, полиинтерпретируемость, многозначность, при том, что высказывание остается коммуникативно законченным (Ю.О. Демченко, О.А. Кострова, А.П. Сковородников, Г.Г. Хазагеров и др.). В большинстве случаев в «орнаментальной» прозе апосиопезис проявляет себя графически с помощью многоточий и характерен для прямой и несобственно прямой речи (около 20 примеров): И ледяная искра — насквозь: я — пусть; я — все равно; но ведь надо будет и о ней, и ее тоже... [ЕЗ. Мы]; Попробуем еще хлороформом. В противном случае операцию придется отложить. Неудобно... [БП. Повесть непогашенной луны]; Кембл чувствовал себя немного неловко: он не был у Дьюли с того самого воскресенья, надо что-нибудь... надо подойти и сказать... [ЕЗ. Островитяне].

Как показал анализ художественных текстов, фигура умолчания способна создавать широкий простор для подтекста, когда на месте паузы могут возникнуть различные реплики, а скупость формальных средств выражения придает всему контексту указание на резкую смену событий, неожиданные повороты мысли. В прямой речи персонажей апосиопезис может служить сигналом взволнованного состояния героя, а в авторской речи писатель как бы приглашает читателя самому закончить начатую в незавершенном высказывании мысль.

Контекстуальная неполнота предложения (контекстуальная элизия) отличается от эллипсиса экспликацией в контексте недостающего синтаксического элемента. В «орнаментальной» прозе достаточно широко функционируют контекстуально неполные безличные предложения (около 30 примеров контекстов), например: — Медицина, как думаешь, — можно ей доверять? — спросил старик

безразлично и вгляделся пристально в окно. — Медицина — наука. Можно. А что? [БП. Голый год]; Но Кембл настоял на своем, купили уют, и Кембл радостно его таскал, и вовсе не было тяжело: легонький, как перышко, честное слово [ЕЗ.Островитяне]. Наличие незамещенной синтаксической позиции, восполняемой контекстуально, вносит в повествование спрессованность и спаянность взаимодействующих в составе контекста предложений.

Выявленные стилистические фигуры с безличными предложениями реализуют три основные общеязыковые функции (по классификации М.Н. Кожиной [4]): коммуникативную (выступая средством передачи информации), номинативную (сообщая об определенной пропозиции) и эмотивную (указывая на обязательное присутствие говорящей личности в тексте с комплексом эмоций и отношением к сказанному), на которые наслаиваются информационная, эстетическая (образная, изобразительная) и воздействующая функции. Фигуры убавления воздействуют на читателя своей лаконичностью и динамикой, придавая тексту стремительность, спонтанность, эффект неподготовленности. Наличие дополнительных пунктуационных средств поддерживает изобразительную функцию.

Список литературы:

1. Кириллова И. В. Проза Б. Пильняка: к проблеме взаимодействия эстетических систем реализма и модернизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». — 2004. — № 3. — С. 77—81.
2. Корниенко О. А. Ритмическая парадигма орнаментальной прозы Бориса Пильняка («Голый год»): статья первая // Русская литература. Исследования: сб. научн. трудов. — Киев: Изд-во БиГ, 2008. — Вып. XII. — С. 43–64 [Электронный ресурс]. Систем. требования: AdobeAcrobatReader. — URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Rli/2009_13/shubert-ornienko.pdf (дата обращения: 25.09.2009).
3. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М. : Наука, 1990. 181 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта : Наука, 2006. 696 с.
5. Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических примеров. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Филиппова Саргылана Васильевна

к. фил. н., доцент СВФУ, г. Якутск,

E-mail: filippova_sargylana@mail.ru

Большинство работ по психолингвистике связано с анализом норм словесных ассоциаций, полученных экспериментальным путем, наша работа не стала исключением, тем более что ассоциативный эксперимент — один из надежных методов изучения психологического, категориального и предметного значения слова, исследования образов сознания, овнешненных вербальными ассоциациями, в межъязыковых и межкультурных исследованиях.

В практике проведения ассоциативных экспериментов то значение, которое проявляется при свободном воспроизведении испытуемыми слов, образующих со словом-стимулом некоторые семантические или тематически связанные группы называют ассоциативным значением. При этом, отмечает А. А. Залевская, необходимо уточнить, что понятие ассоциативного значения «сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» [6, с. 105]. Как семантический компонент слова, ассоциативное значение находится во взаимодействии с другими видами значения. Таким образом, при исследовании образа сознания на основе ассоциативного поля необходимо учитывать, что семантическое значение слова и ассоциативное значение различны по природе. Семантическое значение представлено в толковых словарях и рассматривается как овнешнение «метасознания ученого» [8, с. 142]. Ассоциативное поле является отображением языкового сознания носителя языка, и указывают на форму и способы хранения образов языкового сознания.

Ассоциативные поля позволяют вскрыть те традиционные модели поведения, которые оказывают влияние на включение слова-стимула в определенную систему связей, свойственных данному социуму. Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле является не только фрагментом вербальной памяти человека, но и

фрагментом мира данного этноса, отраженного в сознании носителей данной культуры и проявляющегося в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов [10, с. 140].

Языковое сознание якутов и русских и их представления о семье исследовалось на материале свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в Республике Саха (Якутия) в 2000—2001 году по общепринятой в международной практике методике проведения свободных ассоциативных экспериментов. В качестве испытуемых выступали носители русской и якутской культур, проживающие в Республике Саха (Якутия). В качестве слов стимулов выступают 99 слов, отобранных из списка 112, на основе которых проводятся кросс-культурные исследования в секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН. Из этих 99 слов были отобраны 20 слов, которые, по нашему мнению, относятся к тематическому полю «семья»: бабушка, брат, враг, гость, девочка, дочка, дом, друг, дядя, жена, женщина, жизнь, муж, мужчина, ребенок, родина, семья, смерть, счастье, человек. Наличие в анкете остальных 79 слов является целесообразным, т. к. разнообразие заданных в анкете стимулов устраняет однообразие и однотипность ответов в процессе ассоциативного реагирования. К тому же данный список слов-стимулов являлся первой попыткой создания ассоциативного словаря на якутском языке.

Испытуемые из числа студентов в возрасте от 16 до 21 года разных вузов города Якутска составляли 3 группы:

- носители русской культуры, живущие в одном социуме с носителями якутской культуры (около 230 человек);
- носители якутской культуры, считающие русский язык своим основным или единственным языком общения (около 230 человек);
- носители якутской культуры, владеющие своим родным языком (около 230 человек). Для последней группы испытуемых исходный список слов-стимулов был переведен на якутский язык.

Деление испытуемых по этим группам объясняется этнокультурной и языковой ситуацией в Республике Саха (Якутия), на которую влияют демографические факторы, так как интенсивность взаимодействия национальных культур во многом зависит от уровня социального развития контактирующих этнических групп и их численного соотношения. Исторически сложилось так, что основная масса якутов проживает в сельской местности, а русские, украинцы и представители других национальностей (кроме малочисленных народов Севера) живут преимущественно в городах. И. Е. Спиридонова отмечает, что якутский этнос остается ныне

преимущественно сельским не только по численности и преобладанию сельскохозяйственных занятий, но и «по психологии, стереотипам поведения, сложившимся ценностным ориентациям и т. д.» [9, с. 38].

Д.Г. Брагина, исследуя современные этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия) отмечает, что в течение последних десятилетий наблюдалось постепенное сокращение сферы действия и влияния якутского языка, особенно в городе [3, с. 74]. Необходимо отметить, что в промышленных городах, таких как Нерюнгри, Мирный, Алдан используется только русский язык, так как в этих городах численность коренного населения незначительна. В этой связи у якутов, проживающих в этих городах, якутский язык полностью вытеснен из всех сфер жизнедеятельности.

В последнее время осознание важности владения русским языком способствует тому, что доля предпочитающих русский язык как язык обучения в старших классах значительно возрастает. Русский язык как единственный язык обучения выбирает примерно каждый третий представитель коренных народностей Якутии [4, с. 105]. Коренное сельское население четко отделяет язык общения от языка обучения, считая родным в сфере общения национальный язык, а русский — средством преподавания. Для сельского населения характерно стремление сохранить национально-русское двуязычие в общеобразовательной школе [4, с. 105—106]. Несмотря на это языковые процессы протекают здесь неоднозначно, так как даже при существующей системе обучения происходит слабое владение разговорной речью на русском языке. Это означает, что многие жизненно важные функции остаются все-таки за якутским языком.

Некоторые исследователи считают, что язык не является существенным компонентом идентичности, и многие этносы сохраняют свою самобытность даже после языкового смещения (принятия нового языка как родного). Согласно этой точке зрения, утрата языка не ведет к утрате национального самосознания, так как основы национального самосознания лежат глубже этого [1, с. 149]. Однако мы в нашем исследовании исходим из той точки зрения, согласно которой язык является важнейшей частью этничности и этнического самосознания, и необходим для сохранения самобытности этноса. Работы некоторых исследователей наглядно демонстрируют, что языковая ассимиляция может привести к этнической ассимиляции [см. работы 11; 2]. Так, проанализировав этно-культурную и языковую ситуацию в Республике Хакасия, некоторые исследователи отмечают тот факт, что значительная часть хакасов «ассимилировалась с более многочисленным русскоязычным

населением. В результате многие представители коренного населения утратили свой язык, оторвались от родной культуры и полностью перешли на русский язык и русский образ жизни» [2, с. 37; 7, с. 100].

Таким образом, в нашем исследовании мы, вслед за А.П. Боргояковой, считаем, что «языковое смещение влияет на этническую культуру в целом и приводит к значительным изменениям в этническом сознании» [2, с. 37]. Эти изменения можно выявить с помощью анализа ассоциативных полей разных групп испытуемых, принадлежащих к одному этносу, но «прошедших социализацию на разных языках» [2, с. 38]. Однако необходимо отметить, что вторая группа испытуемых, а именно якуты, считающие русский язык основным или единственным языком общения, рассматриваются нами как носители якутской культуры, а не русской, несмотря на частичную или полную утрату ими национального языка.

При переводе стимулов на якутский язык были отмечены трудности, обусловленные расхождениями в грамматическом строе рассматриваемых языков. Русский и якутский языки относятся к различным грамматическим типам: русский относится к группе флективных языков, а якутский — к группе агглютинативных. Основные трудности возникали при переводе русских глаголов на якутский язык. Например, глагол «хотеть» не имеет эквивалента в якутском языке, так как в якутском языке отсутствует категория инфинитива. Основой глагола в якутском языке традиционно признан глагол в единственном числе 2-го лица (безаффиксная форма). Но слово «ба5ар» может быть использовано не только в качестве глагола в единственном числе 2-го лица, но и в качестве модального слова («может быть, возможно»). В этой связи мы отказались от использования при переводе признанной в якутском языке основы глагола «ба5ар». Далее мы посчитали целесообразным использовать при переводе формы имен действий, которые приводятся от основной формы глагола, но имя действия «ба5арыы» выступает также в значении существительного «желание, охота». В этой связи ассоциативные поля на данный стимул могли оказаться несопоставимыми. Таким образом, отсутствие инфинитива в грамматическом строе якутского языка поставило нас перед необходимостью использования глагола в единственном числе 1-го лица «ба5арабын».

Также при переводе отмечены случаи, когда некоторые слова-стимулы требовали двухчленного сочетания для выражения этих

понятий. Например, слово «родина» переводится сочетанием слов «торобут» — родная и «дойду» — земля. Анализ ассоциатов на словостимулы требовал установления семантических соответствий между реакциями на русском и якутском языках, что было сопряжено с определенными трудностями из-за явления конверсии в якутском языке.

Трудности при переводе определялись и различиями в семантической структуре слов, такими как омонимичность и многозначность слов. Например, многозначное слово-стимул «уот» используется и в значении «свет» и в значении «огонь». Семантика многозначных слов может изменяться в зависимости от различных связей их с другими словами, то есть через ассоциативную связь стимула и реакции выявляются различные значения многозначных слов. Например, прилагательное «улахан» в сочетании со словом «дьиэ» / «дом» переводится как «большой дом», в сочетании со словом «харчы» / «деньги» как «крупная сумма денег», а в сочетании с «уолум» / «мой сын» — «старший сын», «взрослый сын».

Наличие омонимичных стимулов могло сделать материалы экспериментов несопоставимыми, особенно в плане выявления национально-культурной специфики ассоциирования, так как процесс ассоциирования проходит по разным направлениям. Например, слово-стимул «уу» может использоваться в значении «вода» и в значении «сон». Омонимия и многозначность служат причиной появления в результатах эксперимента трудно интерпретируемых фактов.

Таким образом, явление конверсии в якутском языке, а также расхождения в объеме значения сопоставляемых слов, делают все установленные нами семантические соответствия довольно условными. По мнению А. А. Залевской, «полное совпадение объема значения слов в сопоставляемых языках — явление чрезвычайно редкое» [5, с. 17]. В ходе проведенных экспериментов на базе 9 языков исследователем был сделан вывод о невозможности обеспечения эквивалентности исследуемых исходных слов в ряде языков. А. А. Залевская объясняет этот факт наличием расхождений в основаниях для формирования ассоциативных связей, которое необходимо учитывать при сопоставлении экспериментальных данных разных языков [5, с. 17—18]. В этой связи в нашем исследовании мы учитываем невозможность полного совпадения значений предъявляемых исходных слов и реакций в якутском и русском языках и говорим не об эквивалентах, а о коррелятах исследуемых слов-стимулов и ответных реакций.

Деление испытуемых на три группы было обусловлено этнокультурными и языковыми факторами, еще раз уточним состав выделенных нами групп. К первой группе относятся русские жители республики, причем в эту группу вошли и жители сельской местности. Включение сельских русских жителей основывается на выводах исследователей о том, что даже в селах, где большинство населения представлено якутами, сельское русское население сохраняет одноязычное общение и слабо поддается языковой ассимиляции [4, с. 102]. Эту группу в основном составляли студенты экономического и медицинского институтов, а также филологических и юридических факультетов. Что касается второй группы, то в нее вошли якуты, выросшие и обучавшиеся в городах и промышленных улусах республики, и считающие основным или единственным языком общения русский язык. Эту группу также в основном составляли студенты экономического института, а также филологических и юридических факультетов. В третью группу вошли якуты, приехавшие учиться в город из улусов республики, где подавляющее большинство жителей — коренные народы Якутии и где, соответственно, общение в основном происходит на якутском языке. Основную часть испытуемых, относящихся к этой группе, составляли студенты сельскохозяйственного ВУЗа, педагогического факультета, а также факультета якутской филологии и национальной культуры. При проведении эксперимента учитывался и гендерный аспект: принадлежность к мужскому и женскому полу выдерживалась приблизительно в отношении 1:1. Эксперимент проводился в форме письменного опроса (анкетирования) в соответствующей аудитории. Информантам разъяснялась важность именно индивидуальных ответов и несущественность таких факторов, как, например, орфография. Испытуемые делились на группы по 10-20 человек с учетом того, какой язык они считают основным языком своего общения. Носителям якутского языка задания к эксперименту и все объяснения проводились на якутском языке. Остальным испытуемым объяснения проводились на русском языке.

Необходимо отметить, что содержание ассоциативных полей представляет собой фрагмент языкового сознания проживающих в Республике Саха (Якутия) якутов и русских, овнешненных ассоциациями. К тому же, собранный нами материал позволит в дальнейшем проводить исследования, направленные на изучение общего и специфичного в языковом сознании русских, проживающих в различных регионах Российской Федерации.

Список литературы:

1. Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // Обществ. Науки. — М., 1986 — № 5 — с. 142—159.
2. Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (Хакасы. Русские. Англичане). — М:ИЯ РАН, 2003.
3. Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа Саха. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996.
4. Винокурова У.А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1992.
5. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. — Калинин, 1979.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. — М.:РГГУ 2000.
7. Карпов В.Г. О языковой ситуации в Республике Хакасия. //Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Материалы конференции. — М., 1994 — с. 100—105.
8. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений. // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. — Вып.1. М.: Языки русской культуры, 1996.
9. Спиридонова И.Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: Опыт историко-социологического исследования. — Новосибирск: Наука, 1999.
10. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — с. 139—162.
11. Fishman, Joshua A. Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon & Philadelphia: Multilingual Matters, 1991.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ
«МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА»,
«СТРАШНАЯ МЕСТЬ»**

Черкашина Елена Викторовна

*учитель русского языка и литературы, МОУ — гимназия №12,
аспирант БелГУ, г. Белгород
E-mail: hellen-ok@mail.ru*

Живой язык — это универсальный канал связи между людьми, поколениями, эпохами, отражение духовной жизни народа. Язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Национальный язык — это часть национальной культуры, средство её выражения и постижения.

Этноязыковое сознание шире языкового, поскольку интегрирует два типа сознаний — языковое и культурное, формируя тем самым языковое самосознание — ядро культурного самосознания народа [1, с. 30]. Этнокультурное сознание — это коллективное бессознательное, воплощающее в формах родного языка этническую ментальность, особенности народного миропонимания [1, с. 57].

Языковое сознание формирует и опосредует **национальную языковую картину мира** — исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности.

Окружающая человека реальная действительность отражается в его сознании на основе понятийной системы (системы концептов), заложенных в коллективном сознании этноса. Концепт — основополагающее понятие, в котором концентрируется национальное представление об окружающем мире. Из концептов составляется семантическое пространство конкретного языка, а по семантическому пространству можно судить о структурах знаний в их конкретно-национальном преломлении [6, с. 23]. Концепт может выражаться в чувствах, эмоциях, представлениях, убеждениях, воззрениях, обычаях, верованиях, но прежде всего, он выражается в языке, с помощью единиц языка.

Структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится всё то, что привнесено культурой, традициями, народным и

личным опытом. Ядро — это словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же — субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [8, с. 50].

Рассмотрим структуру концепта «Украина» по предлагаемой схеме. Ядро концепта «Украина» составляют следующие словарные дефиниции:

- **УКРАИ'НА** и У к р а́ й н а — название союзной республики (УССР), входящей в состав СССР; вообще название страны, края, населенного украинцами. Советская Украина. Левобережная Украина (на восток от Днепра). Правобережная Украина (на запад от Днепра). Западная Украина [7].

- **Украина**—*гос-во* в *вост.* части Европы. Название **Украина** в значении 'украина', 'пограничная территория' впервые упоминается в летописи под 1187 г. [4].

- **Малороссия**— название Украины, употреблявшееся в официальных актах царской России, исторических источниках и дворянско-буржуазной историографии [3].

Словарные дефиниции определили основное представление о концепте. Основными критериями отнесения данных определений к ядру являются: наличие в дефинициях интегрального семантического признака «название страны, республика, государство», который мы можем выделить из толкований лексемы «Украина»; наличие синонимических связей между ядерными существительными концепта «Украина».

Периферию данного концепта составляют устойчивые сочетания слов с национально-культурным компонентом: украинский язык, украинский гопак, украинский фольклор, украинский борщ, украинское сало, украинские галушки и др.

Концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективного или субъективного мира, дифференцированно отражённых в сознании и различающихся по степени абстрактности. Концептуальные признаки выявляются через семантику языка. Концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не даёт полной картины концепта, отсюда возникает потребность в текстах, совокупно раскрывающих содержимое концепта.

Для получения сведений о понимании исследуемого концепта обратимся к текстам повестей Н.В. Гоголя с целью выявления

периферических признаков концепта, основанных на личном опыте писателя.

Н. В. Гоголь — самобытный, национальный писатель. Он создал пленительный образ Родины, обращаясь не только к мотивам народных преданий и легенд, но и к фактам действительной жизни. Национальный колорит и фантастика, обращение к народным легендам свидетельствуют о становлении в творчестве Н.В. Гоголя национального, самобытного начала. Наиболее ярко эта особенность писателя отражена в его замечательных повестях, входящих в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Вечера на хуторе близ Диканьки» — книга об Украине, где в 1809 году родился Н.В. Гоголь, и где прошли его детские и юношеские годы. В повестях этой книги получила выражение восторженная любовь Гоголя к его родному краю, к его природе и людям, к его истории и народным преданиям. Тема чудесной, богатой и щедрой украинской природы, среди которой живут герои, играет в книге совершенно особую роль. Так, например, даётся описание украинской ночи в повести «Майская ночь, или Утопленница»:

«Посмотри, посмотри! — продолжала она [Ганна], положив голову на плечо ему [Левке] и подняв глаза вверх, где необъятно синело **теплое украинское небо**, завешенное снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ними вишен. — Посмотри, вон-вон далеко мелькнули звездочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... <...> Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, — туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба. А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником» [5];

«Знаете ли вы **украинскую ночь**? О, вы не знаете **украинской ночи**! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. **Божественная ночь! Очаровательная ночь!** Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. Аверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы

серебряных видений стройно возникают в ее глубине. **Божественная ночь! Очаровательная ночь!** И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром **украинского соловья**, и чудится, что и месяц заслушался его посередине неба...» [5];

«...Чрез несколько минут все уже уснуло на селе; один только месяц так же блистательно и чудно плыл в необъятных пустынях роскошного **украинского неба**. Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, **божественная ночь**, величественно догорала. Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске; но уже никто не упивался ими: все погрузилось в сон» [5].

Н.В. Гоголь любил Украину и населяющий её народ всей душой. Подтверждением тому могут послужить строки из повести «Страшная месть»:

«Чуден **Днепр** при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. <...> В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. **Пышный!** ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает — и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. <...> Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. **Синий, синий**, ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня; виден за столько вдаль, за сколько видеть может человекье око» [5].

Слову «народ» в данной повести автор даёт определение «украинский» и указывает на принадлежность к православной вере: «Паны веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеются над **православьем**, зовут **народ украинский** своими холопьями и важно крутят усы...» [5]; «Не за колдовство и не за богопротивные дела сидит в глубоком подвале колдун: им судия бог; сидит он за тайное предательство, за сговоры с врагами **православной Русской земли** — продать католикам **украинский народ** и выжечь **христианские церкви**» [5].

Таким образом, периферию концепта «Украина» составляют:

- устойчивые сочетания с национально-культурным компонентом: украинский язык, украинский гопак, украинский фольклор, украинский борщ, украинское сало, украинские галушки и др.;

- концептуальные признаки, основанные на личном опыте писателя: украинская ночь — божественная ночь, очаровательная ночь; теплое украинское небо; величественный гром украинского соловья; Днепр — пышный, синий, синий; народ украинский, православный.

Концепт «Украина» сочетает смысловые компоненты из различных лингвокультурологических групп концептов, что позволяет нам назвать его ценнейшей константой культуры.

Ю. Барабаш полагает, что творчество Гоголя предстаёт перед нами как «русскоязычное ответвление украинской культуры, как случай выявления средствами чужого языка своего национального естества, ментальных особенностей украинского человека, его духовного мира» [2, с. 100].

Список литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 416 с.
2. Барабаш Ю.Я. Указ.соч. — С. 100
3. Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/>
4. Географические названия мира: Топонимический словарь. — М: АСТ. Пospelov Е.М. 2001 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/5078
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7-ми т. — М.: Худ. лит., 1984. —Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. — 319 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия»,2001. —20 с.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый словарь Ушакова/>
8. Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. Представление знаний как проблема // Вопросы языкознания. — М., 1990. — № 6. — С. 45—91.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПАРАДИГМА СТРАТЕГИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РОМАНЕ Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ»

Трубаева Елена Игоревна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ассистент кафедры английского языка, г. Белгород

E-mail: trubaev80@mail.ru

Роман Д. Брауна «Код да Винчи», являясь художественным произведением с вымышленным сюжетом и персонажами с одной стороны, с другой — представляет собой уникальный идеологически-манипулятивный текст, одна из значимых особенностей которого состоит в том, что сама структура данного текста способствует изменению основных аксиологических сценариев читателя при интериоризации фабульной динамики текста. Доказательством феноменального воздействия романа на «наивного читателя» служат многочисленные публикации в зарубежных и российских СМИ, опубликованные «по мотивам» романа научные книги, ставящие целью подтвердить (или опровергнуть) рассуждения его выдуманных героев, переиздания книг, имеющих отношение к теме жизни и родословной Иисуса Христа.

Несмотря на отсутствие доказательной базы, подгонку фактов под сюжетную линию, само преподнесение, структуризация информации в тексте романа обеспечивает доверие читателя тексту, поскольку последовательно реализуется манипулятивная коммуникативная стратегия, имеющая комплексный характер. Создание правдоподобности излагаемых теорий основано на нескольких постулируемых нами принципах.

Принцип авторитетности подразумевает придание модальности достоверности высказываниям персонажей романа и его повествователя. Во-первых, с самого начала романа повествователь ручается за точность описания исторических фактов: “All descriptions of art work, architecture, documents, and secret rituals in this novel are accurate” [3, с. 1]. Атмосферу наукообразности создают и многочисленные ссылки на известные культурные и исследо-

вательские центры, которым автор выражает чувство признательности в разделе «Благодарность».

Во-вторых, глашатаями теории родословной Иисуса Христа становятся персонажи, воплощающие знаменитых во всем художественном мире ученых: Роберта Лэнгдона, Жака Соньера и Ли Тибинга. Так, Р. Лэнгдон — профессор религиозной символики Гарвардского университета (подобной дисциплины не существует, но об этом может быть осведомлен только достаточно компетентный в вопросах дисциплин университета читатель), автор «бесчисленного количества книг» — “the author of numerous books” [3, с. 9], Жак Соньер — директор Лувра, специалист по иконографии женского божества, грандмастер тайного общества «приорат Сиона». Ли Тибинг — английский лорд, специалист по теологии, бывший историк Британского королевского общества, автор нескольких книг о Священном Граале. Р.Лэнгдон характеризует ученого следующим образом: “Believe me, Leigh Teabing knows more about the Priory of Sion and the Holy Grail than anyone on earth” [3, с. 237]. Как пишет Т. А. Воронцова, «в большинстве случаев избыточное обозначение профессии или должности адресата или адресанта является сигналом асимметричной коммуникации и средством реализации имплицитной коммуникативной установки адресанта на речевое доминирование» [1, с. 21].

Речь персонажей насыщена цитатами, в свою очередь добавляющими веса их суждениям. Так, Ли Тибинг приводит высказывания Наполеона, Леонардо да Винчи, профессора теологии Мартина Перси, цитирует выдержки из апокрифического Евангелия от Филиппа, а Р. Лэнгдон — из «Молота ведьм».

Действительно, приводимые в речи персонажей цитаты имеют место в «исторических отступлениях», но обладают «условным характером». Мы проверяли цитаты, которыми украшают речь герои романа, и проверка показала, что иногда они выдуманы, как, например, в случае с «Молотом ведьм» (“Malleus Maleficarum — or The Witches Hammer — indoctrinated the world to “the danger of free thinking women” [3, с. 134]), где не написано об опасности свободомыслящих женщин. В других случаях приводимые цитаты объясняются главной героине романа Софи Неве (а вместе с ней — и читателю), работая на обоснование того или иного положения теории родословной Христа.

Помимо цитации, речь персонажей-ученых изобилует вводными словами и словосочетаниями, сообщающими модальность достоверности их высказываниям: I assure you, I would assume,

It's fairly certain, as you can see, in fact, actually, obviously, originally, certainly and др. На любой вопрос они легко дают ответы (offer answers), подправляют, проясняют, объясняют неправильно понятые «факты» (correct, clarify, explain).

Принцип избранности доступа к знаниям подчеркивается не только прямыми указаниями на их элитарность (“Langdon decided not to share the pentacle’s most astonishing property”; “Nowadays, few people realized that the four-year schedule of modern Olympics still followed the half-cycles of Venus. Even fewer people knew that the five-pointed star had almost become the official Olympic seal...”) Определенную роль здесь играет и богатая метафорика, придающая мелиоративную окраску миру «своих», причастных к знаниям, и сообщающая пейоративную оценку миру «чужих» — невежд, не желающих открывать глаза, или же врагов, старающихся уничтожить доказательства истинности элитных знаний: «Enlightened soul» [3, с. 249]; “Grail virgin” [3, с. 249]; “The Church launched a smear campaign” [3, с. 41] и т. д.

Принцип преподнесения информации в монологической форме предполагает ведение разговора одним лицом, что оставляет «слушателя» — в данном случае Софи Неве — в позиции пассивно обучаемого. Лекционный стиль изложения мыслей Ли Тибингом и Р. Лэнгдоном заставляет согласиться с ними подчас только из-за стиля подачи материала. Зарубежные лингвисты считают, что монологические вкрапления в речь свидетельствуют о реализации манипулятивной стратегии: “A person employing monologues seeks to command, coerce, manipulate, conquer, dazzle, deceive, or exploit” [4, с. 69]. «Если человек использует монолог, его цель — командовать, заставлять, манипулировать, завоевывать, поражать, обманывать или эксплуатировать».

Монологические отступления Ли Тибинга и Р. Лэнгдона имеют сходную структуру. Рассмотрим это подробнее.

1) Иницилирующее высказывание, как правило, представляет собой номинативную конструкцию, задающую топик микромонологу, например: «The Holy Grail,» Teabing said, his voice sermonic [3, с. 249]; “Transmogrification,” Langdon said [3, с. 252].

2) Последующие высказывания включают ссылки на общеизвестность некоторых фактов, что заставляет читателя отождествлять себя с большинством, знакомым с предоставляемой далее информацией, а значит заранее соглашаться с ней “You must be aware that Leonardo was one of the keepers of the secret of the Holy Grail. And he hid clues in his art» [3, с. 249]; “As a descendant of the lines of King Solomon and King David, Jesus possessed a rightful claim to the throne of the King

of the Jews” [3, с. 251]. Неизвестное подано как известное, таким образом, налицо манипуляция читателем посредством грамматической конструкции.

3) Собственные оценки преподносятся как непреложные истины, объективированные в виде декларативных высказываний: “Nothing in Christianity is original” [3, с. 252]; “The vast majority of educated Christians know the history of their faith” [3, с. 253]; “Almost everything our fathers taught us about Christ is false” [3, с. 255].

4) Подача новой информации нередко сопровождается инверсией: логическое выделение значимых лексем позволяет лучше привлечь внимание к той или иной части высказывания: “So astonished were the ancients to observe this phenomenon, that Venus and her pentacle became symbols of perfection, beauty, and the cyclic qualities of sexual love” [3, с. 40].

5) Следует отметить, что высказывания Ли Тибинга отличаются большей степенью экспрессивности, чем у Р. Лэнгдона.

Во-первых, речь Тибинга насыщена метафорами:

— Many scholars claim that the early Church literally **stole Jesus from His original followers, hijacking** His human message, **shrouding it in an impenetrable cloak of divinity**, and using it to expand their own power [3, с. 253].

— An **enlightened soul** [3, с. 249].

— The Bible **did not fall magically from the clouds** [3, с. 250].

Во-вторых, в речи Тибинга легко отметить гиперболизацию, которая создается превосходной степенью сравнения прилагательных, экспрессивными адъективами, объединенными семой «чрезмерность»:

— Jesus Christ was a historical figure of **staggering** influence, perhaps **the most** enigmatic and inspirational leader the world has ever seen [3, с. 251].

Иногда Ли Тибинг приводит парадоксы: Nobody is more indoctrinated than the indoctrinator [3, с. 255]; Men go to far greater lengths to avoid what they fear than to obtain what they desire [3, с. 288]; It is so late, my dear, it's early [3, с. 246].

Речь Р. Лэнгдона не насыщена образно-выразительными средствами, отличаясь академичностью и простотой. Ученый часто поясняет метафоры Тибинга, пытаясь растолковать Софи его парадоксы.

7) В пределах одного монологического отрывка в целях эмоционально-художественного воздействия на адресата текста нередко применяется прием градации, усиления оттенков значения, «сущность которого заключается в том, что каждое последующее

высказывание (в эмоциональном отношении) важнее, значительнее, существеннее (в логическом плане), больше (в количественном отношении), чем предыдущее» [2, с. 235]: “You are an historian, Robert. You are holding the key to two thousand years of history — the lost key to the Sangreal. You can feel the souls of all the knights burned at the stake to protect her secret. Would you have them die in vain? No, you will vindicate them. You will join the ranks of the great men you admire — Da Vinci, Botticelli, Newton — each of whom would have been honored to be in your shoes right now” [3, с. 441–442].

8) Именно в речи Р. Лэнгдона и Ли Тибинга мы получаем истолкования многочисленных символов, называемых в романе. Убедительность трактовки создается не только с помощью специфического актуального членения предложения, но и при помощи ведения сократического диалога. В романе приведено подробное описание картины, с графическим изображением символа чаши:

«It's a matter of historical record». Teabing said, «and Da Vinci was certainly aware of that fact. The Last Supper practically shouts at the viewer that Jesus and Magdalene were a pair.»

«Notice that Jesus and Magdalene are clothed as mirror images of one another.» Teabing pointed to the two individuals in the center of the fresco.

Sophie was mesmerized. Sure enough, their clothes were inverse colors. Jesus wore a red robe and blue cloak; Mary Magdalene wore a blue robe and red cloak. Yinandyang [3, с. 264—265].

Упомянутое зеркальное отражение одежд Иисуса Христа и Марии Магдалины (в общепринятой трактовке — апостола Иоанна), символов, которые Софи видит в тексте, как правило, заставит читателя взглянуть на картину, чтобы удостовериться в правдивости описания. Подтверждение новой, только что полученной информации может повлиять на обновление слотов концептов, входящих в идеальный фрейм читателя. Таким образом, могут быть перестроены сами основы мировоззрения индивида.

Список литературы:

1. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 — Челябинск, 2006. 42 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
3. Brown D. The Da Vinci Code. New York : Anchor Books, 2003. 489 p.
4. Johannesen, Richard L. Ethics in Human Communication. Prospect Heights, Ill. : Waveland Press, 1996. 397 p.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ТЕРМИНА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Гаврилова Инесса Анатольевна

*к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков
Омского государственного технического университета, г. Омск
E-mail: inessa_rozhnova@mail.ru*

Целенаправленная номинативная деятельность в сфере терминологии заключается в том, чтобы необходимая терминологическая информация могла найти оптимальное выражение в специальном именовании, т.е. в термине.

Многие трудности в определении сущности и специфики терминологических единиц в терминологии связаны с двойственной природой термина. Являясь единицей общенационального языка (*lexis*), термин принадлежит лексико-семантической системе языка и, следовательно, обладает всеми лексико-грамматическими свойствами обычного слова. В то же время термин является единицей языка науки (*logos*) и существует только в пределах какого-либо терминологического поля, в системе терминов конкретного подязыка, обозначая специальное понятие. Принадлежность термина к столь отличным системам и «создает особую внутреннюю напряженность термина» [13, с. 152]. В большинстве существующих определений термина отражается его двойственная природа.

Пытаясь объединить термин как единицу «логоса» и термин как единицу «лексиса», многие исследователи выделяют общие особенности термина [18, с. 52]: 1) термин — это языковая единица (слово или словосочетание) специальной сферы употребления; 2) термин — это наименование специального объекта или понятия; 3) термин — это такое наименование, которому соответствует дефиниция, точно и четко отражающая содержание соответствующего понятия, выделяющая такие его отличительные признаки, которые дают возможность отграничить одно понятие от другого и в то же время позволяют поставить данное понятие в определенный классификационный ряд.

Представленные определения доказывают, что терминологи признают соотношенность термина как лексической единицы языка и как специфического понятия определенной области знания. Развитие отечественной и зарубежной лингвистики свидетельствует о

значимости выделения в термине двух его ипостасей не только для теории терминоведения и терминографии, но и для прикладного языкознания: «с одной стороны, термин, выступая в качестве лексической единицы, принадлежит лексико-семантической системе языка. Этот бесспорный факт означает, что термин подвержен влиянию тех же стихийных по преимуществу сил, что и любое слово, не являющееся термином. С другой стороны, являясь обозначением определенного научного (или подобного научному) понятия, термин принадлежит метаязыку соответствующей науки, и, следовательно, на него распространяется имманентное науке стремление к устранению неопределенности, к интеллектуальной чистоте, эстетической, эмоциональной и модальной нейтральности, а также к упорядоченности и строгой системности» [13, с. 151—152].

Разделяя мнение многих исследователей, в данной статье мы будем исходить из понимания, что *термин — это слово или словосочетание, соотношенное с понятием определенной области знания, имеющее дефиницию и являющееся членом определенной терминосистемы*. В рамках исследования дискурса специалиста определенной области знания термин осмысливается как выраженный средствами языка результат профессионального мышления, один из важнейших элементов профессиональной коммуникации.

Осмысление сущности термина закономерно связано с определением его существенных, определяющих свойств. В терминологических исследованиях наблюдаются значительные расхождения в определении свойств, являющихся отличительными признаками термина.

Наиболее часто в работах российских и зарубежных терминоведов встречаются следующие основные требования к термину:

- термин должен соответствовать нормам и правилам данного (в нашем случае — русского) национального языка;
- термин должен быть включен в систему понятий определенной области знания;
- термин должен иметь дефиницию, соотносящую его с соответствующим научным или техническим понятием;
- термин должен быть полнозначным, то есть содержать в себе все необходимые идентифицирующие признаки понятия на данном уровне развития конкретной области знания;
- термин должен быть независим от контекста (внеконтекстуален);

- термин должен стремиться к однозначности в рамках одной терминосистемы (наличие у термина омонимов в других областях знания не влияет на его использование в данной области знания);
- термин не должен иметь синонимов в рамках одной терминосистемы;
- термин должен быть «объективно физически протяженным»;
- термин должен быть потенциально готов к образованию от него производных слов.

Из вышеперечисленных требований основными конституирующими признаками термина, по нашему мнению, являются: 1) соответствие нормам национального языка; 2) соотнесенность с понятием специальной области знания; 3) системность в рамках определенного терминологического поля; 4) однозначность в пределах конкретной терминосистемы (отсутствие термин выполняют практически одинаковые функции, 2) единица номинации специальной сферы употребления, что придает термину как языковому знаку определенную специфичность.

Анализируя предъявляемые к «идеальному» термину требования, терминологи в своих исследованиях (К. Я. Авербух, А. С. Герд, В. П. Даниленко, Р. Ю. Кобрин, Г. П. Мельников, А. И. Моисеев, В. В. Налимов и др.) приходят к убеждению, что на практике многие из этих требований являются необязательными, порою невыполнимыми и даже противоречивыми: «признаки, обычно приписываемые термину и терминологии в целом... — не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к «хорошей» рационально построенной терминологии. Примеры недостаточной системности терминов, нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии, синонимии хорошо известны» [12, с. 138]. Однако выявление и определение требований к термину необходимо, поскольку они позволяют терминологам при исследовании лингвистической сущности термина и терминографам при составлении словарей ориентироваться на них «как на своего рода эталон, достижение которого проблематично, но стремиться к которому следует» [3, с. 14].

Для осмысления сущности термина важным является вопрос о выполняемых им функциях. Несмотря на большое количество работ, в той или иной мере освещавших эту проблему (Авербух, 2004; Алексеева, 1998; Кириллова, 1999; Комлев, 1969; Роджер Т. Белл, 1980; Степанов, 1985 и др.), следует признать, что в этом вопросе среди лингвистов также нет единого мнения. Бурный рост научно-технических знаний, постоянно растущие нужды науки и техники

в новых наименованиях позволили сделать вывод о том, что термин — понятие функциональное, а не структурно-субстанциональное [6, с. 18—20].

Многочисленные исследования лингвистов доказывают, что термин имеет так называемую «функциональную структуру». Ограничившись небольшим экскурсом в вопрос о функциях термина, выразим свое согласие с В. М. Лейчиком, включающим в круг выполняемых термином функций — номинативную, сигнификативную, коммуникативную, прагматическую и эвристическую:

- номинативная — функция названия класса специальных объектов или их признака;
- сигнификативная — функция обозначения (так называемая «знаковая») общего понятия, входящего в систему понятий специальной области знания или деятельности;
- коммуникативная — функция передачи знания (при обучении, при общении профессионалов и др.);
- прагматическая (иначе называемая «экспрессивная») — функция воздействия на адресата содержанием общего понятия в системе понятий определенной специальной области знаний или деятельности либо оценкой этого понятия;
- эвристическая функция — функция открытия нового знания, присущая термину как элементу терминосистемы, входящей в теорию некоторой специальной области знания или деятельности, то есть термин здесь выступает как инструмент познания [11, с. 78—90].

Все выполняемые термином функции находятся в постоянном взаимодействии и обуславливают друг друга в процессе реализации.

Дискуссионным в современном терминоведении остается вопрос о частеречной принадлежности термина. Существует две точки зрения на эту проблему. По мнению большинства исследователей, «единственным лексико-грамматическим средством, выражающим научно-технические понятия о предметах, качествах, действиях, в терминологии являются имена существительные» [16, с. 89], что связано, видимо, с тем, что «в европейских языках системасуществительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [18, с. 58].

По мнению других исследователей, несмотря на то, что по преимуществу термин — имя, в сфере функционирования (в научно-

публицистических журналах, базовых учебниках, научно-технических текстах) оно соотносится «с претерпевшими аналогичную смысловую специализацию глаголами, прилагательными, наречиями» [18, с. 58].

В исследуемой нами английской терминологической лексике полиграфического производства термины-существительные являются важнейшим лексико-грамматическим средством для выражения научно-технического понятия о предметах, качествах, действиях, при этом значительное место среди них занимают отглагольные имена существительные. Подобные существительные лексически соотносимы с глаголами, от которых образованы (*emboss* (*тиснить*) — *embossing* (*тиснение*), *print* (*печатать*) — *printing* (*печатать, печатание*), *roll* (*катать, раскатывать*) — *rolling* (*обкатка, прокатывание*)), но имеют в отличие от них более обобщенно-отвлеченное значение. Как правило, существительные, употребляемые в качестве терминов, имеют категорию неодушевленности и значение абстрактности, отвлеченности, а также категорию, указывающую на исполнителя действия или устройство (инструмент): *printer* (*печатающее устройство, полиграфист*), *rewinder* (*пермоточный станок*), *racker* (*укладчик (машина или рабочий)*), *developer* (*проявитель*).

О роли глаголов в научно-технической терминологии говорил еще Г. О. Винокур: «Названия действий и процессов образуют очень обширную группу в составе технической терминологии... В технической терминологии мы имеем дело именно с названиями действий, а не с самими действиями в их конкретном жизненном проявлении... Для техники действия, совершающиеся в процессе труда, ... становятся понятиями, которыми оперирует теоретическая мысль... «глагольность» как грамматическая категория действия в технической терминологии выступает не в форме самих глаголов, которые не могут быть выразителями логического субъекта, а в форме отвлеченных существительных, сохраняющих значение действия, но сочетающих его со значением абстрактной предметности...» [5, с. 13]. В.П. Даниленко, анализируя взаимоотношения имени и глагола относительно сферы употребления и сферы фиксации, пишет о возможности использования в сфере функционирования в качестве терминов различных частей речи, поскольку, хотя семантика глагола неэквивалентна семантике термина-существительного, тем не менее, термин-глагол дает более суженное по объему, по сравнению с именем, понятие конкретного процесса, явления, описываемого в данной конкретной ситуации: «терминами можно считать такие глаголы, которые ... именуют важное основное понятие науки, называют основные процессы данной дисциплины» [9, с. 82].

Действительно, глаголы могут выражать профессиональное понятие, однако, они не выступают в качестве самостоятельных терминов без соотношения с однокоренным термином-существительным. Так, глагол *adjust* — регулировать, выравнить можно разложить на смысловые элементы *выполнять регулировку, выравнивание (строк), coat* — покрывать на *наносить покрытие, слой* и т.п. В терминологии полиграфического производства глаголы также существуют на базе соотносимого с глаголом термином- существительным: *adjust* — *adjusting, coat* — *coating, feed* — *feeding*. Однако в сфере функционирования понятие процесса, например, может выразиться не только отглагольным существительным, но и различными формами глагола: *fold* (фальцевать, сгибать), *folded* (сфальцованный, сложенный), *cut* (резать), *cutting* (режущий). В процессе исследования мы обязаны учитывать как одновременное присутствие в дискурсе полиграфиста термина-существительного и синонимичного ему термина-глагола (несмотря на суженный объем значения), так и факт субстантивации глагольной формы в сфере фиксации.

Прилагательное в терминологии используется чаще всего в своей классифицирующей функции и выступает, как правило, в составе словосочетаний в качестве терминоэлемента. Терминологизация имен прилагательных приводит к изменению лексико-грамматических и лексико-семантических свойств: утрачиваются оттенки качественности, приобретаются семантико-морфологические свойства относительных прилагательных, следствием чего становится невозможность образования степеней сравнения и краткой формы. Прилагательные выполняют функцию уточнения и ограничения понятия, являясь маркерами родовидовых отношений между предметами, понятиями, явлениями: *positiveimage* (позитивное изображение), *monochromaticlight* (монохроматический свет), *numericalvalue* (цифровая величина).

Таким образом, в дискурсе специалиста в качестве терминологических единиц функционируют существительные и терминологизированные прилагательные, глаголы. Имена существительные не являются единственным средством выражения специального понятия, однако бесспорным остается факт, что существительные являются основной, преобладающей частью речи для выражения научного или технического понятия. Техническая терминология имеет преимущественно именной характер, поскольку основу любой технической терминосистемы, ее постоянный костяк составляют термины-существительные, представляющие статическую часть словарного состава и передающие родовидовые отношения как отношения системы понятий.

Список литературы:

1. Англо-русский словарь по полиграфии и издательскому делу / А. В. Виноградский, М. Г. Косенко, А. С. Раскин, Р. М. Уварова. М. : РУССО, 1995. — 582 с.
2. Англо-русский словарь терминов и номенов полиграфического производства / Сост. И. А. Рожнова. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2005. — 104 с.
3. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново, 2004. — 252 с.
4. Алексеева Л. М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: дисс.... докт. филол. н. Пермь, 1998. — 357 с.
5. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы. — Т.V. Сборник статей по языковедению. — М., 1939. — С. 3—54.
6. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов межд. конф. М. : РАН, Инст. рус.яз. им. В. В. Виноградова, Русский словаря, 1998. — С. 18—20 с.
7. Гринев С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: дисс.... докт. филол. н. М., 1990. — 436 с.
8. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М. : Московский Лицей, 1993. — 309 с.
9. Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания. — 1973. — № 4. — С. 76—85.
10. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М. : Наука, 1970. — С. 82—94.
11. Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения: дисс. ... докт. филол. н. М., 1989. — Т. 1. — 396 с. — Т. 2. — 160 с.
12. Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М. : Наука, 1970. — С. 127—132.
13. Морковкин В. В. Термины и возможный способ их описания в словаре активного типа // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в АН Союзных Республик. М. : Наука, 1983. — С. 150—158.
14. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык, мышление и сознание *et viceversa* // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1. — С. 63—70.
15. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М. : Наука, 1986. — С. 165—198.
16. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект пресс, 1996. — 536 с.
17. Рожнова И. А. Неологизмы в английской терминологии полиграфического производства: дисс. канд. филол. н. Омск : ОмГТУ, 2005. — 190 с.
18. Сулейманова А. К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе: автореферат дисс. ... докт. филол. н. Уфа, 2006. — 459 с.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕРИВАЦИОННУЮ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОДЪЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Гращенко Александр Сергеевич

аспирант кафедры иностранных языков СмолГУ, г. Смоленск

E-mail: a.grashchenkov@gmail.com

В данном исследовании ставится задача провести сопоставительный анализ глаголов и существительных английского подъязыка делового общения в плане факторов, которые определяют их деривационную сочетаемость.

Деривационная подсистема подъязыка делового общения является одной из наиболее развивающихся сфер, позволяя существенно пополнить лексический состав данного подъязыка. Различные вопросы, относящиеся к данной языковой подсистеме, поднимались в исследованиях В. А. Варламова [2], В. Ю. Дорошенко [3], А. В. Жандаровой [4], М. Н. Моргуновой [5], Л. В. Назаровой [6] и других. В то же время есть основания полагать, что системного соотнесения фонетических характеристик с признаками деривации для выявления механизмов реализации словообразовательной системы в этом подъязыке не производилось.

Для анализа словообразовательной подсистемы нами применяется методика, разработанная в рамках коллективной темы по выявлению соотношений между разноуровневыми и разноаспектными признаками глаголов в английском языке [7]. В соответствии с данным подходом для выявления факторов, определяющих (способствующих, либо препятствующих) сочетаемость производящей основы с деривационным элементом, производится анализ соотношений разноуровневых признаков с типом деривационной сочетаемости. Соотношения описываются при помощи корреляционного анализа. В нашем исследовании используется мера Коула, которая является нормированным вариантом коэффициента Пирсона для качественных признаков [1; 8]. Иными словами, основные свойства деривационной подсистемы оцениваются с точки зрения тех связей, которые имеют место между ее элементами и разноуровневыми и разноаспектными признаками языка. К исследованию привлекаются фонетические признаки, описывающие тип фонемы в крайней позиции слова, слоговую длину и позицию ударения.

При детальном анализе выявленных соотношений были установлены следующие закономерности и тенденции:

- тип фонемы в начальной и конечной позиции является релевантным фактором для диагностирования деривационной сочетаемости как глаголов, так и существительных. Следует отметить, что тип начальной фонемы имеет большее значение для глагольной деривации, особенно, для суффиксации, в то время как тип фонемы в финальной позиции является в равной степени значимым фактором для диагностирования аффиксации и глаголов, и существительных.

- на глагольную деривацию признаки согласной фонемы зачина и исхода оказывают более выраженное препятствующее влияние (11 отрицательных корреляций из 18). Именная деривационная сочетаемость позитивно диагностируется фактором согласной фонемы в начальной и конечной позиции слова (все корреляции положительные).

- признак начальной согласной фонемы диагностирует ограниченную возможность суффиксальной сочетаемости глаголов. Для сочетаемости глагола с конкретными префиксами он может являться как позитивным, так и негативным фактором. Конечная согласная фонема является в целом благоприятным условием для глагольной деривации. Как было указано ранее, для диагностирования аффиксальной сочетаемости существительного оба критериальных признака являются позитивными факторами.

- слоговая длина слова имеет большее значение для деривационной валентности существительного. Статистически значимыми являются 80% соотношений соответствующих критериальных признаков с деривационными характеристиками имени. Для диагностирования глагольной деривации слоговые признаки оказываются релевантными в 65% случаев. Следует отметить, что для возможности деривации глагола характеристики, отображающие относительную краткость и протяженность основы, имеют примерно равную значимость, в то время как в отношении именной деривационной валентности большую диагностическую значимость имеют признаки краткости основы (односложность и двусложность).

- возможность отдельных видов деривации глагола диагностируется слоговыми признаками в равной степени как позитивно, так и негативно. Следует отметить, что позитивное воздействие критериальных характеристик в большей степени направлено на суффиксацию глаголов, в то время как для префиксальной сочетаемости признаки слоговой длины являются в большинстве случаев негативными факторами.

Для именной деривации критериальные признаки также могут являться как благоприятными, так и неблагоприятными условиями. В данном случае префиксация и суффиксация не противопоставляются по отношению друг к другу по оказываемому на них влиянию со стороны характеристик слоговой длины.

- односложность глагола является благоприятным условием для его префиксальной сочетаемости и в то же время препятствует его суффиксации. Односложные существительные демонстрируют высокую как префиксальную, так и суффиксальную активность.

Двусложность и трехсложность глагола способствует его сочетаемости с суффиксами и препятствует префиксации. В отношении существительных эти факторы негативно диагностируют префиксацию.

Четырехсложные глаголы демонстрируют достаточно высокую суффиксальную активность и ограниченную способность сочетаться с префиксами. Для четырехсложных существительных крайне затруднены все рассматриваемые виды деривационной сочетаемости.

- акцентные характеристики демонстрируют одинаковую большую значимость для диагностирования деривационной сочетаемости глаголов и существительных. Сильнее остальных признаков глагольную деривационную валентность диагностирует ударность первого слога. Это относится как к префиксации, так и к суффиксации. Ударность второго слога является менее релевантной характеристикой. Наименьшее значение для возможности глагольной деривации имеет ударность третьего слога. Для диагностирования именной аффиксации равную высокую степень статистической значимости демонстрируют факторы первого и третьего ударного слога. В этом отношении наименее значимым является фактор ударности второго слога.

- в большинстве случаев характеристики ударности являются факторами, негативно диагностирующими деривационную активность существительных. Для глагольной аффиксальной сочетаемости акцентные признаки могут быть как позитивными, так и негативными факторами. Следует отметить, что относительно более выраженное ограничивающее воздействие критериальных признаков наблюдается на суффиксацию глаголов.

- фактор ударности первого слога позитивно диагностирует префиксальную сочетаемость глаголов и негативно — глагольную суффиксацию. В отношении именной деривации данная характеристика положительно коррелирована с признаком суффиксации.

Ударность второго слога глагола способствует его суффиксальной сочетаемости и препятствует префиксации.

Для именной аффиксации данный признак является фактором, негативно диагностирующим все рассматриваемые виды деривации.

Глаголы с ударением на третьем слоге, в принципе, способны к суффиксации, в то время как для префиксации данный фактор не является диагностически значимым. Что касается деривации существительных, то ударность третьего слога определенно диагностирует ограниченную возможность всех типов аффиксации.

Выводы

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы о факторах, влияющих на способность глаголов и существительных сочетаться с аффиксами.

Признак начальной согласной фонемы является релевантным для диагностирования суффиксации глаголов и иррелевантным для префиксации. В отношении именной деривации он, напротив, оказывается значимым для диагностирования сочетаемости с префиксами, а для суффиксации не является релевантным.

Признак конечной согласной фонемы, являясь иррелевантным как для префиксации, так и для суффиксации глаголов, оказывается значимым для определения возможности суффиксальной сочетаемости существительного.

Из числа характеристик, отображающих слоговую длину слова, высокую статистическую значимость для диагностирования как глагольной, так и именной деривации демонстрирует признак односложности.

Признаки двусложности и трехсложности оказываются релевантными для одних и тех же видов деривации имен и глаголов. Следует отметить, что первый не является значимым для диагностирования суффиксации глагола, тогда как второй оказывается иррелевантным для определения возможности суффиксальной сочетаемости существительного.

Акцентные характеристики демонстрируют разные показатели по отношению к именной и глагольной деривации. Во-первых, следует отметить, что возможность префиксации существительных никак не зависит от позиции ударения в слове, в то время как для глагольной аффиксальной сочетаемости, как для префиксальной, так и для суффиксальной ударность первого и второго слогов является релевантным фактором.

Для суффиксации имен релевантными являются признаки ударения на первом и третьем слоге. Ударность третьего слога также является значимым фактором для глагольной суффиксации.

Список литературы:

1. Андреев С.Н. Исследование языковой системы при помощи ЭВМ: Учебное пособие к спецкурсу — Смоленск: СГПИ, 1987. 88 с.
2. Варламов В.А. Структурно-семантические особенности подязыка BusinessEnglish: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2004. 22 с.
3. Дорошенко В.Ю. Коммуникативная обусловленность функционально-стилистических особенностей делового английского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб, 1995. 19 с.
4. Жандарова А.В. Языковая концептуализация сферы предпринимательства и бизнеса: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 178 с.
5. Моргунова М.Н. Лексика сферы бизнеса в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 227 с.
6. Назарова Л.В. Культурологический аспект делового английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2008. 24 с.
7. Сильницкий Г.Г., Андреев С.Н., Кузьмин Л.А., Кусков М.И. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке: Минск: Наука и техника, 1990. 182 с.
8. Тулдава Ю.А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: Уч. зап. Тарт. ун-та, 1988. № 827. С. 146–162.
9. Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2000.

ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Нелунова Прасковья Анатольевна
старший преподаватель СВФУ, г. Якутск
E-mail: nel33@mail.ru

Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. Каждая нация обладает собственными представлениями об окружающем мире, о представителях другой культуры. Таким образом, в обществе складываются определенные стереотипы — как относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Стереотипы детерминированы культурой, так как представления человека о мире формируются под влиянием культурного окружения, в котором он живет.

Стереотипы, которые формируют обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических культур, получили название этнокультурных стереотипов. Этнокультурный стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт той или иной этнической группы. С помощью стереотипов можно воздействовать на массовое сознание населения, создавая нужный образ своей нации и формируя отношение к другим.

Средства массовой информации эффективно используют стереотипы, чтобы управлять массовыми представлениями в сфере межэтнических отношений. Этнокультурные стереотипы в прессе могут реализоваться с помощью паремий. Паремии являются продуктами языкового народного сознания как материализации опыта поколений и входят в мировосприятие носителей языков как неотъемлемая часть общей картины реальности. А также паремии выступают как единицы лексикона и средства отражения картины мира носителей языков. Паремии помогают определить типичные черты характера или поведения, присущие какой-либо этнической группе.

В качестве материала исследования были выбраны английские газеты 'TheTimes', 'TheObserver', 'TheIndependentReview', 'The Guardian', 'TheGuardianUnlimited' за период с 2006 по 2008 год.

В нашем исследовании мы рассмотрели стереотипы согласно классификации В.А. Масловой. Согласно этой классификации, стереотипы делятся на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы — мнения, суждения, оценки, относимые к собственной этнической общности. Гетеростереотипы — совокупность оценочных суждений о других народах [3, с. 108].

Создание этнического образа осуществляется через разные сюжеты пословиц и поговорок, обладающих как положительной, так и отрицательной коннотацией. Приведем примеры паремиологической реализации стереотипов, опираясь на классификацию стереотипов А.К. Байбурина, в которой выделяются стереотипы, описывающие невербальное поведение, социальные ситуации и национальный характер [1, с. 12].

Во-первых, рассмотрим выражение автостереотипов посредством паремий в тексте англоязычной прессы.

Стереотипы, относящиеся к невербальному поведению:

[...] These are the hallmarks of the truly great feud. Never forgive or reconcile. Never back down. Land the first blow and extract the last laugh, even if that means chiseling it onto your headstone. (Ср. Thefirstblowishalfthebattle. — Первый удар — это половина сражения // Начало предрешает исход. Helaughsbestwholaughslast.— Лучше всех смеется тот, кто смеется последним.) (TheTimesFriday, January, 12 — 2007). «Вот признаки настоящей великой вражды: никогда не прощай или не мирись. Никогда не уступай. Нанеси первый удар и радуйся, смеясь последним, даже если потом твое имя будет высечено на надгробии».

Статья о проблемах взаимоотношений между известными британскими деятелями, в частности, о разногласии между писателями Норманном Маймером и Уильямом Стайроном. В статье высказывалось неодобрение по поводу поведения вышеназванных персон как ярких представителей английской нации. Высказывание описывает негативный стереотип поведения англичан, который состоит в том, что англичане во время разногласий проявляют напористость и обидчивость. Статья нацелена на то, чтобы англичане учились на ошибках известных деятелей и развивали положительные качества.

Стереотипы, относящиеся к социальным ситуациям:

[...] Curses like chickens come home to roost. (подзаголовок) It is the fact that the nation has not risen up as one and asked: why is the gutter press allowed to get away with using lies, deceit, trickery and entrapment to get its stories? (Ср. Curses like chickens come home to roost. — Проклятия, подобноцыплятам, возвращаютсядомойнасвойнаседьм //

Неройдругому яму — самвнепопадешь) (The Guardian Saturday, April, 14 — 2006). «Не рой другому яму — сам в нее попадешь. Факт в том, что народ не поднялся как один и не спросил: почему “грязной” прессе, использующей ложь, обман и надувательство разрешается выходить сухой из воды?». В опубликованной статье шла речь о частом использовании неверных данных, лживых фактов некоторыми британскими газетами, что подрывает авторитет уважаемых газет и Англии в целом. В ней говорилось о создавшемся негативном стереотипе, что англичане становятся более лояльными ко лжи и мошенничеству. Как результат, данная пословица приобретает негативную оценочную коннотацию.

Следующий стереотип относится к национальному характеру:

[...] Almost anything is worth doing to avoid falling out with one's neighbours, whether over the colour of wallpaper in the communal hall, or the disposal of black bags. An Englishman's home may be his castle. But there are other little castles above and around it. And we must try to avoid the Wars of the Roses on the communal apartment wallpaper. (Ср. An Englishman's house is his castle. — Домангличанина — егокрепость // Мойдом — моякрепость) (The Times Monday, December, 1 — 2006). «Нужно делать все возможное, чтобы избежать ссор с соседями, будь то ссора по поводу цвета обоев в общем коридоре или вывоза мусора. Дом англичанина может быть его крепостью. Но есть еще и другие крепости вокруг. И мы должны стараться избегать войны Роз из-за обоев в общем доме». В статье шла речь о современных манерах, этикете. О том, по какому поводу часто ссорятся англичане и как разрешать и предотвращать подобные разногласия. Паремия обращает внимание на положительный стереотип, что для англичанина очень важна домашняя обстановка. Если дом будет окружать хорошая атмосфера, то он действительно будет крепостью для живущих в нем.

Основные характеристики английского этноса, представляемые массовому читателю, положительны. Но, как мы видим, не исключаются обращения и к негативным образам.

Во-вторых, рассмотрим примеры гетеростереотипов, которые отражают то, что думают люди одной нации о другой. Гетеростереотипы бывают как положительными, так и отрицательными — в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов.

Примеры паремиологической реализации гетеростереотипов, касающихся национального характера:

[...] This spring Europe will celebrate the 50th anniversary of the Treaty of Rome, which 'was also born of a crisis', but was 'of high quality'.

A pragmatist, she wants 'a pragmatic Britain' in which politicians can 'see beyond the rims of their plates'. (Ср. Look beyond the rims of your plate. — Смотризакраясвоейтарелки) (The Times Tuesday, January, 9 — 2007). «Этой весной Европа отмечает пятидесятую годовщину конвенции Рима, которая “явилась рождением кризиса”, но все же “была высшего качества”. Как прагматику, ей нужна “прагматичная Британия”, в которой политические деятели могут “видеть за пределами своих тарелок”».

В своем интервью Ангела Меркель рассказала о планах работы, о том, что ей нравятся британцы. По ее мнению, если Великобритания окажется на стороне Германии, это «заставит Европу работать». Используемая ею паремия обращает внимание на такие положительные черты британцев, как дальновидность, практичность, деятельность.

В свою очередь, британцы также положительно высказываются о немцах, как это видно из следующего примера:

[...] By British standards, Deutsche Bahn seems a paragon of efficiency. Germans are known by their chips. The publicly owned company claims to have a «punctuality rate» of 91 per cent. (Ср. A good workman is known by his chips. — Хорошего работника видно по его работе // По работе мастера видно) (Хорошего работника видно по его работе // По работе мастера видно) (The Independent Review Sunday, June, 24 — 2006). «По британским стандартам Deutsche Bahn (немецкое метро) кажется идеальной моделью эффективности. Немцев видно по их работе. Принадлежащая государству компания утверждает, что она имеет 91%-ый “показатель пунктуальности”». На данном примере видно, что англичане признают за немцами профессионализм в области технологии. Гетеростереотип основан на том, что немцы пунктуальны и организованны, соответственно, он имеет положительную оценочную коннотацию.

[...] For the first time in its history, the German population can have a full measure of both unity and freedom. [...] It is obvious that united they stand, but divided they fall. According to the Treaty on German Unity of 1990, the preamble to the Basic Law will be altered in such a way that the sentence calling for «completion» of Germany will be replaced with one that reads, «The Basic Law is hereby valid for the entire German people.» (Ср. United we stand, divided we fall. — Вместе стоим, аврозьпадаем // В одиночку не одолеешь и кошку, артелью и через гору в попу) (The Independent Review Wednesday, July, 12 — 2006). «За всю свою историю Германия в первый раз в полной мере испытывает единство и свободу. [...] Очевидно, что вместе они стоят, а врозь падают. Согласно Конвенции немецкого содружества 1990 года, вступление

Основного закона будет изменено так, что предложение, призывающее к “завершению” Германии, изменится на: “Основной закон при сем имеет силу для единого народа Германии”.»

Статья освещала политическую ситуацию в стране, а также сравнивала настоящую Германию с той Германией, которая существовала десятилетия назад. С помощью паремии британская газета создает положительный стереотип о том, что немцы — это сильный и свободный народ, стремящийся к единству.

В качестве стереотипов, относящихся к социальной ситуации, можно привести следующие примеры:

[...] Generally, the saying ‘Slowly done, well done’ does not apply to the production of Russian car industry. Russian businessmen should take into consideration, that what is worth doing at all is worth doing well (Ср. *Whatisworthdoingatallisworthdoingwell*. — Если уж стоит что-то делать, то делать надо хорошо // *Поспешись — людей насмешишь.*) (*TheObserverMonday, July, 10 — 2006*). «Как правило, высказывание “Медленно сделано, хорошо сделано” не относится к продукции российской автомобильной индустрии. Российским бизнесменам следовало бы принять во внимание, что если стоит что-то делать, то делать надо хорошо или не делать вовсе».

В статье критиковалась автомобильная индустрия России. Британцы не удовлетворены качеством автомобилей, произведенных в России. Исползованная в статье поговорка намекает на то, что русские мало уделяют внимания качеству своей продукции, соответственно, не заслуживают доверия и потому не достигают больших успехов в делах бизнеса. Таким образом, стереотип несет себе негативную оценочную коннотацию.

[...] We are such avid consumers of German technology, particularly cars, that we tend to overlook the fact that being brilliant at making things is not enough to run a successful economy. You need to be good at services too and sit between two stools. (Ср. *Between two stools one falls to the ground*. — *Между двумя стульями не усидишь*) (*The Independent Review Wednesday, March, 29 — 2006*). «Мы настолько жадные потребители немецкой технологии, особенно автомобилей, что не придаем значения факту, что блестящее ведение производства недостаточно для ведения успешной экономики. Необходимо также следить за работой служб и успевать в двух делах одновременно». Здесь англичане с помощью паремии указывают на недостатки в немецкой экономике. Здесь имеет место гетеростереотип с отрицательной оценочной коннотацией — немцы зачастую не внимательны к тому, чтобы все важные сферы политики работали должным образом.

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам относительно паремнологической реализации этнокультурных стереотипов в англоязычной прессе:

- стереотипы в отношении собственной этнической общности, называемые автостереотипами, акцентируют внимание в основном, на положительных чертах характера и поведения нации;
- автостереотипы с негативной оценочной коннотацией часто затрагивают неудачи в сфере политики и выражаются на примере известных политических и культурных деятелей Великобритании;
- стереотипы в отношении другого этноса, называемые гетеростереотипами, среди англичан несут положительную оценочную коннотацию, что обусловлено доброжелательным и миролюбивым настроением англичан по отношению к другим странам;
- негативные стереотипы возникают в период обострения внешнеполитической ситуации и обращают внимание на отрицательные черты поведения и характера народа, вовлеченного в конфликт.

Таким образом, этнокультурные стереотипы помогают формировать определенные нормы поведения в отношении к тем или иным группам и их представителям. Автостереотипы способствуют созданию и сохранению положительного образа своей нации, а гетеростереотипы определяют характер межэтнических взаимоотношений и помогают его контролировать.

Список литературы:

1. Байбурин А. К. Этнические стереотипы поведения / А.К. Байбурин. — Л., 1985. — 325 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций / В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 178 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М.: Academia, 2004. — 202 с.
4. Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А. В. Павловская // Вестник МГУ, Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 1998. — №1. — С. 94—104.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 261 с.
6. <http://www.guardian.co.uk>
7. <http://www.observer.co.uk>
8. <http://www.theindependentreview.co.uk>
9. <http://www.timesonline.co.uk>

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «СТРАХ» И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рагузова Юлия Владимировна

преподаватель, аспирант РГСУ, г. Москва

E-mail: julara@bk.ru

Проблема исследования эмоционального поля лингвистическими средствами в художественном тексте все больше привлекает внимание, как лингвистов, так и психологов. Психический механизм эмоционализации работает на обоих уровнях — языковом и речевом, поэтому эмотивные единицы являются и средствами системы языка и средствами высказывания / текста. При этом они находятся в постоянном распоряжении человеческого мышления, и мысль языковой личности обращается к ним в момент своего выражения языком и эксплуатирует их в готовом виде. Такое постоянное распоряжение, а именно в этом заключается главная функция любого языка, освобождает язык от постоянной необходимости придумывать средства выражения и выразительности в тот момент, когда это требуется.

В нашем исследовании рассматривается поле эмоций и его актуализация во французском языке, а именно: эмоция «страх», описанная лингвистическими средствами французского языка и функционирующая в художественном тексте. Так как эмоциональная информация составляет определенную часть когнитивного содержания текста, то когнитивный подход к исследованию эмоционального пространства позволяет определить роль и описать формы объективации эмоционального концепта «страх» в структуре текста.

Важным при анализе концепта является тот факт, что он выделяется как в коллективном, так и в индивидуальном сознании. Поэтому, исследуя способы репрезентации концепта в художественном дискурсе, мы исходим из того, что «организующим центром произведения художественной литературы остается творческая личность писателя» [2, с. 36].

В ряде исследований по проблемам эмотивности и концептологии (Ю. Д. Апресян, С. В. Ионова, Ю. С. Степанов, В. И. Шаховский, Дж. Эйчисон, и др.) выделяются концепты особого вида — эмоциональные концепты, ядром которых являются базовые эмоции,

образующие собственные концептуализированные предметные области, объединяющие в общем представлении слова, вещи, ассоциации, образы, ритуалы и т. д. В них доминируют ценностные и образные элементы концепта. Они формируют эмоциональное пространство текста, которое содержит определенную эмоциональную информацию, организованную в определенную модель эмоциональной ситуации или, в другой терминологии, сценарий эмоций. Сюда включаются имена эмоций и все те атрибуты, образы, ассоциации, символы, которые являются активаторами объективации данного базового эмоционального концепта, в нашем случае эмоционального концепта «страх» и построения эмоционального пространства в тексте. Язык рассматривается как инструмент преобразования концептуализированных смыслов в текстовые семантические структуры языковых единиц (порождение текста) и последних в смыслы (перцепция текста).

Прежде, чем описать эмоциональное пространство индивидуально–авторской языковой картины мира, связанной с эмоциональным концептом «страх», охарактеризуем страх как эмоцию.

«Страх — это одна из форм проявлений инстинкта самосохранения. Его наличие в человеке неотъемлемо, поскольку страх является частью его строения. Он такой же, как и другие формы проявления инстинкта самосохранения, как например, любовь к лидерству, самозащита и другие, и даже похож на формы проявления других инстинктов, как религиозность, т.е. поклонение, продолжение рода. Для его проявления необходим внешний фактор — возбудитель, вызывающий страх, а если отсутствует этот фактор — страх абсолютно не проявляется. Этот фактор бывает либо объектом (в материальном виде), осязаемым через чувствительные органы или же мыслью, связанной с этим объектом или касающейся его. Поэтому необходимо присутствие объекта или мысли, через которую осознается, что объект устрасим, или через что ощущается, что объект устрасим» [1, с. 38].

Страх — это одна из множества проблем, к тому же опасных, из-за которой народы переживают упадки, деградации, а слабые из них страдают унижением, отсталостью. И если страх взял верх над каким-либо человеком, то он лишает его самых благородных качеств и таких сладостей жизни, как спокойствие, радость, смирение с тем, что происходит не по его воле и др. Страх рождает в сознании человека запутанность, растерянность, неспособность оценить реальную действительность, страх парализует его память.

«Существует другой вид страха, который менее опасен, чем страх от воображения. Этот вид страха возникает при неправильном

определении (оценивании) реальной действительности и объектов. Например, когда человек увидел объект, который может быть опасен (устрашим), а может и нет (разговор с высокопоставленным чиновником, судьёй или инспектором, президентом и т. д., а также в результате дискуссий, дебатов и т.п.). Именно отсутствие правильного определения (оценивания) и является причиной страха, который вводит человека в заблуждение, рождает у него неясность в разговоре и объяснение поражает концентрацию мыслей. Человек от этого вида страха страдает, мучается в своей жизни» [1, с. 34].

Страх — реальность нашего бытия. Это совершенно определенная, специфическая эмоция, заслуживающая, по мнению психологов, выделения в особую категорию, поскольку он образуется из конкретных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфических переживаний, проистекающих из ожидания угрозы или опасности. Лингвистическое описание эмоциональной жизни человека складывается из: а) лексических единиц, называющих эмоцию; б) описания переживаемых эмоций; в) поведенческих данных; г) физиологических данных.

Страх испытывается человеком в самых разных ситуациях и в самой разной степени. Так, слабый страх переживается как тревожное предчувствие, беспокойство и выражается часто с помощью следующих лексических единиц: **inquiétude, appréhension, cauchemars, angoisse**:

— Commença alors l'un des pires **cauchemars** de ma vie [3, с. 71].

— Si tu te donnes la mort, tu ne transpireras plus jamais et ton **angoisse** sera finie pour l'éternité. [3, с. 102].

— Ne vous **inquiétez** pas. Il m'amuse [3, с. 38].

— Je fut convoquée dans le bureau de monsieur Omochi: je m'y rendis sans la moindre **appréhension**, ignorant ce qu'il me voulait [3, с. 43].

Также страх выражается с помощью наречий, прилагательных **effrayant, prodigieusement, exécrable, terrifiante, horrible, innommable, atroce, odieux, flageolante**:

— Il m'introduisit ensuite dans le bureau où siégeait son supérieur, monsieur Omochi, qui était énorme et **effrayant** [3, с. 9].

— Ils étaient **prodigieusement** inintéressants, à l'exception de l'un d'entre eux, qui répertoriait les membres de la compagnie Yumimoto: y étaient inscrits leurs nom, prénom, date et lieu de naissance [3, с. 17].

— Vous avez créé une ambiance **exécrable** dans la réunion de ce matin [3, с. 20].

— Son visage exprimait la plus **terrifiante** des colères continues [3, с. 63].

— Tu trouves ça **horrible**? [3, с. 97].

— La fenêtre était la frontière entre la lumière **horrible** et l'admirable obscurité. [3, c. 186].

— Verser son sang est aussi admirable que verser sa sueur est **innommable** [3, c. 102].

— Ce métier, à tout prendre, était bien moins **atroce** que celui de comptable-je parle ici de mon poste de vérification des frais de voyages d'affaires [3, c. 135].

— L'un des plus graves crimes nippons, si **odieux** qu'on utilise le mot français [3, c. 143].

— Je filais sans demander mon reste jusqu'au débarras dont je possédais la clef et revins en courant de mes jambes **flageolantes**, les bras chargés de rouleaux [3, c. 152].

Интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности, неуверенности в своей безопасности, и нередко описание дополняется стереотипным поведением: оцепенеть, спастись бегством, притвориться мертвой, без сознания и т.п. В качестве активаторов степени интенсивности страха автор романа использует аффективную лексику: глаголы, наречия, прилагательные. Так, глагол **peur** доводит эмоцию «страх» до высшей точки интенсивности:

— Si tu admires ta propre joliesse dans le miroir, que ce soit dans la **peur** et non dans le plaisir, car ta beauté ne t'apportera rien d'autre que la **terreur** de la perdre [3, c. 96].

— Ma **peur** atteint son comble quand je vis qu'il m'emportait aux toilettes des messieurs [3, c. 151].

— J'étais morte de **peur** à l'idée de me retrouver seule avec lui dans son bureau [3, c. 174].

Таким образом, рассмотрение страха как отдельной эмоции позволяет определить влияние страха на когнитивные процессы и поведенческие акты, а также выявить особенности его взаимодействия с другими эмоциями. В каждом конкретном эпизоде текста, где имеется эмоциональное пространство страха, последнее включает один из возможных вариантов описания модели эмоциональной ситуации. Проблема отражения эмоции «страх» в художественном тексте может ограничиться только номинацией этой эмоции, а может иметь более комплексное описание, содержащее иные способы объективации этой эмоции.

Список литературы:

1. Изард К.Э. Психология эмоций. Пер. с англ. СПб.: Изд-во Питер, 2000. — 464 с.
2. Леденёва В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. — 2001. — №5. — С. 36-41.
3. Nothomb, A. Stupeur et tremblement. Paris: Livre de poche, 1999. — 189 p.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОЦЕССЫ ДЕТЕМПОРАЛИЗАЦИИ

Исаева Ирина Петровна

к. фил. н., доцент АГАО, г. Бийск

E-mail: isaeva_ip@rambler.ru

Современный, динамично развивающийся мир неотделим от понятий «Интернет» и «электронная коммуникация». Настоящие информационные технологии позволяют удовлетворить практически весь спектр потребностей человека: от заказа еды, билетов, поиска работы до знакомства и личностной самоидентификации с последующей творческой самореализацией, подкрепленной стремлением к публичности и признанию. Таким образом, в рамках киберпространства создается новая социокультурная среда как место интеракции виртуальных личностей.

Термин «виртуальная личность» многозначен. Среди основных значений выделяются такие интерпретации данного термина (с указанием соответствующего синонима), как:

- идентификатор для входа в компьютерную систему (login, user name);
- прозвище или псевдоним (user name, nickname), использующийся для идентификации пользователя в коммуникативных электронных средах (блогах, чатах и т. п.);
- псевдоним или другой заменитель имени человека (например, номер или личный код), используемый для его гражданской, правовой и иной социальной репрезентации;
- компьютерная программа, моделирующая разумное поведение (robot, bot);
- вымышленная личность, создаваемая человеком или группой людей, порождающая семиотические артефакты и/или описываемая извне (virtual character, virtual persona) [2].

В контексте нашего анализа виртуальная личность рассматривается как реально существующая языковая личность, погруженная в ситуацию общения в виртуальной реальности.

Виртуальная реальность является видом символической реальности, реализующей принцип обратной связи [5, с. 27].

Все представленные выше значения термина «виртуальная личность» имеют общую точку сопряжения, базирующуюся на оппозиции «*реальное vs виртуальное*».

Реальность бытия постулируется через пространственно-временные координаты говорящего как языковой личности, взаимодействующей с другими участниками коммуникации, а именно, через дейктические категории «здесь и сейчас». По существу, эти два понятия являются исходными пунктами постижения мира. Они являются определенными точками отсчета, относительно которых говорящий воспринимает окружающую действительность как поле видения ретроспективы и перспективы мира.

Виртуальность, в свою очередь, «потенциальна», так как «все ее компоненты существуют потенциально, как возможные для реализации «где-то и когда-то» [6]. Потенциальная природа виртуальности обуславливает разрыв между настоящим бытием коммуниканта и ситуативным фоном развития дискурса. Иными словами, в рамках виртуальной коммуникации при отсутствии прямого визуального контакта возможна пролонгация временных интервалов, необходимых для ответной реакции на полученное сообщение, комментариев и т.п. В этом смысле виртуальная реальность моделируема и управляема, поскольку «в ней существует определенная возможность управления событиями» при заданных условиях и параметрах [6].

В процессе виртуальной коммуникации происходит изменение основных характеристик языковой личности, что, несомненно, обусловлено основными целями данного вида взаимодействия, в которые включают: третичную социализацию, сетевую инкультурацию, самопрезентацию и развлечение [1]. Таким образом, виртуальная языковая личность, управляя собственной идентичностью, становится более раскованной и демократичной в общении по причине возможной анонимности и свободы самовыражения.

Развитие информационных сетей общего пользования неизменно влечет за собой нивелирование пространственных границ, что в целом меняет представление о категории пространства в рамках виртуальной коммуникации. Виртуальная коммуникация предполагает одновременное поливекторное общение, которое, за счет высокой скорости передачи информации по каналам связи, результируется

в размывании расстояний и «делокализации» позиции коммуниканта-наблюдателя [4, с. 228].

Стирание роли временного фактора при виртуальной коммуникации обусловлено, во-первых, во многих случаях отсутствием непосредственного визуального контакта с собеседником. Дистантность общения приводит к изменению в обыденных представлениях о времени, поскольку меняется объем содержания понятия «настоящее». Момент настоящего «сейчас» расширяется и приобретает определенную длительность, объединяя в своем значении два плана: момент наступления и ухода времени. Идея ухода и прихода времени начинает доминировать в сознании виртуальной языковой личности над идеей членимости временного потока на сферы прошлого, настоящего и будущего, поскольку, по причине высокой скорости передачи информации и явления делокализации, возможны кардинальные несовпадения временных координат участников коммуникации. Например, получение письма, датированного завтрашним днем, является обыденным явлением в виртуальном мире [4, с. 227].

Процесс детемпорализации виртуальной языковой личности, т. е. нейтрализации временного фактора в сознании человека с последующим переключением на асинхронную систему отсчета, находит отражение на языковом уровне. Вместо традиционных приветствий «добрый день, вечер» участники виртуальной коммуникации все чаще «употребляют нейтральное «Доброго вам времени суток» [4, с. 228].

Во-вторых, возможность реализации поливекторной коммуникации, которой потенциально обладает каждая виртуальная языковая личность, обуславливает изменение статуса дейктических показателей «здесь и сейчас». В реальном общении фигура говорящего является центром преломления временных координат описываемой ситуации. Вся темпоральная структура высказывания организуется вокруг фигуры говорящего: «либо в прямом соотношении с ним и относительно его настоящего, либо в опосредованном соотношении с ним и относительно предшествующего или последующего момента к его настоящему» [3, с. 12]. Таким образом, строя суждение об объективном мире, говорящий привносит в высказывание компонент Я-бытия, соотнося его с бытием окружающей действительности.

При виртуальном общении происходит нейтрализация оппозиции «внешнее время vs внутреннее время», так как временные координаты коммуникантов могут отличаться, поскольку они могут находиться

в разных часовых поясах. В данном случае значимым становится *внутреннее* время развертывания коммуникативного взаимодействия, а в качестве категорий ориентационного типа на первый план выходят фазовые показатели начала и конца интеракции. Иными словами, в сознании виртуальной языковой личности имеет место перекодировка общефактических темпоральных характеристик бытийно-онтологического плана на аспектуально-длительные показатели ситуативной временной ориентации.

Список литературы:

1. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества [электронный ресурс] — Режим доступа : URL: <http://www.netslova.ru/gorny/vl.html>.
2. Гермашева Т.М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Нальчик, 2011. — 21 с.
3. Закамулина М.Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст [Текст] — Казань : Татарское книжное издательство, 2000. — 288 с.
4. Коняев С.Н. Новые технологии и понятие времени [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/sinergetika/-konyaev_novye.pdf.
5. Лутовинова О.В. Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства [электронный ресурс] — Режим доступа: vestnik-mgou.ru/mag/2009/ling/1/st5.pdf.
6. Лутовинова О.В. Виртуальный дискурс: к определению понятия [электронный ресурс] — Режим доступа: www.russian.slavica.org/article11701.html.

О ПОЭТИКЕ ДАТЫ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Труфанова Ирина Владимировна

*доктор филол. наук, профессор кафедры филол. образования МИОО,
г. Москва*

E-mail: illokucia1@rambler.ru

Данная статья является продолжением нашей статьи [14]. Изучение даты в литературе как семиотического вопроса началось с появления статьи З.Г. Минц «Поэтика даты» и ранняя лирика Ал. Блока» [4]. Как и другие элементы текста, даты могут активизировать в рамках одного произведения широкие литературные и экстралитературные (т. е. исторические) области цитирования. Названное свойство связывает вопрос дат с более широкой проблемой интертекстуальности и даёт основание исследовать поэтику В.В. Набокова под этим углом [12, с. 21]. П. Тамми заметил, что «многие набоковские даты оказываются полигенетичными в том смысле, что они восходят к разным источникам» [12, с. 21].

В сентябре или августе 1926 г. Феликс видел на ярмарке близнецов, которых совершенно невозможно было различить [5, с. 403]. Б. В. Томашевский писал: «для писателя с биографией учёт фактов его жизни необходим, поскольку в его произведениях конструктивную роль играло сопоставление текстов с биографией автора (...) Но эта нужная историку литературы биография — не послужной список и не следственное дело, а та творимая автором легенда его жизни, которая единственно и является литературным фактом» [13, с. 9]. В 1826 г. родился дед писателя Дмитрий Набоков — видный государственный деятель.

В. В. Набоков «любил связывать даты, которые разделяются столетием» [1, с. 152]. В 1826 г. братьями Леновыми в Москве основана шоколадно-кондитерская фабрика «Рот-Фронт» [17]. Герман занят производством шоколада.

В 1826 г. последнее в мире аутодафе через повешение (без сожжения) произошло в Валенсии [17]. 25 июля были казнены через повешение пять декабристов К.Ф. Рылеев, П.Г. Каховский, П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин [17]. Какая-то казнь ожидает Германа.

В 1826 г. 27 января родился писатель М.Е. Салтыков-Щедрин [15], аллюзии к его текстам находили в произведениях

Н.Н Набокова. 3 июня умер Н.М Карамзин. 8 сентября вернулся из ссылки А.С. Пушкин [17].

Встреча Германа с Феликсом произошла 9 мая 1930 г. В 1830 г. умерли дядя А.С. Пушкина поэт В.Л. Пушкин, мать Л.Н. Толстого М. Н. Волконская-Толстая [11]. В 1830 г. во Франции произошла Июльская революция, консервативная по своей природе. Бывший король Франции Карл X выехал вместе с семьёй в Англию. 9 августа королём Франции стал Луи-Филипп, герцог Орлеанский. Главным результатом революции было обеспечение парламентаризма и прав личности и некоторое расширение господствующего класса. Однако характер этого класса остался тот же; как монархия Бурбонов была господством крупной буржуазии, так им осталась и июльская монархия. Главные требования оппозиции к июльской монархии сводились к изменению конституции, всеобщему избирательному праву, республике [2].

В 1830 году в Петербурге под редакцией А. А. Дельвига начинает выходить «Литературная газета» [11]. А. С. Пушкин пишет сонет «Поэту», созвучный настроениям Германа, которого не признала «чернь»: «Поэт, не дорожи любовью народной! Восторженных похвал пройдет минутный шум, Услышишь суд глупца и смех толпы холодной, Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. Ты царь: живи один...» [11]. В 1830 г. он навещает больного Батюшкова, не узнавшего его, и пишет стихотворение «Не дай мне, Бог, сойти с ума» [11]. Холера заставляет его задержаться в Болдине, где он завершает работу над «Евгением Онегиным», начатую 9 мая — в день встречи Германа и Феликса в 1930 г.; пишет «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Домик в Коломне», «Повести Белкина», Ивана Петровича Белкина, родившегося 1 апреля, в день, в который завершаются события в романе «Отчаяние»; заканчивает «Моцарта и Сальери», на сохранившейся обложке рукописи которой стоит заголовок «Зависть» [11], рассматривавшийся Германом в качестве названия его повести.

События в романе «Отчаяние» завершаются в 1931 г. В 1831 г. родились 13/25 января будущий русский философ К.Н. Леонтьев; 16 февраля / 4 марта Н. С. Лесков, автор «Левши», Герман и Феликс являются левшами; 27 февраля будущий художник Н. И. Ге, написавший портрет Л. Н. Толстого, картины «А. С. Пушкин в Михайловском», «Вестники Воскресения», «Иуда», «Голгофа», «Распятие», «Суд Синодриона. Повинен смерти» [3]. Для «Отчаяния» актуальны темы богоотступничества, преступления и воскресения [15; 16].

В 1831 г. 14 января умер А.А. Дельвиг. Бельгия обрела независимость, её первым королём стал Леопольд I. 18 февраля А.С. Пушкин венчался с Н.Н. Гончаровой. Ч. Дарвин отправился в кругосветное путешествие на «Бигле», о котором говорил впоследствии, что оно дало ему главный материал для его теории происхождения видов [3].

6 сентября Герман написал второе письмо Феликсу. В 1380 году в этот день русскими войсками была одержана победа над татаро-монголами в Куликовской битве [9]. В «Память, говори» В. В. Набоков трижды упоминает тот факт, что 23 апреля 1185 г. князь Игорь с дружиной вступил в поход, эту дату из «Слова о полку Игореве» он считал важной в истории литературы и культуры [12, с. 24]. Можно предположить, что дата победы русских воинов после многочисленных поражений, обусловленных раздробленностью русских княжеств, тоже значима для писателя. Это день рождения М. И. Кутузова — выдающегося полководца, героя романа Л. Н. Толстого «Война и мир» [9].

9 августа / 16 сентября родился король Генрих V английский, выдающийся полководец столетней войны с Францией, герой хроник В. Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V», умерший в 35 лет 31 августа 1422 г., не дожив два месяца до смерти своего главного противника французского короля Карла VI [9]. Герман Карлович в 35 лет повстречал Феликса.

1 марта Ардалион должен был ехать в Рим, но из-за того, что он потратил деньги, полученные от Германа, его отъезд откладывался. В 1873 г. в этот день Ремингтон начал производство пишущих машинок [7]. В день написания письма Феликсу 9 сентября Герман видит в окне, как кто-то неумолимый диктует и диктует машинистке текст. Это день рождения книгопечатания в нашей стране. В 1564 году в Москве повелением Ивана Грозного и благословением митрополита всея Руси Макария Иваном Фёдоровым опубликована первая в нашей стране книга «Апостол». В 1445 г. родился С. Боттичелли — автор картины «Рождение Венеры» [7], на которой богиня изображена стоящей в раковине. Символика раковины актуальна для произведений В. В. Набокова [15]. 1 марта 1555 г. опубликовал свою книгу с предсказаниями Нострадамус, катрены в ней написаны на смеси четырёх языков и перепутаны местами. Для В. В. Набокова характерны мультязычные каламбуры [10], т. е. игра на внутренней форме и созвучии слов не менее чем двух этнических языков.

4 марта Ардалион нашёл деньги, но оказалось, что Лида потеряла его железнодорожный билет. Это день смерти Н.В. Гоголя

в 1852 г. [8], в день рождения которого заканчивается действие в романе «Отчаяние». В 1832 г. в этот день умер Франсуа Шампольон, в 16 лет представивший свой первый научный труд «Египет при фараонах», в 1822 г. расшифровавший текст на Розеттском камне, чем положивший начало египтологии как науке, в 1826 г. организовавший первый музей египетских древностей [8]. Египетские мифы о Ра-Озирисе, быке Аписе переживаются в романе «Отчаяние» [15].

4 марта 1238 г. в битве на реке Сити войска Великого князя Юрия Всеволодовича Большое Гнездо, желавшего противостоять татаро-монголам и не допустить их на Русь, были разбиты на лагере второстепенными силами монголов во главе с Бурундаем, следовавшими отдельно от основных сил другим маршрутом. Сам Юрий был убит. Обезглавленное тело князя было обнаружено на поле боя ростовским епископом Кириллом, который отвёз тело в Ростов и похоронил его в каменном гробу в храме Богоматери. Голова князя была найдена и приставлена к телу. Через два года останки были торжественно перенесены Ярославом Всеволодовичем в Успенский собор во Владимире. Юрий Всеволодович был канонизирован и причислен к лику Святых как Святой Благоверный Князь Георгий Всеволодович 5 января 1645 г. [8]. Можно предположить, что В.В. Набоков помнил не только о поражениях, победах, военных походах, даты которых совпадали с днём его рождения — 23 апреля.

Может возникнуть вопрос, как доказать, что В.В. Набоков имел в виду упоминаемые в нашей статье даты при создании романа «Отчаяние». В какой-то мере мы попытались это сделать, указав на повторяемость каких-то тем, мотивов в его произведениях, и, прежде всего, в романе «Отчаяние»; такая повторяемость не может быть случайной. Даты из истории литературы были писателю-преподавателю литературы не только хорошо известны, но и, как он сам говорил в одном из интервью, «завораживали» его [12, с. 21]. Для него были важны также даты, как-то связанные с его биографией и историей его семьи [11]. Наконец, нам импонирует кредо П. Тамми: «Даже если согласиться с У. Эко и другими теоретиками в том, что литературная интерпретация должна быть чем-то ограничена, я не думаю, что следует задаваться здесь проблемой релевантности. Набоковская поэтическая стратегия основывается на полигенетичности текста — использовании возможности всё новых интерпретаций, брезжащих за фасадом уже найденных. Зачем же ограничивать?» [12, с. 26]. Ю.Б. Орлицкий приводит высказывание В. Ходасевича о В.В. Набокове: «Иногда в одну фразу он вкладывает столько разнообразнейшего материала, сколько другому, более

экономному или менее одарённом писателю хватило бы на целый рассказ» и комментирует: В. Ходасевич «оценил роман (В.В. Набокова — И.Т.) с той же позиции, с которой пишут обычно о преимуществах стихотворной речи над прозаической» [6, с. 555]. В.В. Набоков строил свои прозаические произведения по принципам построения лирических стихотворений: языковые единицы у него связаны не только логическими, синтаксическими связями, но и ассоциативными, созвучием; связи слов не только горизонтальные, как в прозе, но и вертикальные, как в стихах, и по диагонали, как в анаграмме. Это создаёт большую плотность смыслов на пространстве текста, характерную для стихов.

Список литературы:

1. Галинская И.Л. Владимир Набоков: Современные прочтения. Сб. науч. тр. — М.: РАН, 2005. — 177 с.
2. Июльская монархия // [Электронный ресурс] — Режим доступа:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%8E%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%8F
3. Кто родился / умер в 1831 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа:<http://days.peoples.ru/year/1831.shtml>
4. Мицн З.Г. Поэтика даты и ранняя лирика Ал. Блока // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века.* Ed. by Liisa Bycling & Pekka Pesonen. — Helsinki: Department of Slavonic Languages, University of Helsinki, 1989. — С. 147.
5. Набоков В. В. Отчаяние / В. В. Набоков // Собр. соч. русского периода: В 5 тт. 1930—1934. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы. Стихотворения. Эссе. Рецензии. — СПб.: Симпозиум, 2001. — С. 394—527.
6. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. — М.: РГГУ, 2002. — С. 504—517.
7. Памятные даты, знаменательные события 1 марта // [Электронный ресурс] — Режим доступа:<http://www.calend.ru/events/3-1/>
8. Памятные даты, знаменательные события 4 марта // [Электронный ресурс] — Режим доступа:<http://www.calend.ru/events/3-4/>
9. Памятные даты, знаменательные события 16 сентября // [Электронный ресурс] — Режим доступа:<http://www.calend.ru/events/9-16/>
10. Люксембург А.М., Рахимкулова Г.Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). — Рост.-н/Д: Изд-во ин-та массовых коммуникаций, 1996. — 202 с.

11. События 1830 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://days.peoples.ru/year/1830/events.html>
12. Поэтика даты у Набокова // Литературное обозрение. Владимир Набоков в конце столетия. — 1999. — № 2 (274). — С. 21—29.
13. Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. — 1923. — № 4. — С. 9.
14. Труфанова И. В. Даты и цифры в романе В.В. Набокова «Отчаяние» // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. — Новосибирск: Априори, 2011. — С. 70–79.
15. Труфанова И. В. Как мы понимаем литературу в жанре нонсенса: на материале типа повествования в романе В.В. Набокова «Отчаяние»? / И. В. Труфанова // IV Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. науч. тр.: В 2 т.: Т. II. — Севастополь: Гит пак, 2010. — С. 544–567.
16. Труфанова И. В. Символика раковины и жемчужины в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. науч. тр. / Под ред. О.В. Загорской. — Вып 17. — Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. — С. 138–152.
17. 1826 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/1826_%D0%B3%D0%BE%D0%B4#.D0.A1.D0.BE.D0.B1.D1.8B.D1.82.D0.B8.D1.8F

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Николаев Анатолий Иванович

*Старший преподаватель СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск
E-mail: nickan07@mail.ru*

В современном мире двуязычие и многоязычие — широко распространенные явления. Существует мнение, что в фокусе лингвистических исследований отныне должна закрепиться многоязычная личность, а само явление многоязычия следует рассматривать как норму, тесно связанную с понятиями национального самосознания и культурного многообразия [16, с. 34]. Анализ различных подходов к сущности дву- и многоязычия позволяет определить эти многоаспектные явления как сосуществование, взаимное влияние и взаимодействие двух или более языков в естественном или в искусственном языковом континууме, в котором индивиды и социальные группы владеют этими языками в разной или в равной степени [14, с. 79].

Сопоставительное изучение разносистемных языков возникло в большей степени из практических потребностей преподавания иностранного языка в условиях билингвизма, так как трудности, с которыми встречаются учащиеся при овладении иностранным языком, в значительной степени обусловлены спецификой русского и родного языков. Трудности вызывают те явления, которые отсутствуют в родном и русском языках или имеют отличия от соответствующих явлений иностранного языка. Одной из главных задач обучения иностранному языку в условиях национальной школы является учёт интерферирующего влияния языковых навыков учащихся, основанных на знании родного и русского языков.

До недавних пор в большинстве научных работ при описании ситуаций, касающихся владения двумя и более языками, чаще всего

употреблялся термин «билингвизм», или «двуязычие», что заключало в себе ряд противоречий, когда речь заходила, к примеру, о взаимодействии трех языков в лингвистическом сознании индивидуума. Подобная трактовка не учитывала многоаспектности этого сложного явления, затрагивающего разнообразные факторы языковой среды, в частности механизм зарождения и проявления межъязыковой интерференции. Контактующие языки непременно вступают во взаимовлияние между собой и оказывают друг на друга воздействие на всех уровнях системы. Такое взаимодействие и взаимовлияние сопровождаются обычно рядом явлений, наиболее распространенным из которых является интерференция, оказывающая большое влияние на процесс формирования национально-русского двуязычия. Последствия отрицательного воздействия интерференции на просодическую реализацию билингва могут привести к затруднению понимания, а нередко и искажению смысловой стороны речи. Многие англичане готовы простить иностранцу ошибку грамматическую, поскольку она не воспринимается ими как отражение неправильного отношения говорящего к содержанию высказывания, и, тем самым, гораздо реже способствует нарушению процесса межкультурной коммуникации, чем интонационная ошибка. Отклонения в интонационном оформлении речи позволяют безошибочно определить в говорящем иностранца [3]. Более того, они затрудняют понимание, а нередко и искажают смысловую сторону речи. Уже в 1924 году Г. Пальмер в работе «English Intonation with Systematic Exercises» отметил следующее: «То, что воспринимается как «неанглийское произношение» или «иностранный акцент», нередко оказывается иностранной интонацией. Многие иностранцы, говорящие по-английски, безусловно владеют английскими звуками и даже ударением, но их интонация такова, что мы сразу же определяем, что они не англичане, а часто и не понимаем смысла того, что они говорят» [17].

Одним из путей предотвращения подобного рода ошибок является сознательное усвоение двуязычным индивидуумом просодической нормы иностранного языка, как совокупности наиболее устойчивых, традиционных элементов системы, отобранных и закрепленных в речи носителями языка [13]. В этом — суть когнитивного подхода, с позиции которого «использование знаний первого языка как стратегией овладения вторым языком может быть одним из проявлений базового процесса опоры на уже имеющееся знание для облегчения усвоения нового знания» [10, с. 58]. Необходим сознательный анализ, основанный на сопоставлении систем

контактирующих языков, поскольку различия между данными системами создают области наиболее сильных интерферирующих воздействий и являются главным источником трудностей при изучении иностранного языка.

В процессе овладения иностранным языком носителями национально-русского, в нашем конкретном случае якутско-русского двуязычия, происходит наложение системы третьего языка на формы двух усвоенных ранее языков — родного якутского и приобретенного русского языков.

Итак, в настоящем исследовании сделана попытка раскрыть черты сходств и различий в интонационном оформлении коммуникативных типов предложений в якутском, русском и английском языках.

Исследований по интонации достаточно много, тем не менее, многое в этой области остается спорным, неясным. Сопоставительные исследования также усложняются отсутствием единой теоретической основы, исходя из которой, можно было бы легко объяснить добытые интонологами факты. Такое положение в немалой степени объясняется, во-первых, тем, что интонация полифункциональна; во-вторых, тем, что она отражает эмоционально-волевую сферу человека, которая поддается анализу с большим трудом [3]. Обычно понятие интонации включает мелодику речи, паузы, распределение ударений в предложении и ритм, громкость, темп произнесения и тембральную окраску высказывания. Поскольку не все из перечисленных компонентов интонации изучены одинаково в рассматриваемых языках, при сопоставительном исследовании мы ограничимся наиболее общим понятием термина «интонация». В данном исследовании мы понимаем под термином «интонация» — мелодику речи, то есть изменение высоты тона высказывания.

Большинство специалистов в области синтаксической фонетики выделяют структурную (организующую), коммуникативную, логическую и модальную функции интонации. Основной, первичной функцией интонации является функция оформления высказывания: объединение предложений в одно целое с соответствующим расчленением потока речи на отдельные предложения.

Логическая функция представляет собой интонационное выделение в предложении его части с коммуникативно-важным, новым содержанием, что является функцией выражения отношений между элементами интонационных единиц. Она особенно ярко проявляется при актуальном членении, а также при выражении

контраста или противопоставления, когда наиболее выделенное слово одной из синтагм имеет подразумеваемое слово в другой синтагме.

Модальная функция заключается в способности интонации выражать экспрессивно-эмоциональные и волюнтаривно-коннотативные особенности предложения.

Коммуникативная функция интонации заключается в способности выявить и оформить различные коммуникативные типы предложений. Исходя из данных лингвистической литературы, мы выявили следующие коммуникативные типы предложений: утвердительные, вопросительные (общие вопросы, специальные вопросы, альтернативные вопросы, разделительные вопросы), восклицательные предложения, побудительные предложения, а также формулы вежливости. (Вишневская, 1985; Практическая фонетика английского языка, 1997; Васильев, 1980; Брызгунова, 1963, 1977).

Итак, в соответствии с задачей нашего исследования рассмотрим далее особенности речевой мелодики английского, русского и якутского языков, характерные для интонационного оформления различных коммуникативных типов предложений. Данный анализ поможет выявить предпосылки возникновения просодической интерференции контактирующих языков и тем самым определить ее потенциальные источники.

Несмотря на универсальность мелодических характеристик человеческой речи, интонационные модели каждого конкретного языка имеют свои специфические особенности, как в плане содержания, так и в плане выражения. Рассмотрим кратко некоторые из них:

Для английского языка характерно, что обычные категорические утверждения, приказания, специальные вопросы, утвердительные восклицания произносятся с нисходящим тоном; утверждения некатегорические, выражающие сомнение, неуверенность, просьбы, общие вопросы (на которые нужно дать утвердительный или отрицательный ответ), краткие вопросы-переспросы, восклицания вопросительного характера, — произносятся с восходящим тоном. Внутри этих двух широких подразделений могут семантически противопоставляться несколько простых и сложных тонов [6].

В русской интонологии выделяют семь типов интонационных конструкций (ИК), каждый из которых в потоке речи представлен рядом реализаций: нейтральных, характеризующих тот или иной тип ИК при выражении смысловых отношений, и модальных, имеющих какую-либо особенность строения, предназначенную для выражения субъективного, эмоционального отношения говорящего к высказываемому [4]. При этом одна и та же интонационная конструкция может восприниматься по-разному в предложениях

с разным синтаксическим строением, например, участвовать в выражении вопроса, незавершённости, просьбы.

В якутском языкознании проблема интонации рассматривалась недостаточно широко в отличие от русской и английской фонетических школ. Основными источниками исследований по интонации в научных трудах якутских фонетистов являются работы доктора филологических наук, профессора, И.Е. Алексеева, в которых подробно описывается просодическая системавопросительных предложений в якутском языке [1].

Согласно И.Е. Алексееву для интонационного контура всех видов якутского вопросительного предложения характерным является то, что главный ударный отрезок ритмомелодемы может выделяться совокупностью двух или трех акустических параметров. Как правило, во всех видах вопроса коммуникативно важный участок определяется восходящим или восходяще-нисходящим движением ч. о. т. и наибольшей среднеслоговой длительностью.

В результате дифференцированного анализа реализации основных интонационных средств в видах якутского интеррогативного предложения выделяются следующие основные ритмомелодические модели: [1, с. 161]

1. Восходящая модель: собственно-нейтральный вопрос, специально нейтральный вопрос, предположительный вопрос, подтвердительный вопрос, побудительно-вопросительное повтор, предложение.

2. Нисходящая модель: удостоверительно-дополнительный вопрос и виды вопроса с финальными частицами дуо, дуу, даа, да;

3. Восходяще-нисходящая модель — собственно-нейтральный вопрос, специально-нейтральный вопрос, удостоверительный вопрос, двойной вопрос, уточняющий вопрос, переспрос;

4. Монотонно нисходящая модель — дополнительный вопрос, переспрос;

5. Монотонно-однопиковая модель — уточняющий вопрос, альтернативный, двойной;

6. Двухпиковая модель — двойной вопрос, побудительно-вопросительное предложение, альтернативный.

Каждая модель в зависимости от степени реализации логико-интеллектуальной целеустановки может проявиться в своих факультативных вариантах, где, при сохранении основного корпуса ритмомелодической модели, компоненты интонации сосредоточены в больших или меньших величинах [1, с. 163]

Эксперимент в нашем исследовании, состоит из двух этапов. В первом этапе, проанализировав специальную литературу по интона-

ционным системам сравниваемых языков, мы сгруппировали данные в единую группу мелодических контуров по коммуникативным типам предложений в сравниваемых языках при помощи компьютерной программы Speech Analyzer, версия 3.0.1.

Таблица 1. Сопоставление мелодического контура коммуникативных типов предложений в сравниваемых языках. (на программе Speech Analyzer, версия 3.0.1.)

Коммуникативный тип предложения		Сравниваемые языки		
		Английский	Русский	Якутский
Повествовательные предложения		He goes to the park. (высокий ровный тон + высокий нисходящий тон)	Он ходит в парк (высокий ровный тон + нисходящий тон)	Кини паарка±а сьлдьааччы (высокий ровный тон + нисходящий тон)
Вопросительные предложения	Общий вопрос	Do you smoke? (низкий восходящий тон)	Ты куришь? (восходящее нисходящий тон)	Табахтыгыгын дуо? (восходящее нисходящий тон)
	Специальный вопрос	How old is he? (Низкий нисходящий тон)	Сколько ему лет? (восходяще-нисходящий тон)	Кини хас саастаа±ый? (высокий ровный тон)
	Альтернативный вопрос	Would you like tea or coffee? (низкий восходящий тон + низкий нисходящий тон)	Вы хотите чаю или кофе? (восходящий тон + нисходящий)	Чэй иһэ±ин дуу, кофе иһэ±ин дуу? (высокий ровный тон + нисходящий тон)
	Разделительный вопрос	You are not a foreigner, are you? (высокий нисходящий + низкий восходящий)	Хорошая картина, не правда ли? (ровный тон + нисходящий тон)	Эн омук буолбатаххын, буолбат дуо? (ровный тон + нисходящий тон)
Побудительные предложения	Приказ	Go there! (высокий ровный тон + низкий нисходящий тон)	Иди туда! (средний ровный тон + низкий нисходящий тон)	Бар онно! (Высокий ровный + высокий нисходящий тон)
	Просьба	Come here, will you. (высокий ровный тон + низкий восходящий тон)	Подойди сюда, пожалуйста. (восходяще-нисходящий тон)	Кэлий бэттэх. (восходяще-нисходящий тон)
Восклицательные предложения		What a shame! (высокий ровный тон + низкий нисходящий тон)	Какой стыд! (восходяще-нисходящий тон)	Тугун сүрэй! (высокий нисходящий тон)

Поскольку целевая установка предложений в речевом этикете отличается от описанных выше коммуникативных типов предложений, мы решили необходимым, включить их в отдельную классификацию. Стоит заметить, что в отличие от коммуникативных предложений, описанных в табл. 1., в данной группе отсутствует общий синтаксический признак.

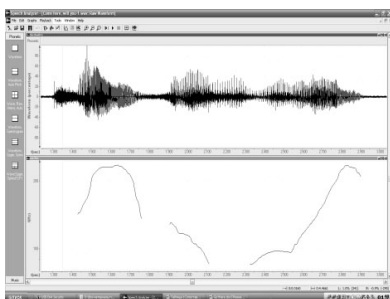
Таблица 2. Сопоставление мелодического контура в речевом этикете в сравниваемых языках. (на программе Speech Analyzer, версия 3.0.1.)

Основные формулы вежливости		Сравниваемые языки		
		Английский	Русский	Якутский
Тип предложения	Приветствия	Goodmorning! (высокий нисходящий тон)	Доброе утро! (нисходящий тон)	Ұтм ³ сарсыарданан! (ровный тон + нисходящий тон)
	Прощание	Goodbye! (высокий ровный тон + нисходяще-восходящий тон)	До свидания! (нисходящий тон)	Быраһаай! (ровный тон)
	Выражение благодарности	Thankyou! (высокий нисходящий тон)	Спасибо! (высокий нисходящий тон)	Махтал! (высокий ровный тон)
	Извинения	I'msorry. (нисходяще-восходящий тон)	Простите! (нисходящий тон)	Бырастыгы гын! (высокий нисходящий тон)

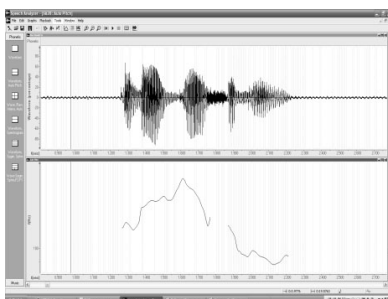
Итак, выявив эталон интонационных контуров по коммуникативному типу предложения в сравниваемых языках при помощи компьютерной программы Speech Analyzer, версия 3.0.1., мы пришли к следующему:

Анализ интонационных систем сравниваемых языков в коммуникативных типах предложений показал наличие схожих мелодических контуров в повествовательных предложениях, альтернативных предложениях, восклицательных предложениях и приказе. Следует отметить наличие возможных отклонений от просодической нормы английского языка, в следующих расхождениях, например:

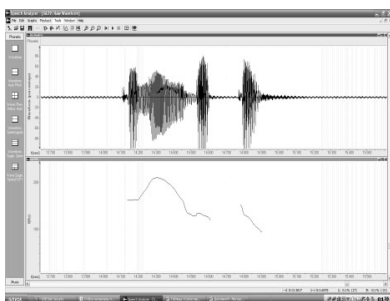
При просьбах, как видно на рис.1.

Somewhere, will you.
(высокий ровный тон + низкий
восходящий тон)

Подойди сюда, пожалуйста.
(восходяще-нисходящий тон)

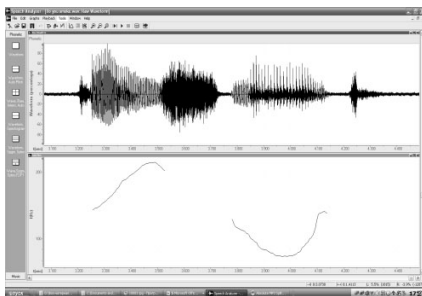

Кэлий бэтгэх.
(восходящее-нисходящий тон)

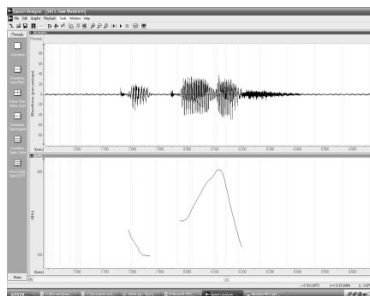
***Рисунок 1. Интонационный рисунок просьбы
в сравниваемых языках***

В общих вопросах, как показано на рис.2.

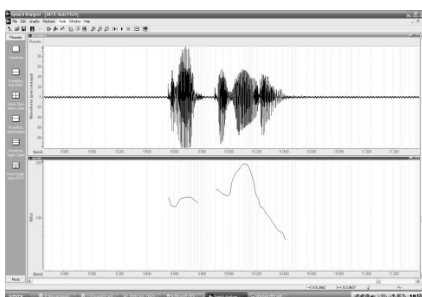
Также возможные расхождения в мелодических контурах могут быть в специальных и разделительных вопросах. Что касается формул вежливости из проведенного нами анализа, можно заметить возможные расхождения в интонации при прощении и извинении, а также при выражении благодарности.

Doyousmoke?
(низкий восходящий тон)

Ты куришь?
(восходяще-нисходящий тон)

Табахтыгыгын дуо?
(восходяще-нисходящий тон)

***Рисунок 2. Интонационный рисунок общих вопросов
в сравниваемых языках***

При интонировании данных типов предложения в изучаемом английском языке учащиеся могут неосознанно опираться на готовую сформировавшуюся модель родного языка. В этом случае интерференция может привести не только к акцентным, но и к смысловым изменениям, поэтому данным типам предложений следует уделять особое внимание при обучении английскому языку.

Второй этап исследования состоит в выявлении степени интерференции на уровне интонации и в проверке гипотезы о том, что различия просодических систем сравниваемых языков могут отрицательно повлиять на процесс освоения правильной интонации иностранного языка в ситуации искусственного (аудиторного) многоязычия.

**Таблица 3. Сходства мелодического контура
в коммуникативных типах предложений (в %)**

Коммуникативный тип предложения		Эталон (британский вариант английского языка)	Группа учащихся билингвов (испытуемые)
Повествовательные предложения		высокий ровный тон + высокий нисходящий тон	76 %
Вопросительные предложения	Общий вопрос	низкий восходящий тон	53 %
	Специальный вопрос	низкийнисходящийтон	62 %
	Альтернативный вопрос	низкий восходящий тон + низкий нисходящий тон	77 %
	Разделительный вопрос	высокий нисходящий + низкий восходящий	49 %
Побудительные предложения	Приказ	высокий ровный тон + низкий нисходящий тон	83 %
	Просьба	высокий ровный тон + низкий восходящий тон	34 %
Восклицательные предложения		высокий ровный тон + низкий нисходящий тон	61 %

В эксперименте участвовала группа школьников и студентов различного возраста с владением английского языка на уровне Pre-Intermediate и Intermediate. Всего участвовало 37 учащихся, 15 школьников 9-11 класса и 22 студента 1-2 курсов факультетов с неязыковыми специальностями СВФУ им М.К. Аммосова. У всех испытуемых родным языком являлся якутский язык, тем не менее, владение русским языком было на хорошем уровне.

Материалом исследования являлось чтение диалогов на английском языке из учебных пособий по фонетике [8], [9]. Речь испытуемых подвергалась электроакустическому анализу путем сопоставления с эталонной записью дикторов, преподавателей носителей британского варианта английского языка, и обрабатывалась на компьютерной программе SpeechAnalyzer с целью выявления интерференции родного языка в изучаемом.

**Таблица 4. Сходства мелодического контура в речевом этикете.
(в %)**

Основные формулы вежливости	Эталон (британский вариант английского языка)	Группа учащихся билингвов (испытуемые)
Приветствия	высокий нисходящий тон	82 %
Прощание	высокий ровный тон + нисходяще-восходящий тон	47 %
Выражение благодарности	высокий нисходящий тон	65 %
Извинения	нисходяще-восходящий тон	51 %

Проведя анализ терминальных тонов, мы пришли к следующим выводам:

Как мы и предполагали, степень интерференции языков учащихся-билингвов стал дополнительным, отрицательным фактором при правильном интонировании коммуникативных типов предложений английского языка.

Как видно из табл.3,4., процент правильного интонирования в сопоставлении с эталоном находится в диапазоне 34 % — 83 %. В нашем исследовании мы решили отметить 60 % сходство, как допустимую планку интерференции для понимания. В данном случае, на наш взгляд, интерференция создает акцент, но не изменяет смысла высказывания:

- Повествовательные предложения — 76 %
- Специальный вопрос — 62 %
- Альтернативный вопрос — 77 %
- Приказ — 83 %
- Восклицательные предложения — 61 %

В остальных типах предложения, исходя из результатов исследования, можно выделить коммуникативные типы предложений, где употребляемые интонационные средства расходятся, и сходства мелодических контуров ниже 60 %:

- Общий вопрос — 53 %
- Разделительный вопрос — 49 %
- Просьба — 34 %
- Прощание — 47 %
- Извинение — 51 %

Можно объяснить выявленные низкие показатели испытуемых отрицательным воздействием просодических систем учащихся-билингвов, которые при интонировании данных типов предложения неосознанно опираются на готовую сформировавшуюся модель родного языка. В данном случае интерференция может привести не только к акцентным, но и к смысловым изменениям, поэтому данным типам предложений следует уделять особое внимание при обучении английскому языку.

Итак, основной задачей интонации в нейтральной речи является выражение синтаксических связей и различие между коммуникативными типами предложений. Сравнительный анализ интонационных систем коммуникативных типов предложений английского, русского и якутского языков позволил нам выделить ряд случаев, где проявление интерференции наиболее вероятно у учащихся-билингвов, изучающих английский язык.

Список литературы:

1. Алексеев И. Е. Впросительное предложение в якутском языке // Якутск: Кн. Изд-во, 1982. — 172: /АН СССР. Сибирское отделение. Якутский филиал. Институт языка, литературы и истории.
2. Бабушкина Е. А. Билингвизм и просодическая интерференция // Вестник Московского государственного лингвистического университета, Выпуск 1 (607) Языкознание — «Социофонетика звучащей речи», — М.:Изд-во ИПК МГЛУ «Рема». С. 9—22.
3. Бикбулатова Э. Р. Фонетическая интерференция приречевой коммуникации в условиях неродного языка (на материале русской речи русско-английских билингвов, проживающих в США). 100 лет экспериментальной фонетике в России // Материалы международной конференции 1-4 февраля 2001г./СПб/. — СПб., 2001, С. 22—26.
4. Брызгунова Е. А. Интонация и синтаксис // Современный русский язык. — 3-е изд., испр. и доп. / под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Русский язык, 1999. — 530 с.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 264 с.
6. Вишневская Г. М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): Дис. . д-ра филол.наук. — Спб., 1993. — 481 с.
7. Вишневская Г. М. 1985. Лингвистические предпосылки возникновения русского акцента в английской речи // Фонетическая интерференция. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1985, с. 38—50.

8. Давыдов М. В., Малюга Е. Н. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке: Учебник. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2002. — 224 с. Ефимова Р.Н. Фонетика: Начинаем читать, писать и говорить по английски. — СПб.: КАРО, 2004. — 144 с.
9. Залевская А. А. Вопросы теории двуязычия. — Тверь : Изд-во Тверского ун-та, 2009. — 143 с.
10. Ефимова Р. Н. Фонетика: Начинаем читать, писать и говорить по английски. — СПб.: КАРО, 2004. — 144 с.
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 262 с.
12. Торсуев Г. П. Обучение английскому произношению. — М.: Учпедгиз, 1956. — 224 с.
13. Фомиченко Л. Г. Когнитивные основы просодической интерференции : дис.... д-ра филол. наук. — М., 1998. — 357 с.
14. Ширин А. Г. Билингвизм: поиск подходов к исследованию в отечественной и зарубежной науке // Вестн. Новгородск. гос. ун-та. — 2006. — № 36. — С. 78—80.
15. Cook V. J. Active Intonation. — London: Longman, 1968. — 99 p.
16. Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. — Clevedon : Multilingual Matters Limited, 2002. — 245 p.
17. Palmer H. E. English Intonation with Systematic Exercises. — Cambridge: Heffer, 1924. — 105 p.

2.6. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ МЕНТАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ «ПЕСОК» В АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гаджиалиева Марьям Гусеновна

*ст. лаборант кафедры арабского языка факультета Востоковедения
Дагестанского Государственного Университета, г. Махачкала
E-mail: mariam515@mail.ru*

Современная лингвистика, как известно, стала на путь исследования человека в языке. Антропоцентрическое языкознание коснулось и материалов арабского языка, однако исследования в этой области все еще единичны, хотя на базе фоносемантики написаны целые монографии [2]

Задача нашей статьи осветить роль ментальной сущности «песок» в концептуализации картины мира на материале фразеологии литературного арабского языка с компонентом رَمْلٌ [рамлун] — «песок», что представляется актуальной. Выбор семемы «песок» обусловлен тем, что этот природный минерал является неотъемлемой частью окружающей природы носителей арабского языка.

В словаре Баранова лексема رَمْلٌ [рамлун] — «песок», представлена семемами:

رَمَلَ (II) [раммала] — 1) посыпать песком; 2) писать (чернилами); 3) делать вдовой;

Логично, что песок — минерал, первичен по отношению к действию «посыпать песком». Это дает нам право утверждать, что семема رَمْلٌ [рамлун] — «песок» первична по отношению к глаголу رَمَلَ [раммала] «посыпать песком».

Возможно, вторая семема слова رَمَلَ [раммала] — «писать (чернилами)» образована по метафоре «посыпать песком» оставлять → песчаный → следоставлять → след чернилами. Экстралингвистической основой подобного

семасиологического развития могла быть ситуация, когда на песке остаются следы, борозды.

Семема **رَمَلَتْ** [раммала] — «делать вдовой» не обусловлена природой обозначаемого действия «посыпать песком», а является следствием этнических стереотипов, сложившихся в арабском обществе: при кончине супруга/супруги муж или жена посыпали себя песком в знак траура. Ассоциативная связь «осыпания песка» как природного явления и «посыпания песком» при кончине супруга\супруги становится экстралингвистическим знаком вдовства, что кодифицируется в структуре глагола **رَمَلَتْ**[раммала].

В рассматриваемом случае глагол вербализуется формой второй породы и получает усиленное или учащенное действие, а также обретает значение переходности: корень **رَمَلَ** [рмл] (II)[раммала]. Возможно, что глагол в форме первой породы, который в данный момент не употребляется, был непереходным.

أرْمَلُ (IV) [армала] — «овдоветь». В этом случае действие глагола IV породы по характеру протекания однократно, что, возможно, вносится семантикой первой морфемы **أ** — [ʾa].

أرْمَلُ [армалун] — «вдовец»; образовано субстантивацией глагола **أرْمَلُ** (IV) [армала].

رَمَلَتْ [армалатун] — «вдова»; вторично от **أرْمَلُ** [армалатун].

تَرْمَلُ (V) [тараммала] = **أرْمَلُ** (IV) — «овдоветь», что свидетельствует о синонимичности первых морфем **أ** — [ʾa] — **ت** — [ta].

تَرْمَلُ [тараммулун] — «вдовство»; деноминативное, отглагольное образование; масдар.

رَمَلٌ [раммалун] — «гадатель на песке», тот, кто гадает на песке [1] предполагает деривацию и семасиологическое развитие слова.

رَمَلٌ [рамалун] — ремель (стихотворный размер), метафора (течение песка — течение стиха, слов).

На фразеологическом уровне в морфологии **الريح وبالرمال** [джāʾa бир-рамлиʿа р-рйхи] (букв. пришел с песком и ветром) — «Пришел с несметным богатством» рассматриваемая единица интерпретирует ситуацию, когда человек возвращается откуда — либо с богатством (деньгами, золотом и т. п.). Это свидетельствует о том, что в структуре семемы «песок» (гранулы мелкой фракции + множество) сема «гранула мелкой фракции» имплицитна, нейтрализуется. Сема «множество» в применении к материальным ценностям ассоциируется с богатством, а семема «ветер» в морфологии исследуемого фразеологизма, которому в пустыне сопутствует песок, указывает на человека, (который приходит с богатством). Таким образом семема

«ветер» в данном фразеологизме олицетворяет человека, а «песок» — богатство, что в целом является собой метафору.

الرمل مفرأساأخفى [ахфā ра‘сан фир-рамли] (букв. прятать голову в песок)—интернационализм, рожденный, видимо, в пустыне, является метафорой реального действия.

الرملعلناأقصاربني [банал-аксār ‘алар-рамли] (букв. строить замки на песке)— интернационализм, фразеологизм существует как в русском, в английском (To build castles in the air), так и в французском (Bâtir des châteaux en Espagne) языках и не требует интерпретации в силу своей прозрачности и общеизвестности.

الرملبذراتالتصق [илтасака биз-зарратир-рамли](букв. прилипнуть к частичкам песка), «остановиться как вкопанный, стоять неподвижно, замерев на месте от ужаса или удивления». В данном случае песчаный монолит, ассоциируются с неподвижностью. Появление этого фразеологизма обусловлено геофизическими особенностями почвы, когда человек останавливается неподвижно, метафорически «прилипает к песку, застывает на песке», что является переводным эквивалентом русского фразеологизма «стоять как вкопанный».

ارمالم [умму римāлин] (букв. мать песка). Пустыня — это и один из географических ареалов обитания гиены, чем и обусловлена внутренняя форма субстантивного фразеологизма.

ضرب (علم) الرمل [дарбу (‘илми) ар-рамли] (выбивание знаний из песка), «гадание на песке» — фразеологизм, отражающий представления арабов о возможности гадания (предсказания будущего) на основе конфигураций песка.

Таким образом, ментальная сущность رَمْلٌ [рамлун] — «песок» на уровне фразеологической картины мира носителей арабского языка вербализует различные фрагменты экстралингвистической реальности. В этническом сознании арабов «песок» и «пустыня» символизируют огромные богатства и множество. Огромное значение придается ментальной сущности «песок», как метафорическому безжизненному пространству, месту, лишенному растительности и воды. Немаловажную роль играет семема «песок» как сущность, символизирующая мечты о несбыточном. Этот момент отразился также в этническом сознании арабов.

Значения предикативности возникает при деривации — رَمَلٌ т.е. огласование последней коренной фатхой существительного дает значение предикативности, что:

1. Доказывает справедливость суффиксальной теории ()

2. Справедливо утверждение древнеарабских грамматистов о том, что конечная гласная **فَعْلٌ** является носителем грамматического значения.()

Из выше сказанного следует, что морфема (а), и следующая(у) в presentев сознании носителей арабского языка имеет значение предикативности ().

Таким образом, в сознании носителей арабского языка корневая морфема реализуется на уровне словообразования, как в плане денотативной значимости так и в аспекте понятийного плана — овдоветь, вдовец, вдова, вдовство. Последние соотнесены там же в определенной степени с социальными особенностями(статус имени мужа или жены). В единичных случаях **رمل** — развивается в плане стихотворный размер, что отражает определенный культурный уровень носителей арабского языка. Следует отметить, что вдовец (вдова) как видим и у всех народов имеет конотативное значение — сочувствие. В плане конотативности в языковой картине мира более эксплицитна, культураностна фразеология арабского языка с компонентом **رمل** .

Список литературы:

1. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь М, Русский язык. 924 с.
2. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках М., Наука 1965 г. 183 с.
3. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков.М., Наука 1972 г. 441 с.
4. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка М., Восточная литература. 1963 г.

СЕКЦИЯ 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО-ПЕСЕННОГО ИСКУССТВА НОГАЙЦЕВ

Гагуа Лейла Ахмедовна

старший преподаватель кафедры музобразования КЧГУ,

г. Карачаевск

E-mail: beka-09@yandex.ru

Статья опубликована при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-14-09009 а/ю).

В последние десятилетия проявляется повышенное внимание исторических музыковедческих наук многочисленным народам России — их этногенезу, этнокультурным процессам, этнической общности. В данном контексте особый интерес представляет духовная культура ногайцев — тюркоязычного этноса, имеющего древние генетические корни, самобытные традиции, обычаи, богатый и неповторимый музыкальный фольклор. Современные ногайцы (самоназвание «ногайлар») проживают дисперсно в разных регионах Российской Федерации (Дагестане, Карачаево-Черкесии, Чечне, Ставропольском крае, Астраханской области) и за ее пределами (Казахстане, Румынии, Турции, Афганистане). Часть ногайцев растворилась среди этнородственных народов: казахов, татар.

Этническую основу ногайцев составили тюркские племена, с древних времен обитавшие на обширных территориях Евразийского континента. Современные ногайцы, проживающие на территории России, делятся на этнические группы: караногайцы (Дагестан и Чечня); кубанские ногайцы (Карачаево-Черкесия, Кочубеевский район Ставропольского края); ачикулакские — ембойлуки, етишкульцы, етисанцы (Нефтекумский и Степновский районы Ставропольского

края); астраханские или поволжские — кундровские, юртовские, карагаши (Астраханская область).

Ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, и совместно с казахским и каракалпакским языками образует кипчакско-ногайскую подгруппу. Важность данных сведений в контексте обозначенной нами проблемы обусловлена тем фактом, что национальный язык и его диалектные особенности имеют непосредственную связь с песенным фольклором народа, в совокупности образующие его неповторимый национальный стиль.

Этническая неоднородность, дисперсность расселения, соседство с разноэтническими культурами определили специфику традиционного музыкального фольклора ногайцев, разностильного и богатого музыкальными диалектами. Изучение истории, быта и культуры народа позволит решить проблему его самоидентификации, а также понять специфику многочисленных ногайских этнических субгрупп, представляющих сложную и неоднородную картину, и являющихся объектом бурных споров ученых разных научных направлений.

Народно-песенное искусство ногайцев — составная часть, как их общеэтнической музыкальной культуры, так и культуры географических регионов — Восточной Европы и Западной Азии, осмысление которых возможно посредством изучения культуры каждого отдельно взятого этноса и в сравнении друг с другом. И даже поверхностное рассмотрение отдельно взятых элементов ногайского музыкального фольклора в сравнении с фольклором этнородственных народов — казахов, каракалпаков, киргизов, татар, узбеков, — подтверждает их типологическую идентичность. Однако работа в этом направлении до сих пор не ведется, а наши наблюдения единичны.

Справедливости ради следует отметить, что до настоящего времени была осуществлена попытка собирания музыкального фольклора ногайцев (в основном кубанской и астраханской этнических групп), но этот материал не обработан, не опубликован и не исследован в полной мере. Существующая же обобщающая литература не дает целостного представления о музыкальном фольклоре ногайцев. В первых публикациях народных песен астраханских и оренбургских ногайцев, относящихся к XIX веку (В.А. Мошков) [5], осуществлена попытка нотировать и систематизировать ногайские народные песни. Следующее обращение к песенному наследию астраханских ногайцев относится ко второй половине XX в. (М.Н. Нигмедзянов «Народные песни волжских татар») [6]. К современным исследованиям, посвященным музыкальному наследию астраханских ногайцев, относятся кандидатские диссертации Н.Г. Гайнуллиной «Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области» [1] и А. Р. Усмановой «Этномузыкальные параллели татар и

тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов)» [7]. Отметим, что изучение музыкального наследия астраханских ногайцев осложняется противоречивостью мнений ученых по вопросу этнической принадлежности астраханских ногайцев. Одни исследователи считают их татарами, другие — ногайцами, А. Р. Усманова же предлагает считать «...юртовских татар ногайского происхождения переходной татаро-ногайской локальной этнографической группой, входящей в состав астраханских татар; а ногайцев-карагашей — локальной этнографической группой, входящей в состав ногайского этноса, этническая общность которого находится в республиках Дагестан и Карачаево-Черкесия» [7, с. 8]. Наши экспедиционные материалы по музыкальному фольклору астраханских ногайцев подтверждают мнение А.Р. Усмановой: ранний традиционный музыкальный фольклор ногайцев-карагашей близок музыкальному фольклору северокавказских ногайцев, а фольклор позднего формирования растворился в фольклоре соседних татар. Однако наши беглые наблюдения требуют серьезного научного осмысления.

Песенное наследие ногайцев других регионов получило освещение в работах музыковедов А.А. Даурова [2] и Б. Б. Кардановой [3, 4]. Работа А.А. Даурова «Музыкальная культура народов Карачаево-Черкесии» — первое исследование музыкального фольклора кубанских ногайцев в контексте культуры народов Северного Кавказа. В работах Б. Б. Кардановой освещены различные аспекты музыкального фольклора ногайцев: жанровая специфика народных песен и инструментальных наигрышей, музыкальный фольклор различных локально-этнических и др.

Музыкальный же фольклор ногайцев, проживающих в других регионах Северного Кавказа (Ставропольском крае, Чечне, Северной Осетии), Румынии, Казахстана, Турции, Афганистана до сих пор не изучался. Причин тому множество: неблагоприятные, в плане политической и экономической ситуации, регионы проживания ногайских этнических субгрупп (чеченские ногайцы живут отдельными селениями в Щелковском районе Чечни, а селения дагестанских ногайцев расположены на незначительном расстоянии от чеченских ногайцев); отсутствие статуса субъектообразующей народности в автономных регионах; отсутствие профессиональных научных кадров, желающих заниматься исследовательской работой; отсутствие (не желание) финансирования на местах этномузыковедческих исследований и т. д.

В результате научных командировок в регионы компактного проживания ногайцев (Ставропольский край, Чечня, Дагестан), осуществленных в 2011 г. в рамках научного проекта РГНФ «Народно-песенное искусство ногайцев: генезис и системно-структурная

организация», было обнаружено полное отсутствие любого рода литературы по культуре ногайцев, а наши вопросы о причинах такого состояния, вызвали у библиотечных работников откровенное недоумение.

Таким образом, все обозначенные факторы обуславливают необходимость собирания, еще сохранившихся в народной памяти, образцов песенного фольклора, ведения комплексных и системных исследований в данном направлении. Незнание многих аспектов ногайской народной музыки дает возможность исследователям ставить самые различные цели и задачи. Одним из приоритетных направлений может стать комплексное изучение обрядовой и бытовой традиции ногайцев как части духовной культуры народа. Такая целевая установка предполагает решение множества исследовательских задач: изучение ногайской народной обрядности как системы, выявление принципов их функционирования в быту; составление целостной классификации ногайских народных песен, как приуроченных, так и неприуроченных жанров; рассмотрение современного бытования музыкального фольклора ногайцев.

Другим, на наш взгляд, перспективным направлением может стать изучение неприуроченных вокальных жанров: музыки богатырского эпоса и лироэпических поэм-дестанов, историко-эпических и героико-эпических песен, необрядовой лирики и др. И в этом случае будет уместна постановка следующих исследовательских задач: изучение жанровой специфики эпических произведений; составление целостной классификации эпических произведений; изучение и анализ музыкально-стилевых особенностей эпических произведений; изучение средств художественной и музыкальной выразительности эпических жанров; рассмотрение современного бытования эпических жанров ногайцев.

Требуют отдельного осмысления многие теоретические вопросы ногайской песенности: ладовая организация, ритмическая специфика, принципы формообразования, этномызыкальные связи, музыкальные диалекты и др. При рассмотрении теоретических вопросов существенную помощь могут оказать труды ведущих отечественных ученых, в которых освещены общетеоретические проблемы народной музыки: Б. В. Асафьева, Э. А. Алексеева, Т. С. Бершадской, В. С. Ви-ноградова, В. М. Жирмунского, Л. А. Мазеля, Е. В. Назайкинского, Ф. А. Рубцова, Ю. У. Тюлина и др. Методологической основой исследований по ногайской этномыкологии мы рекомендуем выдвинуть положения ведущих отечественных музыковедов, фольклористов: Е. А. Гиппиуса, В. Е. Гусева, И. И. Земцовского, А. Н. Сохора и др., а также труды исследователей музыкальных культур народов Северного Кавказа,

Средней Азии Закавказья: В.М. Беляева, Б. Г. Ерзаковича, И. М. Жорданини, А. В. Затаевича, Б. Б. Кардановой, Л. А. Киваловой, Х. С. Кушнарева, А. Б. Кунанбаевой, М. Н. Нигмедзянова, А. И. Рахаева и др.

При изучении историко-этнографических основ культуры и быта, целесообразно опираться на труды историков и фольклористов, внесших определенный след в вопросы ногаеведения: В. А. Алексеева, С. Ш. Гаджиевой, Р. Х. Керейтова, И. Х. Калмыкова, С. Х. Калмыковой-Джанибековой, Б.-А. Б. Кочекаева, А. И.-М. Сикалиева и др. Кроме литературы на русском и ногайском языках может быть использована многочисленная литература на других тюркских языках, а также дореволюционные и зарубежные источники, написанные арабской и латинской графикой (песенный сборник Османова, сборник песен румынских ногайцев и др.).

Таким образом, народно-песенное искусство ногайцев — культурное наследие Восточной Европы и Западной Азии — находится в начальной стадии своего научного осмысления. Дальнейшее системное изучение этого духовного наследия народа в русле общетюркского и общекавказского ареаловдолжно стать приоритетным направлением в современном этномузыкознании.

Список литературы:

1. Гайнуллина Н. Г. Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области: автореф. дис. ...канд. искусствоведения. — Казань, 2003. — 24 с.
2. Дауров А. А. Музыкальная культура народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1974. — 84 с.
3. Карданова Б. Б. Детские песни ногайцев // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1991. — С. 150—164.
4. Карданова Б. Б. Некоторые музыкально-стилистические особенности ногайских народных песен // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1988. - С. 93—113.
5. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, этнографии и истории. — Казань, 1893-1901. — Т. XII. — С. 1—67; Т. XIV. — С. 265—296.
6. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. — М.: Советский композитор, 1982. — 130 с.
7. Усманова А. Р. Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области: дис. ...канд. искусствоведения. — Астрахань, 2008. — 216 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВ И СТИЛЕВЫХ НОРМ НОГАЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН В XIX-XX СТОЛЕТИЯХ

Карданова Бэла Баубековна

канд.искусствоведения, доцент КЧГУ, г. Карачаевск

E-mail: beka-09@yandex.ru

Статья опубликована при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-14-09009 а/ю). УДК 784.4

Ногайцы — тюркоязычная народность, проживающая дисперсно в разных регионах России и за ее пределами, — создали богатый и уникальный музыкальный фольклор. Для прослеживания эволюции жанров и стилевых норм ногойских народных песен, в рамках научного проекта РГНФ «Народно-песенное искусство ногойцев: генезис и системно-структурная организация», в 2011 году проводились фольклорные экспедиции в места компактного проживания ногойцев.

Возможность проследить историческую эволюцию жанров и стилей народных песен обусловлена способностью народной музыки сохранять «социальную память» предшествующих поколений, нести в себе «генетические заряды» всего временного пути развития этноса — не только художественного, но и биологического» [1, с. 30].

Весь эволюционный путь развития музыкальной культуры ногойцев мы условно делим на три основных стилевых пласта: 1-й пласт (древний — по И.И. Земцовскому, ранний — по А.В. Рудневой) — до XIV в.; 2-й пласт (классический — по И.И. Земцовскому, средний — по А.В. Рудневой) — от XV в. до XVI в.; 3-й пласт (поздний — по А.В. Рудневой, современный, новый и новейший — по И.И. Земцовскому) — от XVIII до начала XXI вв.

Объектом нашего рассмотрения, в рамках обозначенной проблемы, выбран третий стилиевой пласт, начальный этап которого охватывает смену общественных формаций — феодализма (отчасти капитализма) и социализма; происходит постепенное завершение миграционных процессов и заселение мест их современного проживания; переход к оседлому образу жизни и формирование локально-региональных музыкальных стилей.

Многовековое сосуществование песенных жанров ногойцев в разной степени способствовало их музыкальным взаимодействиям — взаимовлиянию, переходу одних жанров в другие, возникновению

промежуточных (переходных) форм, взаимообогащению. На традиционный фольклор наслаивались регионально-локальные особенности, обусловленные новыми, принципиально отличающимися друг от друга, условиями жизни. Шел процесс «отмирания» традиционных песенных жанров, возникновения новых.

Расселение, в процессе миграций, отдельных этнических групп в крупных городах (Астрахани, Оренбурге, Казани и др.) привело к образованию среди ногайского населения новых социальных прослоек со своим песенным репертуаром, тематикой и исполнительскими традициями. Стали процветать такие жанры, как городская лирическая песня, баллада, «жестокий» романс. Давая оригинальную название одному из них «песни мещан города Астрахани» этнограф-фольклорист XIX в. В.А. Мошков вкладывал в него конкретное значение — песни, создаваемые и исполняемые определенным городским сословием [2].

Появление среди ногайцев, по разным побудительным причинам, беглых людей — казаков — способствовало зарождению нового жанра социальной песни «казак йыр», а обязательная воинская повинность, введенная Петром I в конце XVII в., привела к возникновению у оренбургских и астраханских ногайцев рекрутских и солдатских песен. Молодые ребята, перед уходом на службу, прощались с родными, близкими и знакомыми, устраивали гуляния с пением песен. Стилиевые нормы этих песен формировались на основе других жанров ногайского традиционного фольклора либо заимствовались у соседних народов (в том числе из русского фольклора).

Трагические события середины XIX в. — переселение северокавказских народов в Турцию — породили у ногайцев, как и у других народов региона, песенно-плачевый жанр мухаджирской песни («маажир йыр»). При общности тематики и трагедийного контекста, песни эти, изначально порожденные национальным «звукоидеалом» народа, отличались от аналогичных песенных жанров других северокавказских народов в исполнении, формообразовании, ладоритмической организации.

Широкое распространение у ногайцев получили короткие песенки частушечного типа с разными локально-диалектными названиями: «шынь», «сарынь», «такмак», «дияр». Период распространения жанра и степень ее популярности у ногайцев аналогичны русской частушке. Но тот факт, что короткие песенки встречаются во многих ногайских регионах (румынском, кубанском, дагестанском, астраханском) со сходными названиями, является убедительным доказательством того, что данный жанр и его

терминология существовали у ногайцев еще до начала миграционных процессов, в период этнотерриториальной общности народа.

Особую популярность приобрели ногайские героико-эпические песни, пришедшие на смену богатырскому эпосу и продолжившие его традиции. Но, в отличие от богатырского эпоса, известного всем этнородственным народам («Эдыге», «Эр-Таргул», «Шора-Батыр»), героико-эпические песни имеют локальную природу распространения: имена и подвиги песенных героев известны лишь в конкретном регионе, конкретной местности или толькоого семье. Многие дестаны, по мнению ученых-ногаеведов, созданы конкретными певцами-ипоэтами, например, считается, что авторами дестана «Карайдар эм Кызыл-Гуль», написанного в 1879 году, являются певцы, поэты Арслан Шабанулы и Фахриддин Абушахман, что делает спорным его принадлежность фольклору.

В огромном количестве создаются песни-баллады, в которых разворачиваются семейные конфликты, как правило, на социально-этнической почве; появляются «жестокие» романсы, песни «неволи» (тюремные песни). Но, к сожалению, весь этот музыкально-фольклорный пласт до сих пор не собран, не осмыслен, ни с позиций этномузыкологии, ни с позиций филологии.

В период Великой Отечественной войны и послевоенный период повсеместно создавались монологические песни-письма, песни-ожидания, а их традиции продолжились во второй половине XX столетия, но уже в новых социально-исторических условиях. Долгие вынужденные разлуки людей в период различных войн (Афганской и Чеченской), даже рядовая служба в Армии, способствовали появлению песен, которые позволяли обращаться, понятно, в своеобразной музыкально-поэтизированной форме, к родным и близким, делясь с ними своими мыслями и переживаниями. По художественному и музыкально-интонационному складу монологические песни близки кнеобрядовым лирическим плачам.

Параллельно с песнями позднего формирования продолжает бытовать традиционный фольклор, сохранившийся только среди старшего поколения: богатырский эпос, лироэпические дестаны, семейно-бытовые, календарные песни. Однако эти произведения подвергаются существенной корректировке. Например, в лироэпические дестаны проникают черты, ранее им не свойственные: появляется мелодический контур, обозначающий аккордово-гармоническую фактуру, происходит упрощение мелодической структуры эпических произведений, их сжатие в рамки песенных структур — квадратных, замкнутых построений и т. п. Подобная деконструкция была обусловлена изменениями

исполнительской традиции жанра — дестаны «проникли» в репертуар женщин среднего возраста, звукоидеал которых формировался в новой интонационной среде.

В рассматриваемый период формируются и иные стилевые нормы ногойских народных песен: доминирующим компонентом в песне становится метроритм. В музыке северокавказских ногойцев утвердились константные элементы музыкального языка, вписывающиеся в общекавказские стереотипы музыкального мышления, в общий северокавказский региональный музыкальный диалект.

Обозначены черты и процессы, характерные для всех локальных регионов, носящие общенациональный характер. Так, стихотворной основой песенных текстов во всех ногойских регионах остается силлабика с преобладанием равносложности в строфах, т. е. идет процесс «усреднения» количества слогов, в отличие от традиционных строф (для последних характерно сочетание коротких и длинных строк). В песенный стих проникает стопность и силлабо-тоничность (главным образом под влиянием авторских стихотворных текстов), начинается метроритмическая урегулированность музыкальных времен в мелострофе. Единицей времени становятся постоянные метры: 4/4, 2/4, 3/4, 6/6, 12/8. В текстах песен сохраняется традиционный семи- и восьмисложник, но происходит их перекрестное (8787) и смежное (10 10 6 8) чередование.

Строфическая форма в большинстве жанров сохранена, причем преобладает четырехстрочник; другие формы образуются за счет повторов последних строк меньших структур: шестистрочник образуется посредством повторов двух последних строк (или последней полустрофы). Сохранены традиционные структуры песенных напевов — в основном неквадратные; переменный размер, обусловленный гетеросиллабизмом народно-песенного стиха.

Активно идет процесс заимствования и переосмысления интонационно-ладового мышления: используются октавные звукоряды, с выходом за его рамки, а также развитые мелодии, охватывающие широкий диапазон звучания. Ладовым остовом мелодии становятся натуральный мажор и гармонический минор со II фригийской ступенью в каденционных окончаниях.

Основой музыкального исполнительства ногойцев по-прежнему остается монодийное пение. И только при исполнении отдельных жанров (шынь, авторских песен) используются гетерофонное и антифонное пение, истоки которых уходят в ранний исторический период. Песни исполняются под сопровождение клавишных инструментов — гармоники, аккордеона (вместо ногойской домбры и

кылкобыза), домбровое аккомпанирование встречается эпизодично, кылкобыз уже давно вышел из употребления.

Таким образом, анализ музыкального фольклора ногайских локально-этнических групп регионов позволяет обозначить основные тенденции, сформировавшие жанрово-стилевые нормы ногайских народных песен двух последних столетий.

В ногайских локальных регионах созданы музыкальные диалекты: у кубанских, дагестанских, ставропольских и чеченских ногайцев сформировался общекавказский региональный диалект, у астраханских ногайцев — средневолжский.

Вокальные жанры позднего формирования содержат локально-диалектные и переходные признаки, включающие жанры других этносов. В вокальных жанрах традиционного фольклора прослеживается сохранность общезнаковых (наддиалектных) признаков, их подверженность иноэтническому влиянию весьма слабая.

Для музыкально-фольклорных жанров ногайцев последних столетий характерны сложные процессы: возникновение новых жанров на основе старых, а также переходно-промежуточных жанров. Возникают новые художественные и музыкальные средства выразительности, формы, исполнительские традиции уже существующих и новых жанров.

Народно-песенное искусство ногайцев находится лишь в начальной стадии научного осмысления. Поэтому не вызывает сомнения необходимость системного изучения музыкального наследия народа в самых различных аспектах: локально-региональном, общезнаковом, межэтническом и т. д.

Список литературы:

1. Жордания И.М. Народное многоголосие, этногенез и расогенез // Советская этнография. — М: Наука. — 1988. — № 2. — С. 24—33.
2. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, этнографии и истории. — Казань, 1893—1901. — Т. XII. — С. 1—67; Т. XIV. — С. 265—296.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Коростина Елена Петровна
аспирант ЧГАКИ, г. Челябинск
E-mail: tininka@bk.ru

Русское богослужбное пение является неотъемлемой частью национальной музыкальной культуры. Сегодня общество находится в состоянии кризиса во многих сферах: финансовой, идеологической, духовной, сфере общественных и семейных отношений. Но кризис не наступает в одно мгновение — это постепенный процесс, соответственно, современное человеческое общество на протяжении десятилетий совершало движение в сторону трагической безысходности. Более того, осмелимся предположить, продолжает его совершать вопреки всему, и здравому смыслу в том числе. Проблема в том, что люди, осознающие абсурдность ситуации не в силах повлиять на процессы глобального масштаба. С одной стороны, человечество никогда доселе не было столь открыто для общения, столь свободно в выборе информационных средств, но с другой стороны — что есть свобода в современном обществе, если никто не может ничего изменить, и не остается ничего кроме как обсуждать сложившееся безвыходное положение? Думается, что местом выбора жизненной стратегии должно быть не информационное пространство, а сердце каждого отдельного, мыслящего человека. Приветствуя участников X-го юбилейного международного форума «Молодежь в науке и культуре XXI века», проходившем в Челябинске 2-3 ноября 2011 г., губернатор Челябинской области М.В. Юревич одной из целей, стоящих перед молодыми учеными, обозначил возрождение духовных и культурных ценностей на основе национальных традиций. В нашей многонациональной стране традиций большое множество, поэтому в рамках данной статьи мы коснемся музыкально-певческого наследия Русской Православной церкви. Прежде чем мы попытаемся охарактеризовать современное состояние богослужбного пения, рассмотрим кратко его путь в исторической перспективе.

Началом русского богослужбного пения принято считать дату Крещения Руси в 988 г. князем Владимиром, но следует понимать, что организованные формы хорового исполнительства существовали и развивались до этого события, и основными их видами были именно богослужбные. Восприняв православие от Византии, Русь получила и

современные ей музыкально-певческие традиции, являющие собой синтез более древнего мелодического наследия иудейской музыкальной культуры и древнегреческой теоретической музыкальной системы. Древнегреческая и древнеиудейская музыкальные традиции в совокупности повлияли на формирование стиля вокально-исполнительского искусства именно в богослужебной музыке в рамках христианской культуры. Принципиальное различие христианской и дохристианской музыки в том, что источником звука становится не тот или иной музыкальный инструмент, а обновленное новым учением существо человека, а именно его сердце. Церковная музыка эволюционировала на протяжении почти 10 столетий. Можно вспомнить реформы IV века, вызванные всплеском распространения еретических течений, а также оформление системы осмогласия в VIII веке, подробно теоретически и практически разработанной Иоанном Дамаскиным (673—777), и т.д. Во все времена приоритетом считалось смысловое значение текста, поскольку слово являлось и продолжает оставаться основным средством выражения конкретных, логически выраженных идей, в отличие от инструментальной музыки, выражающей эмоциональный элемент, воспринимаемый субъективно, а потому — различно. Точно высказываемый смысл способен передать лишь слово, поэтому богослужебное пение не имеет инструментального сопровождения. В католической Церкви официальное закрепление употребления за богослужением органа относится к 1563 году (Тридентский собор).

Итак, Византийское осмогласие, воспринятое вместе с новым вероучением, являло собой организованную систему, фиксируемую при помощи крюковой (невменной) нотации, располагавшейся над строкой исполняемого текста. И в начале своей истории русское церковное пение оказалось лицом к лицу с новой музыкальной традицией. Дальнейшее развитие богослужебного пения связано не только с появлением русских распевов, но и с трансформацией музыкального письма, результатом которой стала особая нотация, построенная на фиксации символического обозначения попевок и требующая от исполнителей умения оперировать огромным мелодическим материалом, заучивавшимся по памяти. Своеобразие ритмических и мелодических оборотов русского пения способствовало изобретению собственных певческих знаков, постепенно вытеснивших заимствованные элементы из знаменного письма, получившего русский характер и считающегося русской нотной системой. Основные черты — ритмическая свобода, переменное количество ритмических единиц в строках, варьирование мелодических оборотов, свойственное русской народной песне. К XV веку появляются

разновидности распева — малое знамя, большое знамя. В XVII в. распространяется большой знаменный распев, основанный на широкой распевности мелодий и вариационной разработке мотивов. Знаменное пение в России как музыкальный стиль, берущий свое начало в древнейших видах музицирования, Д.К. Кирнарская относит к типу музыкального высказывания, имеющему свою отправную точку, свой центральный опорный тон и завершающий устой [2, с. 175].

В конце XVI века появляются киноварные пометы, указывающие звуковысотность, появляются фитники — сборники, содержащие расшифровку сокращенных в тексте попевок и служившие своеобразным пособием по сольфеджио при обучении певчих. Развивались т. н. большие распевы: путевой, демественный и большой знаменный. Одновременно появляется большое количество трехголосных песнопений, зафиксировавших многоголосный певческий стиль, называемый строчным пением. С одной стороны, певческая культура совершенствовалась в своем развитии, но в то же время усложнение влекло к поиску более рациональных путей ее освоения. Постепенный переход к пятилинейной нотации привел к упрощению обучения певческому искусству и к утрате крюковой нотации, безвозвратной потере искусства многовариантного мелодического прочтения текста. Затем многовековая традиция была сметена европейской музыкальной стилистикой, основанной на иных технических принципах и иных духовных законах. В 1668 году официально закрепляется партесное многоголосие, приведшее к переключению в совершенно иную сферу мышления. XVII век стал переломным для русского церковно-певческого искусства: происходило смещение в сторону технически развитого, рационального музыкального искусства Запада, «претендовавшего не на сосуществование с традиционным пением, а на безраздельное господство» [1, с. 150]. Желание власть имущих быть прогрессивными в глазах остального мира содействовало утверждению и распространению нового стиля и способствовало забвению прежних достижений. Однако, новое вторжение в культурное пространство неожиданно обнаружило глубокий мощный творческий потенциал русского народа. Исследователи Ковалев К. П., Успенский Н. Д., Ануфриева О. В. согласны между собой в том, что наступившего в XVIII в. расцвета русской музыкальной культуры не было бы, «если бы почва для этого не была возделана многовековым развитием певческого искусства Древней Руси» [1, с. 218].

Дальнейший путь развития сводился к освобождению от чуждого влияния и возвращению собственных традиций. Практически весь XIX век посвящен поиску пути к родным истокам. Деятельность

образованнейших представителей своего времени — митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), князя В. Ф. Одоевского, протоиерея Д. В. Разумовского, С. В. Смоленского, прот. В. М. Металлова заново открывает современникам уникальное богатство национального музыкального достояния. В начале прошлого века на страницах журнала «Хоровое и регентское дело» А. Т. Гречанинов (1864—1956) писал о том, что церковь — единственное место, где возможно насаждение чистого искусства, «потому что как раз здесь-то легче всего «уловлять» народ» [6, с. 383]. Но главное условие воспитания народного вкуса — изгнание «из церкви всякой ремесленности», вместо которой «водворится искусная работа тонких мастеров» [6, с. 383]. Однако, публика, посещавшая богослужения, хоть и была очень широка по охвату социальных слоев, но весьма отличалась от посетителей концертных залов. Преодоление данной противоречивой ситуации выделось в дальнейшем распространении хорового движения «вширь и вглубь», а также культивированием духовных концертов, включавших в программы экспериментальные трактовки традиционных текстов и форм [6, с. 383].

Например, Синодальный хор под управлением А. Д. Кастальского (1856-1926) исполнял произведения современных авторов в концертных программах, а в храме за богослужением — только нескольких (А. Д. Кастальского, П. Г. Чеснокова, А. Т. Гречанинова, В. С. Калининкова, К. Н. Шведова), строго соблюдая традиционный гласовый обиход и сложившиеся в течение предшествующего времени традиции. Изменение соотношения «старого» и «нового» происходило естественным образом, нефорсированно [6, с. 393].

Исторические события начала XX века остановили этот процесс. И. А. Гарднер (1898—1984) заканчивает историю русского богослужебного пения 1917 годом. Однако, церковное пение продолжает развиваться как за границей усилиями русской эмиграции, так и в Отечестве, несмотря на официальный запрет, нелегально и сокровенно. В русском искусстве конца XX века отмечается тенденция, т. н. религиозный ренессанс, нашедший отражение в творчестве большинства композиторов, создающих произведения на духовные темы. Начиная с 70-х гг практически каждый композитор своим сочинениями вносил лепту в фонд русской духовной музыки. Среди них: А. Шнитке, Э. Денисов, С. Губайдулина, Н. Каретников, Р. Щедрин, Ал. Караманов, Ю. Буцко, Н. Сидельников, С. Трубачев и многие другие.

Проблемы богослужебного пения неразрывно связаны и с общими внутрицерковными проблемами, которые, по мнению игум.

Петра Мещеринова [5] остро стояли еще в начале XX века. На Поместном соборе Русской Православной Церкви 1917—1918 гг рассматривались вопросы, касающиеся не только богослужения, но и катехизации, миссии, внутрицерковной жизни.

Коммунистическая эпоха способствовала тому, что проблемы эти не только не были решены, но еще более усугубились. За это время в обществе произошли значительные события: научно-техническая и информационная революции, изменение положения женщины, глобализация, урбанизация, повышение уровня образования. Но все это до сих пор не получило церковного осмысления в духе подлинной церковной традиции, с точки зрения уроков нравственности в историческом пути Церкви.

В отношении церковного пения наблюдается ситуация разрозненности и отсутствия единообразия. В рамках одного богослужения можно услышать гармонизацию древнего распева, песнопение в традициях зрелого концертного стиля, сам знаменный распев в унисонном исполнении, или же сочинение современного автора, вызывающее недоуменный вопрос, а что же хотел сказать данный композитор, адресуя свое творчество сфере богослужебного пения?

Внушает оптимизм позиция некоторых иерархов, совмещающих служение в Церкви с преподавательской деятельностью: «Традиция церковного пения, восходящая к образцам тысячелетней давности, не утрачена. И хотя церковно-певческая традиция была прервана с приходом советской власти, сейчас идет возрождение утраченных ценностей, в том числе и в духовных учебных заведениях России: школах, семинариях, университетах» [3, с. 22].

Подводя итог вышеизложенному, среди наиболее остро стоящих проблем в сфере современного богослужебного пения отметим кадровый вопрос, и его следствие — нравственный облик певчих, концертное исполнительство в рамках богослужения, стилистическая и технико-методологическая разрозненность в исполнении церковных песнопений.

Направлениями, ведущими к решению данных проблем, можно обозначить поиск объединяющей идеи, соблюдение при исполнении принципа назидательности (ясного и четкого произнесения богослужебного текста, не затрудняемого в восприятии чрезмерным употреблением средств музыкальной выразительности), решение вопроса подготовки певчих при помощи образовательных учреждений как духовных, так и светских (формирование базы для соответствующих курсов), осознание и интерпретация национального культурного наследия через уважение к церковному канону.

«Русская церковная музыка оберегала себя от драматизма, ибо с православной точки зрения, драматизм — с его смятенностью чувств, помутнением ума, рассеянностью воли, ослаблением упования, веры, любви не есть путь к Богу. Западной страстности, возбужденной экстаичности, выбрасывающей из онтологии в иллюзорности психологизма с его распаленностью воображений и фантазий, православие XIX века в лице св. Игнатия Брянчанинова дало имя «прелести», то есть лести, лжи, приходящей под маской правды» [4].

Хочется надеяться, что кризис, коснувшийся сферы богослужебного пения, явление временного характера, поскольку исторический путь русского церковного пения был отмечен и более серьезными и трагическими явлениями. Во все времена находились люди, неравнодушные к судьбе национального мелоса, и во многом благодаря их усилиям сохранена и будет продолжена уникальная традиция русского церковного пения.

Список литературы:

1. Ануфриева О.В. 50 бесед о русском церковном пении и духовной музыке [Текст] / О.В. Ануфриева. — Пермь: [Типография ИП Коробченко С.И.], 2009. — 625 с.: ил.
2. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности [Текст] / Д.К. Кирнарская. — М.: Таланты-XXI век, 2004. — 496 с.
3. Колосков Сергей (протоиерей) О проблемах церковно-певческого искусства в системе современного православного образования [Текст] / Сергей Колосков (протоиерей) // Образовательное пространство как фактор единения светской и православной культуры: материалы II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 23 марта 2010 г.). — М.: Планета, 2011. — С. 21-27.
4. Медушевский В.В. Внемлите ангельскому пению. Человечество и его культура на пороге 2000-летия Рождества Христова (по страницам трудов профессора А.А. Медушевского) [Текст] / В.В. Медушевский; сост. О.А. Галкин. — Мн.: Православное братство во имя Архистратига Михаила, 2000. — 320 с.
5. Мещеринов Петр (игумен) Русская Церковь на перепутье [Электронный ресурс] / Петр Мещеринов (игумен). — Режим доступа: <http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1889/>. — Дата обращения 20.11.2010.
6. Рахманова М.П. Русская духовная музыка в XX веке [Текст] / М.П. Рахманова // Русская музыка и XX век : русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века / ред.-сост. М. Арановский. — М.: Гос. ин-т искусствознания, 1998. — С. 371-405.

3.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬЯ

Мельникова Инна Ивановна

к. ист. н., доцент ФГБОУ «СГУ», г. Ставрополь

E-mail: stv-inna@yandex.ru

История духовной жизни на Ставрополье рассматривалась как в контексте исторического развития всего северокавказского региона, так и являлась предметом отдельного исследования в специальных работах по этой теме. Можно выделить дореволюционную, советскую и современную историографию данной проблемы.

Для более четкого разграничения проблемно-хронологической типологии в каждом периоде необходимо проследить историю духовной культуры в целом и культуру региона, историю фольклора и фольклор Ставрополья.

В дореволюционной историографии духовная культура в период освоения Кавказа продолжала освещаться в комплексе с историей, этнографией, филологией. Центром внимания исследований XIX в. стал народный быт: песни, обряды, пословицы, поговорки, предания, приметы, другие явления духовной народной культуры. Столь широкий взгляд был обусловлен историей внешней политики государства и связанных с ней государственных границ. Интерес к фольклору стимулировал его изучение. С этой точки зрения создавалось большинство трудов того времени. Наиболее фундаментальные из них — М. Забылина, И. М. Снегирева, А. В. Терещенко, Н. И. Костомарова [24]. Они описывали не только быт, нравы и обычаи, т. е. бытовую культуру, но и приводили художественные тексты песен, обрядов, поверий, примет. Параллельно усиливался интерес к изучению исторического, национально-этнического менталитета. Флоровский Г. В. объяснял такой интерес к фольклору пробуждением исторического чувства [75].

К изучаемой теме обращались историки, этнографы, филологи. Они дали представление о культурно-историческом ландшафте, который объясняет причины и историко-возрастную стилистику фольклора XIX в. Ценны они тем, что авторы показали целесообразность создания источников для последующих

исследователей. Собиратели по существу сформировали базу для изучения регионального фольклора. Примерами записи произведений устного народного творчества и отношения к народной поэзии служат сборники песен черниговских малороссов Глуховского уезда в этнографическом исследовании И. Абрамова, исторические песни малорусского народа с объяснениями Антоновича В. и Драгоманова Д., песни терского казачества [30].

Такой комплексный подход прослеживается в трудах П. Зубова «Картины Кавказского края», Е. Маркова «Очерки Кавказа» [28]. Авторы этих работ дали описание заселяемого края не только в историческом, но и в статистическом, финансовом, этнографическом, географическом и торговом отношениях. Аналогичные исследования продолжались и в XX веке в трудах Трофимовой Ю., Виноградов В. Б., Косвена М. О. [71].

В дореволюционный период в печати появляются статьи местных исследователей, освещающих историю, этнографию, экономику, быт и фольклор. Среди них выделим наиболее содержательные: «Народная песня» С. Рокотова, «Народ и его песни» Н. Ивановича, «Картины из народной жизни донских казаков» Краснянского М. Б. и др. [62].

Тенденция обстоятельного анализа духовной культуры продолжалась в начале XX века в трудах Л.В. Македонова, Г.Н. Прозрителева, Ф.А. Щербины, Е.П. Савельева [42]. Милюков П. представил историю русской культуры начала XX века в виде очерков, затрагивающих экономический, государственный, сословный строй в России [15].

Для собирания кубанского фольклора в начале XX в. был рекомендован учитель А.А. Кошиц. Его письмо в статистический комитет сегодня представляет интерес современных исследователей. Уже в то время автором ставился вопрос о методике сбора песен: записывать их во всех вариантах, затем выделять общие как самые устойчивые, а варианты рассматривать как местные редакции.

Изложенные рекомендации не утратили своего значения и по сей день. Процесс собирания и научной обработки опубликованного песенного фольклора XIX в. составляет важную страницу культурной и научной жизни Предкавказья.

Однако в силу ряда объективных причин он и в настоящее время является недостаточно изученным. Отсутствует музыкальный напев почти во всех публикациях народных песнях Ставрополья. Трудности в изучении фольклора составило позднее и более длительное заселение Предкавказья и сложный состав его населения, а также отсутствие специалистов для сбора и обработки компонентов духовной культуры.

Решить проблему специалистов должна была музыкально-этнографическая комиссия при отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Она пришла к существенному выводу о том, что в целом музыкальное образование необходимо пересмотреть. Уже тогда предлагалось изучать народную музыку и ее значение; анализировать тексты и формы русских народных песен, ритм, строй, мелодику, народные инструменты, историю развития народной песни и ее отношение к песням других народов России. Заметим, ученые XIX века оценили необходимость взаимосвязи русской песни с песнями других народов.

Историки, этнографы и другие специалисты, проводившие обработку собранных материалов, к началу XX века уже имели план собирания фольклора. Но развернувшиеся дискуссии вокруг этого предмета исследований продолжались и на протяжении всего XX века. За это время вышло много статей и монографий, авторы которых раскрывали его суть с разных сторон и подчеркивали необходимость изучения [15].

Фольклор Предкавказья, являясь самостоятельным крупным единым художественно-стилевым разделом в русскоязычной традиции, одновременно распадается на несколько региональных: Донской, Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии. Большая часть работ посвящена казачеству. Это очерки истории казачества, его хозяйства, материальной и духовной культуры [5].

Неоценимый вклад в изучение донского, кубанского и терского казачества дореволюционного периода внесли работы В.А. Потто, И.Д. Попко, П.П. Короленко, К.К. Абаза и др. [57]. Обращение к этим трудам объясняет историю каждой группы казачества, содержание песенного фольклора, позволяет понять мечты и стремления, выраженные в поэтических текстах.

В 70-е гг. XX века в работах Анохиной Л. А., Рабиновича М. Г. приоритет отдавался изучению городской культуры [1]. Периодические издания того времени публиковали новейшие исследования своего времени, вызывавшие большие полемические споры. Например, статьи Громыко М. М., в которых автор рассматривал культуру крестьянства XVIII — XIX вв. как предмет исторического исследования, принцип историзма в изучении воспроизводства традиции малых социальных групп; Чижиковой Л.Н. по этнокультурной истории южнорусского населения в журналах «Этнографическое обозрение», «История СССР» [21].

Последующие работы, особенно конца XX в., касались духовной культуры в целом, духовной жизни советского села, характеризовали культуру современной деревни [11].

К фольклору и ко всей музыкальной культуре на Ставрополье даже в начале XX в. обращались не часто. В крае не было специалистов в этой области. Статьи И. Колотыгиной и А. Мосолова, по сути, стали отправной точкой в исследованиях данной проблемы [40]. Колотыгина И. впервые в небольшом историко-этнографическом очерке сформулировала причины своеобразия песенного фольклора Ставрополья на примере станиц Баклановской и Расшеватской. А. Мосолов дал сравнительную характеристику ставропольских песен с кубанскими и терскими.

Постепенное возрождение казачества в 90-е гг. XX в. и проблемы, возникающие в связи с этим, послужили толчком к появлению ряда публикаций. Например, статья Багдасаровой А. Б. о песенном фольклоре, раскрывающей этнические особенности культурной жизни казаков; Бубнов А. И., Богданов А. Б., выступившие с докладом об обычаях казачества на III Всероссийской научно-практической конференции в Ставрополе в 1993 г. [3].

Значительный вклад в изучение традиционной культуры внесла монография профессоров Невской Т. А. и Чекменева С. А. «Ставропольские крестьяне» [55]. Очерки историков, знакомя с культурой и бытом ставропольского крестьянства дореволюционного времени — начала XX в., дополнили взгляд автора на исследуемую тему. Намного раньше было опубликовано исследование Невской Т. А. «Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополья» [56].

Интерес представляет диссертация Фроловой Г. Г., рассматривающая народно-поэтическое творчество послевоенного Ставрополья [26]. Значительно дополняют исследуемый материал диссертации Великой Н. Н., анализирующей этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье XVIII — XIX вв., Колесникова В. А. по истории линейного казачества [4].

Ряд исследований Мирзоева Г. М., Романенко Л. В., Айбазовой Ф. У., Фединой А. И. касаются особенностей культуры региона, городской культуры Ставрополья XIX — нач. XX вв., развития духовной культуры Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, формирования историко-культурной региональной традиции черноморского казачества [48]. Исследование современных словесно-музыкальных традиций вызвало необходимость изучения диссертации Сорокиной А. Ю. по истории развития народного творчества на Ставрополье [74].

В ряде общих работ по истории Ставрополя фольклорная традиция рассматривалась в контексте общероссийской и региональной истории. Это «Очерки истории Ставропольского края», «Край наш Ставрополье», «История городов и сел Ставрополя», «Ставропольский край в истории России» А.И. Кругова и другие [31].

Этнографические экспедиции XX в. пополнили небольшое количество публикаций, касающихся региональной музыки. Первая из них, организованная в 1967 г. Московским музыкально-педагогическим институтом им. Гнесиных, записывала в Благодарненском, Изобильненском, Новоалександровском, Грачевском, Шпаковском районах [64]. По результатам этих экспедиций Всероссийское хоровое общество выпустило несколько репертуарных сборников [67].

С открытием в 1979 г. народно-хорового отделения в Ставропольском краевом музыкальном училище продолжилось собирание песенного фольклора в Александровском (с. Круглолесское, Грушевское), Красногвардейском (с. Красногвардейское), Изобильненском (ст. Баклановская), Петровском (с. Константиновское), Шпаковском (с. Дубовка, ст. Темнолесская) районах Ставропольского края. Определенный вклад в изучение народного творчества в последнее десятилетие внесли работы, опубликованные краевым Домом народного творчества [52].

Для исследования исторических корней казачьего песенного фольклора, сравнительного анализа, автором был собран полевой материал конца XX — начала XXI века в Новоалександровском, Шпаковском, Новопавловском Изобильненском и др. районах Ставропольского края. Эти результаты легли в основу диссертационного исследования «Духовная культура Ставрополя XIX — XX вв. (на примере фольклорных традиций)» [46].

Таким образом, историографический обзор позволяет констатировать, что, несмотря на многочисленность публикаций, затрагивающих отдельные историко-культурные вопросы, анализ устного народного творчества в ряде работ отсутствует, нет обобщающего исследования историко-культурной фольклорной традиции Ставрополя.

Культурное, духовное и национальное возрождение нашего народа сегодня, как никогда, нужно для его выживания. Оно не только скрепляет связь времен и соединяет в единое целое разные поколения людей, не только формирует художественный и эстетический вкус, нравственные ценности, но и активно способствует воспитанию национального самосознания и чувства патриотизма.

Список литературы:

1. Анохина Л.А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем // Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева; АН СССР, эт-т этнографии им. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1977. — 359 с.
2. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русско-феодалного города: Горожане, их общественный и домашний быт. — М.: Наука, 1978. — 328 с.
3. Багдасарова А. Б. О некоторых этнических особенностях культурной жизни казаков: Песенный фольклор // Проблемы возрождения казачества. Сб. статей II Всероссийской науч.- практ. конференции — Ставрополь, 1992. — С. 70—75.
4. Бубнов А. И., Богданов А. Б. К вопросу об обычаях казачества // Проблемы возрождения казачества. Сб. статей III Всероссийской науч.- практ. конференции. — Ставрополь, 1993. — С. 27.
5. Бентковский И.В. Гребенцы. Исторические исследования. 2-е изд. — М., 1889. — 39 с.
6. Броневский В. История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. — СПб., 1834. — Ч.3. — 214 с.
7. Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки: книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. — Владикавказ, 1911. — 240 с.
8. Терское казачество в прошлом и настоящем: Памятка терского казака // Сост. М.А. Караулов. — Владикавказ, 1912. — 386 с.
9. Великая Н. Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.): Автореф. дисс... докт. истор. наук. — Ставрополь, 2001. — 54 с.
10. Колесников В.А. Формирование и функции линейного казачества Кубани в конце XVIII — 1861 г.: Дисс... канд. истор. наук.— Ставрополь, 1996. — 26 с.
11. Великий П.П. Духовная жизнь советского села. — М.: Мысль, 1982. — 207 с.
12. Духовная культура современного села: Межвузовский сб. науч. трудов // Отв. ред. А. В. Воронцов. — Л.: ЛГПИ, 1982. — 162 с.
13. Кудрина Т. А. Культура современной деревни: (на материалах РСФСР) — М.: Мысль, 1980. — 182 с.
14. Гапонова Л. В. Социально — философские проблемы развития духовной культуры развития села: Автореф. дисс... канд. философ.наук. — Ставрополь, 1999. — 20 с.
15. Горелов А. А. Принципы историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора // Русский фольклор. Л.: Наука, 1976. — Вып. 16. — С. 250—262.
16. Аксюк С. Творчество и фольклор // Советская музыка, 1956. — № 5. — С. 27—33.
17. Русский фольклор. Историко-этнографические исследования по фольклору // Сб. ст. памяти С. А. Токарева. — М.: Восточная литература РАН, 1994. — 274 с.

18. Христиансен Л. Л. Нерешенные вопросы фольклористики // Советская музыка, 1956. — № 8. — С. 24—33;
19. Земцовский И. И. Песня как исторический феномен // Народная песня. Проблемы изучения. Сб. науч. трудов Ред. В. Е. Гусев, сост.-ред. И. И. Земцовский. — Л., 1983. — Вып. 6. — 135 с.
20. Гошовский В. Народная музыка как источник исторической информации // У истоков народной музыки славян. Очерки по музыкальному славяноведению. — М.: Советский композитор, 1971. — 304 с.
21. Громыко М. М. Культура русского крестьянства XVIII-XIX вв. как предмет исторического исследования // История СССР, 1987. — № 3. — С. 39—60.
22. Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций в малых социальных группах // СЭ, 1985 — № 2. — С. 72—81;
23. Чижикова Л. Н. Этнокультурная история южнорусского населения // ЭО, 1998. — № 5. — С. 27—44.
24. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4-х ч. — М.: Изд-е книгопродавца Березина М., 1880 — 616 с.
25. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды — М., 1837. — Вып. 1. — 246 с.; М., 1838. — Вып. 2. — 143 с.
26. Терещенко А. В. Быт русского народа М.: Тера, 2001. — 416 с.
27. Костомаров Н. И. Об историческом значении южнорусского народного песенного творчества // Беседа, 1872. — № 4,5,8,10,11,12.
28. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: В 4-х ч. — СПб., 1835. — 270 с.
29. Марков Е. Очерки Кавказа: Картины Кавказской жизни, природы и истории. — М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1887. — 2-е изд. — 591 с.
30. Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича, М. Драгоманова. — Киев, 1874. — Т. 1. — 336 с.
31. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г. — Ставрополь, ИПКРО, 1996. — 304 с.
32. Из истории земли Ставропольской // Сб. статей под ред. Н. Д. Судавцова. — Ставрополь: СГУ, МО РФ, 1995. — Вып. 1. — 112 с.; 1996. — Вып. 3. — 80 с.; 1997. — Вып. 4. — 83 с.;
33. Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1949—1976. — Вып. 1-14;
34. Кочура Д. В. Наш край в годы Великой Отечественной войны // М-во образования РФ. — Ставрополь: СГПУ, 1995. — 39 с.
35. Край наш Ставрополье: Очерки истории // Науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. — Ставрополь: Шат-гора, 1999. — 528 с.
36. Очерки истории Ставропольского края. В 2-х т. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. — Т. 1. — 379 с.;
37. Чекменев С. А., Кузнецов М. В. На земли вольные, кавказские: Исторический очерк. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. — 173 с.

38. Колесников В.П. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григорополисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. — Ставрополь: «Юркит», 1995. — 93 с.
39. Русская народная проза Дона и Северного Кавказа о гражданской войне и социалистическом строительстве // Сост., вст. статья и коммент. В. С. Кирюхин — Махачкала: ДНЦ РАН, 1991. — 194 с.
40. Колотыгина И. Песни Ставропольского края. Исторический очерк // Музыкальный фольклор. Труды ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 15. — М., 1974. — С. 65—78;
41. Мосолов А. В степях Ставрополя // Советская музыка, 1965. — № 3. — С. 98—102.
42. Македонов Л.В. В горах Кубанского края: Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. — Воронеж, 1908. — 103 с.
43. Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа. — Ставрополь, 1914. — С. 1—18. Прил.: Ведомость сост. генерал — поручиком, правящим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора Потемкина. О первоначальном поселении крестьян пооткрытии наместничества с. 1—10
44. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска // Репринтное воспроизведение издания 1910—1913 гг. — Краснодар, Советская Кубань, 1992. — Т. 2. — 854 с.
45. Савельев Е.П. История казачества: Историческое исследование // Репринтовоспроизведение издания 1915-1916, 1918 гг. — Р-н/Д.:Памятники Отечества, 1990. — Вып. 1 — 3. — 442 с.
46. Мельникова И.И. Духовная культура Ставрополя XIX — XX вв. (на примере фольклорных традиций): Дисс... канд. истор. наук. — Ставрополь, 2004. — 207 с.
47. Милуков П. Очерки истории русской культуры. В 3-х т.— М.: Прогресс, 1993. — Т. 1. — Ч. 1-2. — 528 с.
48. Мирзоев Г. М. Особенности развития культуры в многонациональном регионе: Автореф. дисс... канд.культур.наук. — Краснодар, 1999. —27 с.
49. Романенко Л. В. Развитие городской культуры Южно-Русской провинции в XIX — начале XX века (на примере Ставрополя и Терека): Автореф. дисс... канд. истор. наук. — Ставрополь, 2002. — 27 с.
50. Айбазова Ф. У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.): Автореф. дисс... канд. истор. наук. — Ставрополь, 1997. — 21 с.
51. Федина А. И. Формирование историко-культурной региональной традиции черноморских казаков: Автореф. дисс... канд. культур.наук. — Краснодар, 1998. — 26 с.
52. Музыка народной души // Сост. В. Алексеева, Л. Бобрышова. — Ставрополь, 1995. — 39 с.
53. С Разгиру гора // Сост. Л. Бобрышова, Н. Дмитриева. — Ставрополь, 1997. — 56 с.

54. Якоби Л.А. Ставропольские напевы. — Ставрополь, 1998. — 80 с.; Казачья сторона. Сборник фольклорных песен Курского района — Ставрополь, 2003.— 90 с.
55. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне: Очерки хозяйства, культуры и быта. — Пятигорск, ТОО «Кинт» 1994. — 164 с.
56. Невская Т.А. Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя// СЭ, 1982. —№ 1. —С. 89 — 100.
57. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577 — 1801). Репринтное издание. — Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. — 235 с.
58. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Исторический Очерк: Гребенское войско. — СПб., 1880. — Вып. 1. — 431 с. (Приложение с. 435—516).
59. Короленко П. П. Кубанские казаки // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1893. — Т. 3. — С. 1—18
60. Абаза К. К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье. — СПб., 1899. — 368 с.
61. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. // Репринтное воспроизведение издания 1910—1913. — Т. 1.: История края. — Екатеринодар, 1910. — 700 с.
62. Рокотов С. Народная песня. — Кавказский край, 1910, 4 июня;Иванович Н. Народ и его песни. — Кубанский курьер, 1911, 31 июля;Краснянский М.Б.Картинынародной жизни донских казаков. — Новочеркасск, 1871. — 140 с.
63. Финагин А. В. Русская народная песня. — Петроград, 1923. — 35 с.
64. Русские народные песни, записанные на Ставрополье // Сост. Л. А. Якоби. — Ставрополь, 1997. — 88 с.
65. Казачьи песни Ставрополя // Сост. В. Чернявский — Ставрополь: ООО «Интеллект», ООО «ЮРКИТ», 2007.
66. Сорокина А. Ю.История развития народного творчества Ставрополя и Кубани (1945—1985 гг.): Автореф. дисс... канд. истор. наук. — Ставрополь, 2003. — 21 с.;
67. Сторонка родная // Сост. Е. Зосимова. — М., 1974. — 58 с.
68. Русская народная песня. Хрестоматия С. Браз. — М., 1975. — 120 с.
69. Воспой, воспой в саду соловьюшек // Сост. Т. Новикова. — М., 1985. — 56 с.
70. Зоренька-зарница // Сост. А. Антипова. — М., 1989. — 60 с.
71. Трофимова Ю. Терские казаки (история, традиция, нравы). За веру, волю, Отечество — Пятигорск: «Кинт», 1989. — 110 с.
72. Виноградов В. Б. Из истории и культуры Кубани — Армавир, 1997. — 80 с.
73. Косвен М. Ю. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. — М.: Изд-во Восточная литература, 1961 — С. 49—208.
74. Фролова Г.Г. Народное поэтическое творчество послевоенного Ставрополя: Автореф. дисс... канд. филолог.наук. — Моск. пед. ин-т им. Потемкина. — М., 1954. — 15 с.
75. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. — М.: Аграф, 1998 — 432 с.

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ Д.Н. УШАКОВА — ФИЛОЛОГА И АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫМ БЛИЗКИМ И РОДНЫМ МЕСТАМ ПОДМОСКОВЬЯ

Филиппова Ольга Николаевна

Выпускница МГАХИ им. В.И. Сурикова, г. Москва

E-mail: iscusstvo0891@mail.ru

Дмитрий Николаевич Ушаков — филолог, педагог, автор «Толкового словаря русского языка» — это целая эпоха в истории русского просвещения. Он может быть неизменно причислен к тем большим мастерам русской художественной культуры, чьё творчество глубоко отражало духовную жизнь российского общества конца XIX — начала XX вв.

Д.Н.Ушаков родился в Москве, в Татьянин день, 12 января (ст.ст.) 1873 года. В копии выписки из Метрической книги от 2 августа 1881 года № 80, хранившейся в ризнице Московской, Пречистенского сорока, Крестовоздвиженской, что в бывшем монастыре, церкви, написано: «12 января рожден, 16 января крещен Димитрий» [3, с.31]. 14 октября 1941 года Дмитрий Николаевич находился с семьёй в эвакуации в Ташкенте. Переезд в Ташкент был тяжёлый, обострились болезни, 17 апреля 1942 года он скончался.

Д.Н.Ушаков — яркий, крупный учёный, путь приобщения к русской словесной культуре связан у многих современников с его именем и трудами, но не всем известен ещё один аспект его деятельности, раскрывающий творческую личность учёного, а именно его занятия живописью и графикой.

Целью данной публикации является то, что помимо филологической стороны деятельности учёного, отразить также и его художественное творчество, т.е. открыть современным людям взгляд на Д.Н.Ушакова, не только как на учёного, но и как на художника, достаточно, профессионально выполнявшего свои работы.

Данная сторона творческой деятельности Д.Н.Ушакова не изучена, никто из исследователей не занимался вплотную художественным творчеством Д.Н.Ушакова, в отличие от его педагогической работы (педагога-лингвиста), и, тем самым, данный аспект открывает новую страницу в биографии личности яркого, крупного русского учёного и педагога.

Живописное и графическое творчество Д.Н.Ушакова, в своём контексте отражает массовое явление, которое было распространено

в конце XIX — XX вв., в среде выдающихся деятелей художественного мира, учёных-историков, искусствоведов, филологов — увлечение живописью, помимо их общего вклада в научную и художественную деятельность. И это увлечение живописью, выглядело ничуть не хуже, чем их достижения в профессиональной сфере.

Данное явление нашло своё отражение в биографиях: С. Т. Рихтера, С. М. Лифаря, М. А. Чехова, Ю. А. Завадского, С. М. Эйзенштейна, А. Г. Габричевского, М. В. Алпатова, Е. А. Косминского, Д. Н. Ушакова — творческих личностях, испытывающих непреодолимую потребность реализации своей одарённости не в одном, а в нескольких видах творчества.

Дмитрий Николаевич Ушаков не был профессиональным художником, но рисовал и писал много и вдохновенно. Немаловажная особенность творчества Д. Н. Ушакова — черта настоящего художника-живописца, который любил писать маслом, рисовать карандашом, но больше всего он предпочитал делать работы в акварельной технике.

Акварельные работы Д. Н. Ушакова — удивительны по своей манере исполнения, его акварели — это бесконечно разнообразные вариации одной и той же симфонической темы, название которой — близкие и родные места Подмосковья, так дорогие сердцу Д. Н. Ушакова — мастеру славному в своих живописных работах.

Д. Н. Ушаков — неутомимый труженик в области филологии каждый день старался сделать много полезного на благо науки, не забывая, конечно же, и про искусство, о чём ярко свидетельствуют его живописные и графические работы. Стиль живописи работ филолога Д. Н. Ушакова — точный, тщательный перекликался с манерой, характерной для его преподавательской деятельности, работой по составлению Толкового словаря русского языка.

На протяжении всей своей жизни — а его ранние работы относятся к 1880-м годам — Д. Н. Ушаков не оставлял своего любимого занятия — занятий живописью и рисунком. Предметы его изображений были среднерусские, в основном подмосковные пейзажи.

Жизненно необходимым для Д. Н. Ушакова было это общение с природой. Обращает на себя внимание и ставшая теперь познавательной география запечатлённых Д. Н. Ушаковым мест Москвы и Подмосковья: многие из них не сохранились... [2, л. 5]

Отдыхая в санаториях Академии Наук СССР «Узкое» и «Сосновый бор», бывая на заседаниях Академии наук в Ленинграде, Д. Н. Ушаков использовал каждую свободную минуту для общения

с природой. А ящик с красками, кисти и складной стул были всегда под рукой. Работы Д. Н. Ушакова — это работы великого подвижника, любителя и ценителя природы.

В работах Д. Н. Ушакова прослеживается индивидуальная манера мастера, данные работы — это его сугубо личное видение мира. Дмитрий Николаевич, обладая острым умом, владея чувством языка, знанием истинно русской речи, обладая безошибочным языковым чутьём, сумел эти компоненты, с точки зрения языка, передать в своих живописных и графических работах, составляющих богатейший творческий опыт.

Работы Д. Н. Ушакова приближали его творчество к высказыванию М. В. Алпатова по поводу идеальной лекции, которая не подразумевает текста, а умело сделанные работы не нуждаются в словесных пояснениях — они говорят сами за себя.

Помимо занятий живописью, Д. Н. Ушаков находил также время и на работу руками: столярничать, плотничать, и делал он это мастерски. Видимо, это было прекрасной разрядкой после большого умственного напряжения.

Помимо увлечения живописью и другими видами работ, Д. Н. Ушаков очень любил фотографию. К 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, поэта, перед которым Дмитрий Николаевич преклонялся всю жизнь, он сделал фотоальбом «Полотняный Завод Гончаровых». Этот альбом, в память об отце, Наталья Дмитриевна Архангельская, дочь Д. Н. Ушакова, подарила Пушкинскому Дому в Петербурге к 200-летию поэта. С благодарностью принял этот дар директор Пушкинского Дома академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв.

А в 2000 г. Н. Д. Архангельской был передан и личный архив её отца в Объединение «Мосгорархив» (с 2003 г. и по настоящее время — Главное архивное управление города Москвы, или Главархив Москвы). Научное описание документов было проведено в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний (ЦММЛС, структурное подразделение Главархива Москвы) в 2007 г. Сейчас, после проведения описания, документы фонда введены в научный оборот и доступны исследователям [5].

В связи с введением документов фонда в научный оборот, материалы личного архива Д. Н. Ушакова — акварель, масло неоднократно экспонировались на выставках: в Выставочном зале «Беляево», Манеже, Московской Городской Думе, в Центральном выставочном комплексе Политехнического музея.

В конце 2007 — начале 2008 года прошла выставка экспозиции, подготовленной Главным архивным управлением города Москвы и

Политехническим музеем, в Центральном выставочном комплексе Политехнического музея, посвящённая 135-летию со дня рождения Дмитрия Николаевича Ушакова. Помимо представленных многочисленных документов из личного фонда Д. Н. Ушакова (материалов о деде Д. Н. Ушакова — Д. П. Новском, документов, посвящённых преподавательской, научной и общественной деятельности) на выставке были также продемонстрированы творческие работы Дмитрия Николаевича. Среди них были его детские эскизы, альбомы с карандашными рисунками, портретные зарисовки близких родственников, пейзажи, выполненные в технике акварели и масла. В честь проведения выставки был выпущен буклет: «Филолог Д.Н.Ушаков. Жизнь, семья, творчество. К 135-летию со дня рождения. Историко-документальная выставка»[7].

Материалы научного архива Д.Н.Ушакова-филолога находятся в Архиве РАН (фонд № 502) [6], сюда вошли научные труды Д. Н. Ушакова, биографические материалы, педагогическая деятельность, переписка и научные труды других лиц, присланные Д. Н. Ушакову на отзыв или нужные ему для работы.

В РГАЛИ находятся сведения о Д.Н.Ушакове из разных фондов, сюда вошли личное дело Д. Н. Ушакова — сотрудника Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова (фонд № 596) [4, лл.1 3], переписка Д. Н. Ушакова с советскими языковедами, славистами, в т.ч. с преподавателем русского языка и литературы — Гладковым Фёдором Васильевичем (фонд № 1052), воспоминания писателя, примыкавшего к литературной группе «Знание», возглавляемой А. М. Горьким — Золотарёва Алексея Алексеевича о Д. Н. Ушакове (фонд № 218) и другие документы.

Ни в архиве РАН, ни в РГАЛИ нет художественных работ Д. Н. Ушакова, они хранятся в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний, тем самым их открытие пополняет ещё одно имя в изобразительном искусстве конца XIX — начале XX вв. — Дмитрия Николаевича Ушакова — художника-любителя.

В июле 2010 г. автором данной публикации было пройдено повышение квалификации в Государственном научно-исследовательском институте реставрации, в ходе которой была осуществлена реставрация двух живописных пейзажей Д.Н.Ушакова: «Подмосковье. Прохорово. Церковная сторожка» (1914 г.) и «Подмосковье. Прохорово. Дорога за конюшней, идущая к реке Рожай» (1912—1915 гг.). А в июне 2011 года в МГАХИ им. В. И. Сурикова на кафедре факультета теории и истории искусства, состоялась защита дипломной работы по теме: «Живопись и графика

в творчестве Д. Н. Ушакова». Работа была написана под руководством научного руководителя, зав.каф. ФТИИ, д.иск.н., М. Ф. Киселева.

Учитывая масштаб личности учёного, его вклад в русскую филологию XX в., исследование художественной стороны его деятельности кажется актуальным и представляет научный интерес.

В заключение хочется процитировать выписки Д. Н. Ушакова из труда В. Г. Белинского: «Литературные мечтания», которые он конспектировал в 1890 г.: «...Высочайший зенит художественного совершенства, истинное творчество, есть удел не многих избранных, о коих говорят: «С природой одной он жизнью дышал, ручья слышал лепетанье, и говор древесных листов понимал, и чувствовал трав прозябанье, была ему звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна» [1, л. 30 об.].

Отчасти, данные слова можно отнести к живописному и графическому творчеству Д. Н. Ушакова, который вместил в себя сразу несколько ипостасей: филолога, языковеда, специалиста по русской диалектологии и лексикологии и художника.

Список литературы:

1. Выписки № 1 Д. Н. Ушакова (1890 г.): «О прекрасном в искусстве»: из В. А. Гольцева, И. А. Гончарова, В. М. Гаршина, В. Г. Белинского и др.// Архив РАН. Ф.502. Оп.1. Ед.хр.167. ЛЛ.2—43.
2. Заметки Н. Д. Архангельской (дочери) о жизни и творчестве Д.Н. Ушакова // ЦММЛС. Ф.276. Оп.1. Д.40. Л.5.
3. Крылова И. В. Он не мыслил себя без Московских корней...//Московский Журнал. 1999. № 11. С. 28—34.
4. Личное дело сотрудника Высшего Литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова — Д. Н. Ушакова // РГАЛИ. Ф.596. Оп.1. Ед.хр. 103. ЛЛ.1—3.
5. Ушаков Д. Н. (1873—1942), филолог, составитель «Толкового словарярусского языка» // ЦММЛС. Ф.276. Оп.1, крайние даты: [1818]-2000.
6. Ушаков Д. Н. (1873—1942), языковед, специалист по русской диалектологии и лексикологии, член-корреспондент АН СССР (1939 г.) // Архив РАН. Ф.502. Оп.1—5, крайние даты: 1874—1941 гг.
7. Филолог Д. Н. Ушаков. Жизнь, семья, творчество. К 135-летию со дня рождения. Историко-документальная выставка. — М.: Политехническиймузей: Главное архивное управление г. Москвы, [б.г.].

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СОЛЯРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СКАЗКЕ П.П.ЕРШОВА «КОНЁК-ГОРБУНОК»

Короткова Ирина Анатольевна

преподаватель ГБОУ СОШ № 789, г. Москва

E-mail: iraankor2011@mail.ru

Сказка П. П. Ершова «Конёк-горбунок» занимает особое положение в русской литературе. Солнечное, светлое произведение, написанное необыкновенным языком, юмор и сатира народного театра переплетаются в нём с традициями лубочной литературы. Не найти другой литературной сказки, в которой в таком объёме и разнообразии были бы представлены мифологические и фольклорные образы, сюжеты, мотивы. Особенно много в сказке солярных (связанных с солнцем) мифологических образов: это и Царь-девица, и кони, и жар-птицы.

Использованы в сказке и народные представления о вырии, солнечном царстве, о небесном солнечном доме-церкви.

Рассмотрим эти образы и представления подробно.

С мотива пойманного чудесного вора, которым оказалась белая кобылица, начинается сказка:

Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.

Описание кобылицы говорит о её небесном происхождении. Кобылица напоминает коня Свантовита, на котором божество света древних славянездит воевать со злыми духами [4]. Характерная черта солнечных коней в мифологии — насыщение их росой. В сказке Ершова кобылица просит Ивана:

Да смотри:
На три утренних зари
Выпущай меня на волю
Погулять по чисту полю.

В сказке П.П. Ершов использовал мифологический мотив брака с животным:

Коль сумел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть...
На исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней.

Особенно интересен в сказке образ Конька-горбунка. В галицких колядках есть упоминание коня, который мог замечать всё, ушами подслушивал, глазами считал звёзды, строил церковь с тремя окнами и с тремя дверьми: первое окно — ясно солнце, второе окно — ясный месяц, третье окно — ясная звезда [4]. Конёк-горбунок — вещий конь, одарённый мудростью и человеческим словом (в отличие от двух других коней). В сказках и былинах, в эпических преданиях индоевропейских народов можно встретить таких коней. Способность помогать Ивану и под землёй роднит Конька-горбунка с морскими или водяными кобылами. В народных сказках добрый молодец, купаясь в горячем молоке таких кобыл, становится юным, могучим и красивым, а враг же его, делая то же самое, погибает.

Связан с солнцем и образ Царь-девицы в сказке.

Девушка не простая,
Дочь, вишь, месяцу родная,
Да и солнышко ей брат.

Царь-девица — дочь месяца и сестра солнца, значит, солнце — сын месяца. Такое представление встречается в мифологии многих народов. У славян сестрою солнца называлась заря: «Заря ль, моя Зоринька, Заря, солнцева сестрица!» В русских народных сказках деву Зарю или восходящее Солнце называют Ненаглядной Красотою или царвеною — золотой косой, непокрытой красой; она живёт в золотом царстве, на конце света белого — там, где ясное солнышко из моря подымается, сама она плавает по морю в серебряной лодочке, гребя золотым веслом. Похожий образ и в сказке «Конёк-горбунок»: Царь-девица живёт на океане круглый год, когда она приходит на землю, наступает полдень, а с её уходом догорает запад. В южнорусских колядках сохранился такой эпизод: ездил Ивась в терем Солнца и спрашивал, зачем оно три раза в день переменяется? Солнце отвечало: «Есть в море прекрасная Анастасия; когда восхожу я утром, она брызгает на меня водою — я застыжусь и покраснею; в полдень,

поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божий мир — и мне станет весело» [4]. Так Заря помогает Солнцу омыться в море (древнее мифологическое представление). В «Коньке-горбунке» Месяц по три ночи и дня ходила в тёмном облаке, а Солнце завернулось в мрак ненастный потому, что они грустили по Царь-девице. Интересно, что упоминание о сладостях, которые вкушает девица в золотом шатре, имеет мифологическую основу. Вино и мёд — метафорические названия дождя, роса — небесный мёд [2, С. 411]. Царь-девица просит достать со дна океана её перстень. Кольцо, которое приносит Иван благодаря киту со дна океана, символизирует брак Зари (или Весны) с землёй, т. е. добрым молодцем.

Иван в сказке по просьбе Царь-девицы отправляется на небо:

Конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Мифологическое представление о солнце, прядущем из себя золотые нити-лучи, связано здесь с небесной прялкой. В тереме на небе по ночам спит солнце, а «полуденной порою Месяц входит для покою».

Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.

Это описание близко к фольклорному образу вырия, места на краю света, где живёт солнце и где зимуют птицы.

В сказке Ершова встречается и мифическая птица, связанная с солнцем — жар-птица. Прилетают «жары-птицы до зарницы из ручья воды испить» на поляну с необычайной горой из чистого серебра. Боги света в мифах почти всегда наделялись золотыми и серебряными атрибутами. Солнце же по древним представлениям противодействует тьме точно так же, как горящая свеча прогоняет мрак. В сказке Ершова жар-птицы, которые прилетают на поляну до восхода зарницы, приводят за собой солнце, как мифические кони. В описании жар-птиц отмечаются их красные ноги, что напоминает журавля или цаплю. Ещё в Древнем Египте ибис почитался как священная птица, символизировал рассвет (аналогична символика журавля) [5]. Интересно то, как улетает стая птиц в «Коньке-горбунке»:

Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.

Это образ заходящего за тучи солнца.

С солнцем связана в сказке и рыба-кит. Когда и почему кит получит свободу, знает только солнце, и только у него кит может узнать о своей судьбе. Перстень Царь-девицы со дна океана может достать лишь царь-кит, а Царь-девица есть сама Заря, сестра Солнца. Перстень Царь-девицы кит должен отыскать до зарницы. Во многих русских народных сказках упоминается рыба-кит или гигантская щука, которая тянется через всё широкое море (или небо в народных представлениях) мостом и проглатывает корабли с товарами. А.Н. Афанасьев сравнивал такую рыбу из народных сказок с мифической рыбой-тучей, плывущей по небу-океану, т. к. земля, по свидетельству старинных памятников, покоится на водах всесветного (воздушного) океана, тучи олицетворяются в образе великанских рыб, и отсюда возникло верование, что земля основана на китах-рыбах [1, С. 195]. В «Голубиной книге», отражающей языческие представления славян, говорится так: «На трёх рыбах земля основана. Стоит кит-рыба — не сворохнется; когда ж кит-рыба поворотится, тогда мать-земля восколыбнется, тогда белый свет наш покончится» [3].

Читая детям сказку П. П. Ершова, мы знакомим их с нашей многовековой культурой, с древними представлениями о земле и небе, о месте человека в мире.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. — М.: Современник, 1982. — С. 194—197.
2. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. — М.: Советская Россия, 1988.
3. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI — XIX вв. — М.: Московский рабочий, 1991. — С. 40.
4. Костомаров Н. И. Славянская мифология.// Исторические монографии и исследования. — М. — 1994. С. 9—10, С. 71—79.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. 2-е изд. — М.: Научное из-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. — С. 348.

ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Л. ЮЗЕФОВИЧА «КАЗАРОЗА»

Бобко Елена Ивановна

к. фил.н., доцент СГУ, г. Саратов

E-mail: bobko72@mail.ru

Критическая и исследовательская литература представляет диалог мнений о прозе Л. Юзефовича — отмечаются, с одной стороны, игра с жанрами, разрушение стиля как «лабораторный эксперимент, интересный лишь самому писателю» (И. Роднянская, Е. Селезнева), с другой — сложность архитектоники и нарративной структуры произведений писателя, их стилистическая яркость, метафизическая глубина и даже воспитательный потенциал (Л. Данилкин, Е. Иваницкая, З. Прилепин, А. Чанцев). Показательно также многообразие жанровых определений: ретродетективы, квазиисторические повествования, объективно-реалистические тексты, «реалистическая фантазия художника-историка» [3] и т. д. В контексте обозначенной полемики интересно обратиться к роману «Казароза». Т. Сотникова назвала его «напрасным детективом», подчеркивая, что «...по прочтении этой книги запоминаются не перипетии детективного сюжета, а какие-то едва уловимые даже не тона, оттенки жизни, увиденные автором», «детали человеческого самоощущения» [9]. По мнению исследовательницы, у писателя, долгое время воспринимавшегося в русле детективной литературы, «...даже очень хороший детективный сюжет, сталкиваясь с художественным типом повествования, не резонирует, а гасится» [9]. З. Прилепин утверждает, что во всех произведениях Юзефовича детективный сюжет «по большому счету неважен <...> более всего важна удивительная, рифмующаяся, потайная структура мира», которую автор может «увидеть, разглядеть» [8]. Сам Л. Юзефович детективную интригу рассматривает как способ организации романного пространства, прием художественного психологизма, на первый план вывода проблемы мировидения и миропостижения: «Я всегда старался сделать так, чтобы на смену тайне детективной ... возникло ощущение неисчерпанности мира» [6].

По определению автора, «Казароза» — «роман об уходящем времени, о том, как проходит время, как оно несет разочарования, о чувстве истории» [6]. В интервью З. Прилепину он сформулировал свою позицию, которая, на наш взгляд, реализована и в романе: «Я не мыслитель, и мое понимание жизни растворено в подробностях самой жизни. Мне проще рассказать историю — иногда подлинную, иногда

придуманную, а чаще подлинную, но измененную.<...>такую историю из жизни, в которой отразилось бы время, то есть история общества. Я всегда хочу что-то сказать не столько о человеке как таковом, сколько о человеке во времени. <...> Что касается рифмовки событий, то это заложено в истории, как созвучия — в языке. <...> При этом важно не впадать в грех аналогий. Прошлое может многое сказать о настоящем не потому, что похоже на него, а потому, что в нем заметнее вечное» [8]. Детективный сюжет, в основу которого положена «подлинная, но измененная» история из прошлого, в »Казарозе» важен постольку, поскольку способствует созданию «веера возможностей» в постижении тех вопросов, которые можно обозначить в качестве основополагающих для романиста: выявление «в изломе жизни субстанциальных сил истории» [4, с. 122], «изменение человека в меняющихся временах» [5], константы исторического и человеческого существования.

В данной статье сделан ряд наблюдений, касающихся некоторых аспектов авторской поэтики, связанных со своеобразием художественного осмысления проблемы, вынесенной в качестве центральной в название.

Очевидно, что проза Л. Юзефовича отражает аксиологический, гносеологический, методологический плюрализм, специфику дискурсивных и нарративных стратегий, характерные для литературы последних десятилетий, в частности, открытость проблем, связанных с художественным воплощением прошлого. Писатель свой подход к истории называет «чисто поэтическим», его результатом является «не рациональное осмысление, а мерцание смыслов» [2]. Концептуальные для Юзефовича идеи неисчерпанности и многовариантности мира, его «тайного единства» [13, с. 179], обнаруживающегося в разного рода «повторениях», «созвучиях», «рифмах», загадки человеческой души, которая «... и есть подлинная тайна бытия» [11], обуславливают своеобразие авторского осмысления проблемы «человек во времени».

Показательно, что в романе, отличающемся точным и детальным воспроизведением конкретно-исторической ситуации, самоощущение человека во времени связано с подсознательной/бессознательной сферами. По замечанию М. Абашевой, в «Казарозе» создано «кинематографически яркое и вместе с тем призрачное пространство, сотканное из памяти и снов» [1]. Идеино-художественная функция снов героев в романе определена спецификой авторской гносеологии. Сон Вагина, начинающий роман, выполняет прогностическую функцию, предвывая события как исторического, так и частного характера, обозначая двуплановость художественного времени

(действие происходит в 1920 и 1975 годах) и пространства (пересечение «параллельных пространств — земного и духовного»), образно-символическое поле, определяя регистр повествовательной интонации. Являясь сном-воспоминанием, он представляет собой образ времени, сформированный памятью героя, рефлексией, в которой сочетаются сознательное (рациональное) и подсознательное (иррациональное), исторически-конкретное и поэтическое, окрашенное личными чувствами и эмоциями. Можно утверждать, что сон героя задает авторский фокус изображения исторической эпохи: человек во времени и время через человека.

Сон-видение Свечникова завершает сюжетную линию, связанную с убийством Казарозы. В нем сходятся разные грани романной действительности, связываются сюжетные линии — в результате устанавливаются причинно-следственные связи, вбирающие в себя события, явления, мотивы, представляющие в своей совокупности срез эпохи в ее многоплановости: «Европа была залита кровью, на западе и востоке его (Заменгофа — Б. Е.) ученики убивали друг друга. <...> Эдем исчез под обломками новой Вавилонской башни, воздвигнутой из Надежды и Разума, но рухнувшей точно так же, как и первая. Огонь стеной шел по Каме, казаки с винтовками через правое плечо выезжали из вонючего дыма, в котором скрылся розовый домик. Чика умер, клетка с райской птицей была пустой, гипсовый пальчик, символизирующий еврейский народ, указывал на станцию Буртым. Там лежал маховик с валом кривошипа от двигателя внутреннего сгорания, поэтому шорник Ходырев очутился в тюрьме, Казароза — в могиле, а он, Свечников, — здесь, в темноте, пьяный, с мокрым от слез лицом» [14, с. 229]. Герой выходит за границы идеологического схематизма и лозунговости — тех типов мышления и языка, которые характеризуют в романе 20-е годы; его полусон — воплощение философско-поэтического постижения истории.

В композиции романа эти сны связаны системой мотивов, вводимых в том числе интертекстуально — через отсылку к стихотворениям М. Ю. Лермонтова «Сон» и «Воздушный корабль (Из Цедлица)». Представляется, что авторская интертекстуальная стратегия направлена на выявление не столько «рифмы событий», сколько «созвучия» самоощущения человека во времени, нашедшего выражение в лермонтовских текстах и характерного для периода, изображенного в «Казарозе».

Романс «Сон», который на эсперанто поет Казароза, несет в себе предсказание ее трагической гибели: «Пуля попала в грудь, и позднее невозможно было отделаться от чувства, что они, как заклинание,

вызвали из тьмы и притянули к себе ее смерть. Стоило, казалось, выбрать что-то другое, она осталась бы жива» [14, с. 89] и разгадку детективной интриги: «Лежал или лежала, недвижим или недвижима — звучит одинаково. Важно, что с свинцом в груди» [14, с. 90]. Развитие сюжетной линии Свечников — Казароза напоминает зеркальную композицию «Сна», в котором герой и героиня видят сны о себе и друг о друге. Слушая Казарозу, Свечников переживает ситуацию, подобную той, в которой находится герой стихотворения: «Тепло и чисто звучал ее голос, и Свечников увидел лесную ложбину над Камой, где год назад он сам лежал со свинцом в груди, недвижим» [14, с. 60]; перед тем, как раздался выстрел, Казароза улыбнулась Свечникову «...так, будто вспомнила свой давний сон и поняла, наконец, почему ей снилась тогда ложбина, заросшая медуницей и иван-чаем, омытый ночным дождем суглинок, пятно крови на чьей-то гимнастерке» [14, с. 61]. У Юзефовича, как и у Лермонтова, ситуация, когда грань между реальностью и сном становится нечеткой, обнаруживает скрытое сходство между людьми, их *сущностные* связи. Хотя Свечников органичен изображаемому времени, а Казароза очевидно ему чужеродна, оба они одиноки. Одиночество героини делает казалась бы случайную ее смерть вполне закономерной: «Стоило только подумать о ней, как она превращалась в пятно пустоты. Тайна ее души таилась в загадке ее смерти» [14, с. 220]. «Выстрел роковой» из песни о лодочке, вызвавшей воспоминания об убийстве Казарозы, и спустя полвека отзывается в сердце Свечникова «мгновенным сознанием своего сиротства» [14, с. 172]. Как и в стихотворении Лермонтова, в «Казарозе» с мотивом сна связаны мотивы смерти, одиночества, поиска близкой души, которые характеризуют состояние героев в конкретных жизненных и исторических обстоятельствах.

В это же мотивное поле входит мотив мечты, который в романе Юзефовича показателен в аспекте изображения эпохи. Герой не только влюблен в Зинаиду Казарозу: «В детстве он с таким же чувством смотрел на соседскую девочку, мечтая не о том, чтобы когда-нибудь жениться на ней, а чтобы она каким-то чудом оказалась вдруг его сестрой» [14, с. 48]. Одно из основных понятий гомаранизма, о значении которого Свечников читает в словаре, — «амикаро» — актуально для него прежде всего в плане конспирологической версии гибели Казарозы, однако подлинная значимость этого понятия в романе — выражение мечты о человеческой общности как единой семье, дружестве единомышленников. Мечта о мировом человечестве, объединенном

идеалами справедливости, братства и равенства, и практическое ее воплощение, превращающееся в идеологическое противостояние, жестокую борьбу, — то, что в эсперантизме «попадает в резонанс со временем» [11]. Л. Юзефович указывал, что в повествовании о кружке последователей эсперанто сочетаются факты и авторский вымысел, используется прием «сгущения реальности», направленный на то, чтобы показать эсперанто «как модель любой идеологии» [6]. Казароза, «райская птица», — вне идеологических «кодов» времени; сознание и «чувство истории» Свечникова, в выступлении которого эсперанто назван «боевым и грозным оружием в мозолистых руках пролетариата», отражают настоящее, в котором, по словам автора, партийные лозунги питаются человеческим духом. В романе деятельность эсперантистов в Перми в 20-е годы не только «фон, примета времени» [11], она дает представление о метанарративах эпохи, о сущностных процессах, происходящих в данное конкретное время с человеком и в человеке. «Порыв к мировому братству» [6] в «Казарозе» существует в противоречии его смыслов как идеологической декларации и как «состояния человека во времени» [8], рефлексии на его отчуждение от хода жизни и истории.

Строки из стихотворения Лермонтова «Воздушный корабль (Из Цедлица)» звучат в романе в качестве не лишённого иронии комментария к песне о Ермаке, которую поет бабушка Вагина. Наполеоновский миф стихотворения и образ Ермака в его фольклорном воплощении — своеобразные «двойники»: их сближает противопоставление героического прошлого псевдогероическому настоящему, что подчеркивает принципиальное сходство «чувства истории» людей разных эпох. Переключаясь со стихотворением «Сон» (мотивы сна, одиночества, отражений/повторений), «Воздушный корабль» актуализирует в романе уровень философского осмысления проблемы «человек во времени».

Исследователи лермонтовского стихотворения отмечают, что в ней прием повторений, организующий формально-содержательное единство текста, актуализирует мысль, что тайна истории заключается в «необратимости, однонаправленности времени» [9]. К этой же мысли приводит читателя развитие как внутреннего, так и внешнего действия в романе Юзефовича, «мерцающая временная многослойность» [1] которого образуется пересечением линий Свечникова, Вагина, Казарозы, которые, подобно лермонтовскому Наполеону, предпринимают — каждый свое — путешествие в прошлое. Свечников и Вагин, выбравшие разные типы исторически значимого

поведения [7], ощущают особое родство, которое дают им общие воспоминания, в разговоре о Казарозе высказывают сближающее их одиночество людей, принадлежащих другому времени. Прошлое в романе предстает ярким, событийным, эмоционально насыщенным, а в изображении настоящего (для Казарозы — 20-х, для Свечникова и Вагина — 70-х годов) постоянно констатируется невозможность восполнить утрат, отмечаются приметы хода времени, неостановимого изменения жизни: «лицо Свечникова казалось не просто усталыми очень старым, а странно пустым, словно из него прямо на глазах уходила жизнь» [14, с. 235].

«Двойники» лермонтовского воздушного корабля в романе Юзефовича — челнок из «Баркаролы» Шуберта во сне Вагина, в котором прошлое предстает как идиллический хронотоп, и лодочка из песни, услышанной Свечниковым на вечере, посвященном эсперо, символ временного вектора человеческой жизни: «Все умерли, он один остался в лодочке, сносимой неумолимым течением <...> впереди все было темно, во мраке слышался гул уже близкого моря, и дувший оттуда соленый ветер наполнял рот кровью» [14, с. 236]. На наш взгляд, для автора «Казарозы» концептуально значим нашедший выражение в «Воздушном корабле» опыт осмысления констант исторического и человеческого бытия, актуализированный размышлениями о созидательном/разрушительном характере времени: «Единственное, что неизменно в зыбком, призрачном мире, — тепло естественной человеческой привязанности» [9]. Не случайно сюжетная линия Вагина, начинающаяся сном, в котором живы его родители, завершается «рифмующейся» с ним сценой примирения героя с семьей сына, а полусон Свечникова, завершающий хронотоп 20-х годов, явно «рифмуется» с финальным эпизодом романа, передающим самоощущение героя в историческом и биографическом времени как ожидание воссоединения с «амикаро»: «Поезд летел в ту бездну, где бесплотные тени без слез оплакивали ... великую и благу надежду доктора Заменгофа. Свечников слышал их голоса. Его место было среди них. Все они прошли туда, как проходят по земле тени облаков — не меняя рельефа. Настал и его черед» [14, с. 236].

Предложенный мотивный анализ позволяет утверждать: художественное осмысление проблемы «человек во времени» в романе Л. Юзефовича «Казароза» осуществляется путем синтеза психологического, научно-исторического, философского, поэтического дискурсов, диалогического подключения к интеллектуальному и духовному опыту культуры.

Список литературы:

1. Абашева М. Тайны Леонида Юзефовича // Новый мир.-2004.-№5. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/5/abash.
2. Дьякова Е. Комплекс очевидца. Л.Юзефович — о 1990-х и новом романе: интервью с Л. Юзефовичем // Новая газета. — 2009. 25 февраля.
3. Иваницкая Е. Все связано со всем // Дружба народов.- 2003. — № 7. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2003/7/ivan/html>.
4. Кирпотин В. Типология русского романа. — М.,1974.
5. Кочеткова Н. Писателю Юзефовичу больше всего интересен самозванец поневоле: интервью с Л. Юзефовичем. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.izvestia.ru/>.
6. Кузнецов А. Эксклюзивное интервью с Леонидом Юзефовичем // REGo.- 2004.-№6. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://enpovosti.info/blog/15/01/2005/1/comments>.
7. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн / Перевод Д. Румянцевой // Новый мир. — 1996. — 37. — С. 195-212.
8. Прилепин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.rus/tc/d/222666/read>.
9. Сотникова Т. Напрасный детектив. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://littera/wersib.ru/volsky/text.htm?250>.
10. Усок И.Е. Наполеоновский цикл // Лермонтовская энциклопедия. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://febweb.ru/fcb/lermenc/lre-abc/>.
11. Шушарин И. Юзефович Л. «Мир прост. В нем нет никакой мистики»: интервью с Л. Юзефовичем. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.fontanka.ru/2006/03/28/161032/print.html>.
12. Юзефович Л. «Вы не меняетесь»: интервью. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru/rusio/info/2010/05>.
13. Юзефович Л. Журавли и карлики: роман.-М.:АСТ:Астрель,2009. — 477 с.
14. Юзефович Л. Казароза.-М.;Зебра-Е;Эксмо: Деконт, 2005. — 240 с.

МИФОЛОГЕМА СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ

Магомедова Мария Васильевна

*преподаватель,
Ставропольская государственная медицинская академия,
г. Ставрополь;*

Сахарова Виктория Михайловна

*к. ф. н., преподаватель
Ставропольская государственная медицинская академия,
г. Ставрополь*

Милославская Виктория Владимировна

*к. ф. н., преподаватель,
Ставропольская государственная медицинская академия,
г. Ставрополь.
E-mail: sarmatiy@mail.ru*

Семья в произведениях Л. Улицкой — одна из центральных, главенствующих тем, можно говорить о традициях жанра семейной хроники в творчестве писательницы, тем более что в текстах явно прослеживаются специфические жанровые черты. Комплексный анализ некоторых жанровых аспектов и мифологических символов позволяет определить степень значения семьи как некой сакральной и социальной общности для Л. Улицкой и ее читателей.

Обращаясь к специфике жанра таких произведений Л. Улицкой, как романы «Казус Кукоцкого» и «Медя и ее дети», нельзя не отметить традиции русской семейной хроники. «Произведения Л. Улицкой, в центре которых находится идеальная семья, представляют собой своеобразную реконструкцию жанра семейной хроники, распространенного в русской литературе XIX — нач. XX веков» [2, с. 5]. Таким образом, мы видим, что память жанра является определяющим фактором поэтики произведений Л. Улицкой, от которого зависит выбор главного героя, особенности развития сюжета.

Исследователи отмечают, что в произведениях этого автора история семьи часто связана с историческими событиями, которые выступают обрамлением для героев. Тема семьи у Л. Улицкой представлена и в рамках большого, эпического пространства, в повести, и даже в малой прозе, в рассказах из циклов «Бедные

родственники», «Девочки» и в повести «Сонечка». Можно сказать, что «...уже в малых жанрах автор совершает «апробацию» семейного сюжета, свойственного жанру семейной хроники, укрупняя его затем в больших жанрах» [2, с. 5].

Важно отметить личное восприятие семьи Л. Улицкой, выражаемое писательницей в интервью и беседах: «Тема семьи — одна из важнейших для меня тем. ...А между тем именно семья формирует человеческую личность. ...Мое тяготение к семейному роману — это мое личное переживание темы семьи в современном мире. Мы живем в сложные времена, когда традиционный институт семьи подвергается большим испытаниям и глубоким изменениям. Мои романы — не рецептура, а приглашение вдумываться в жизнь...» [1, с. 12—17].

Таким образом, семья для Улицкой приобретает почти сакральный смысл, поэтому некоторые исследователи говорят об «идеальной семье», созданной автором в своих произведениях: «Устойчивая (идеальная) модель семьи с положительным семантическим содержанием — это полная семья, в центре которой, как правило, находится супружеская пара» [2, с. 5]. При этом нужно отметить, что для Л. Улицкой важнейший показатель семейственности — связь не по горизонтали, а по вертикали, т.е. наличие органичных отношений между поколениями, память предков и исторических корней. Настоящая семья осмысливается не только как счастливая жизнь супружеской пары, но — в категориях рода, т.е. исторической «протяженности» семьи. «Это удивительно приятное чувство — принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех ее членов даже не знаешь в лицо, и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего» [6, с. 236].

Такой подход к интерпретации мифологемы семьи позволяет выделить в анализируемых произведениях так называемых «героев-праведников», сохраняющих, стабилизирующих и связывающих семью, и «героев-разрушителей», функцией которых является разрушение этой «идеальной семьи». В дополнение, мы считаем возможным отметить стабильность «героев — праведников» и не стабильность «героев — разрушителей». Стабильностью обладают герои, призванные созидать, сохранять семью, при этом они не способны на экстраординарные изменения жизни и очень часто в произведениях остаются за «бортом жизни». Остается вдовой и горько переживает свою бездетность Медея, Даниэль Штайн долгое время уверен, что Марыся — его единственная любовь — умерла, Павел Кукоцкий лишен возможности иметь детей, и переживает одну трагедию за другой. В то время как не стабильные в жизненных

установках герои оказываются на первый взгляд более успешными: Тома создает собственную семью, обретает дом, что было ее заветной мечтой; Яся («Сонечка»), разрушив чужую семью, обретает даже больше, чем могла мечтать; Оля («Зеленый шатер») поддается обаянию Ильи, несмотря на детей и семьи у них обоих. Каждый герой оказывается перед этическим выбором, автор никогда не комментирует поступки, не дает собственной оценки происходящего.

Так, рассмотрим самые яркие примеры героев-праведников — это Медея Синопли («Медея и ее дети»), Елена и Павел Кукоцкий («Казус Кукоцкого»).

Медея продолжает ряд героинь, отдающих все ради любви, сильных и цельных натур, для которых собственные дети не залог «величия в веках», а лишь часть большого разнообразного мира людей. В романе «Медея и ее дети» автор представляет семью, как общность людей не по крови, а по законам нравственной близости, в ситуации современной эпохи, когда все направленно против родового и семейного, новое понимание идеи семьи звучит особенно актуально. В тексте романа в единый космос воссоединяется пестрая мозаика жизни многочисленных героев, членов большой семьи Медеи.

Необходимо отметить, что замыслу Улицкой создать образ «идеальной семьи» отвечает тот факт, что так называемые «семейные праведники» в анализируемых произведениях соблюдают важное условие, необходимое для символично-мифологической гармонии, — они либо вступают в брак, либо находятся в состоянии замужества, столь необходимого для построения «настоящей семьи».

Этот факт немаловажен, ибо в мифологическом значении «брак» — это «символ единства (чаще всего персонифицированный) божественных сил, божественного и человеческого, души и тела. При этом хорошо известны и широко распространены браки, искажающие идею соединения и гармонии, такие, как брак по расчету, фиктивный брак, неравный брак (по возрасту, положению, состоянию и т.п.) Каждый из таких случаев представляет собой утверждение первоочередности той ценности, которая лежит в основе мотивации вступающих в брак или его иницирующих. Сам брак при этом замещении выполняет вторичную функцию и становится выражением не единства, а расщепления, раскола, лжи и брака в негативном значении этого слова, т.е. дефективного социального явления» [8, с. 82.]. Так, например, Сандручка, которая, по мнению Медеи, жила «по закону левой ноги, закона прихоти, сиюминутного желания, каприза или страсти» [6, с. 144], выходила замуж три раза, при этом два из которых были мотивированы не желанием создать

семью, а некими другими причинами. Таким образом, один раз нарушив законы «настоящего» брака, женщины в роду Сандры были обречены на то, что практически никогда не познают истинной сути брака как такового — сакральной гармонии и создания целого.

При такой полигамности и непостоянстве в отношениях с мужчинами, для своих детей она была теплой и хорошей матерью, умелой, проворной хозяйкой дома. В ее доме царила «веселая любовь детей к матери и теплая дружба между всеми». Понимание Сандрой своего статуса матери делает возможным образование семьи как таковой, ибо даже в древних культах прослеживается связь между мифологией семьи и мифологией продолжения жизни и непрерывности бытия. В шумеро-аккадской мифологии «между царем (одновременно и верховным жрецом — «эном») и верховной жрицей ежегодно совершался обряд священного брака, содержащий в себе мотивы ухаживания и свадьбы героев-богов, нисхождения богини в подземное царство («страну без возврата») и замену ее героем, гибели героя и плача по нему и возвращение героя на ограниченное, но периодичное время. Все это составляло метафору «жизнь-смерть-жизнь» и было связано с культом богини-матери» [3, с. 648].

Весьма близко к этим мифам находится сюжетная линия Елены и Павла Кукоцких («Казус Кукоцкого»). Обстоятельство, что Кукоцкий спасает именно женские жизни (он талантливый врач — гинеколог) и, как Медея, становится отцом, не имея своих собственных детей, делает его частью именно матриархального материнского мифа, а не патриархального отеческого. На это указывает и его обращение к имени богини Ламассу — «Лама (шумер.), Ламассу, в шумеро-аккадской мифологии добрая богиня — покровительница и защитница. Ламассу — носительница личности человека, возможно, связанная с культом плаценты. Считалось, что свою Ламассу имеет каждый человек» [3, с. 36]: «Поразительным было это обожествление отдельных органов и чувство космической связи земли, неба и человеческого тела, совершенно утраченное наукой в новые времена. Как же, наверное, те младенцы были не похожи на теперешних, с крепко сжатыми кулачками, с подогнутыми пальцами ног, напряженными мышцами. Гипертонус. И поза боксера — сжатые кулачки защищают голову. Дети страха. Они, пожалуй, более жизнеспособны. Только вот — от чего они защищаются? От кого ждут удара? Что бы сказал об этих детях вавилонский ученый Берос, жрец богини Ламассу?» [5, с. 27]. Но рядом с богиней Ламассу всегда стоит Ламашту — «львиноголовая женщина-демон, поднимающаяся из подземного мира, насылающая на людей болезни и похищающая детей, демон детских болезней. Кормящая грудью свинью и собаку» [3, с. 36].

Результат «деятельности» Ламашту — анти-матери, абортирующие себя луковицами, прорастающими сквозь плод, отдающие себя на растерзание «подпольным абортмахерам», душащим и топящим собственных детей. В романе в этой роли выступает социальная действительность, социум, законами которого были запрещены официальные аборт, но при этом условия существования, при которых людям приходилось восстанавливать разрушенную страну, голодать, часто просить помощи для своих детей. В такой ситуации возникали и формировались так называемые «несемейные» герои Улицкой.

Лариева Э. В. говорит о противопоставлении в произведениях семейного пространства праведников внесемейному пространству героев — разрушителей, отмечая таким образом, что внутренняя направленность этих героев поддерживается внешней. «В оппозиции к семейному пространству «праведников» в прозе Л. Улицкой находится «не-семья»: отсутствие семьи, семья социального низа. ... Такое пространство приобретает значение аксиологической «пустоши», которое ведет к формированию «пустого» человека: без нравственных ориентиров, без духовного содержания» [2, с. 8]. Мы видим совпадение внесемейного пространства: оно совпадает с отсутствием дома в традиционном понимании у героев.

«Несемейным героем» - разрушителем в романе «Казус Кукоцкого» выступает Тома Полосухина: удочеренная Кукоцкими девочка, выросшая в социально неблагополучной семье и принятая в дом после смерти ее матери от криминального аборта. С появлением Тома в доме Кукоцких наступил разлад в отношениях Павла и Елены, которую шокировало пьяное ратование ее мужа за разрешение абортов. Еленой все это воспринималось в вывернутом, неистинном виде, она исходила из того, что аборт — это убийство, но никак не хотела понимать, что вследствие этого запрета умирают женщины, оставляя «бессемейными», «безбудущными» сотни детей. Ключевую роль в создании образа Тома Полосухиной, в раскрытии его смыслового и функционального наполнения играет сравнение девочки с мышью: «Два случайно совпавших события — семейная ссора и приход в дом Тома — как-то соединились вместе, и Елена с глубоко запрятанной неприязнью наблюдала за мышевидной девочкой, едва достающей Тане до плеча» [5, с. 94].

В образе Тома реализуются черты антропоморфизма, характерные для поэтики автора, что отмечается другими исследователями. Сравнивая героиню с мышью, Улицкая начинает с описания гаража с земляным полом, где прошло детство Тома, затем следует ее «серость», усредненность, отсутствие собственного мнения.

В тексте романа просматривается развернутая метафора, в итоге выстраивая контрастный мифологический образ. Выбор профессии так же связан с землей и темнотой: основное занятие Томи — «копаться в земле» выращивая растения, при этом захламляя и загрязняя дом, что соответствует в цветовом отношении темноте, сумраку, отсутствию света. «Деятельность героини ведет к разрушению: разладу в семье (после ее водворения в доме семья Кукоцких распадается), упадку дома (превращение его в грязную коммуналку). Все это соответствует функциям мыши как мифологического хтонического существа: нанесение вреда домашнему хозяйству, предзнаменование несчастий, болезни, смерти (в реальном плане сюжета это семейная ссора, болезнь жены, смерть дочери Кукоцкого, смерть семьи в метафорическом плане)» [2, с. 9]. Этому образу в романе противостоят образы Елены и Тани, тотемом, покровителем которых, выступает кошка.

Таким образом, в произведениях Л. Улицкой мифологема семья выступает как объединяющий центр и как возможность для развития личности. При этом в произведениях Л. Улицкой происходит изменение традиционных понятий «семья» и «человек». Следует обратить внимание, что «человек» в творчестве данного автора может рассматриваться как составная часть мифологемы «семья» и как индивидуальная единица картины мира. Без сомнения, автор рассматривает семью как главенствующую ценность. Можно выделить тип героя-праведника, который выполняет функцию собирания, объединения семьи и героя — разрушителя, который не может существовать в семье, разрушает ее, либо погибает сам.

Список литературы:

1. Зайцев А. Запретных тем нет // Интервью с Л. Улицкой. [НГ Религии — 2003-12-17];
2. Лариева Э.В. Концепция семейственности и средства её художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Э. В. Лариева. - Петрозаводск, 2009. 18 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С. А. Токарев. - М.: Рос. Энциклопедия., 1994.
4. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия/ Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В.Э. Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И.Б. Орлов, д-р ист. наук В.Л. Телицын; под общ.ред. В. Л. Телицына. — 2-е изд. М.: ЛОКИД ПРЕСС, 2005.
5. Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого. — М., 2007.
6. Улицкая Л.Е. Медя и ее дети. — М., 2004.
7. Энциклопедия символов, знаков и эмблем, 2002. — С. 82.

ОБРАЗ АДРЕСАТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ

Машукова Дарья Александровна

*к. фил. н., старший преподаватель СОФ НИУ «БелГУ»,
г. Старый Оскол*

E-mail: dariabogatireva@rambler.ru

В настоящее время исследователи не пришли к единому мнению, определяя специфику цветаевской прозы. Современные цветаеведы определяют ее как мемуары (А. Саакянц), очерки (Н. Козина), эссе (В. Швейцер), автокомментарий к поэзии (З. Мациевский), рассказы (С. Бунина) и т.п. Подобное многообразие мнений свидетельствует о сложности художественной структуры мемуарных текстов Цветаевой, сопровождающихся традиционным жанровым делением, что, собственно свойственно мемуаристике как таковой.

По всей вероятности, подход к жанровой природе мемуаров Цветаевой должен идти не столько от выяснения их конкретных жанровых форм, сколько от признания жанрово-родового синтеза, характерного вообще для литературы начала XX века, и своеобразие цветаевской прозы перспективнее рассматривать с точки зрения воплощения в тексте индивидуального авторского сознания.

Мемуарная проза М. Цветаевой представляет собой мемуарный метажанр, в рамках которого встречаются различные модификации (дневники, записные книжки, мемуарный портрет, воспоминания). Мемуарнонаследие М. Цветаевой органично вписывается в уже существовавшую традицию организации мемуаров как жанра и в то же время обладает своими особенными чертами. В ее прозе встречаем в одном произведении соединение элементов разных повествовательных систем, скажем, в дневниковых записях находим соединение эссе и записной книжки, что позволяет говорить о проявлении синтеза на жанровом уровне.

Записные книжки, как отчасти и дневники, изначально предполагают иного адресата, чем мемуары. Мемуары ориентированы на читателя, записные книжки и дневники — объект личного употребления, автокоммуникативны (записи ведутся для себя). Лишь впоследствии, по прошествии времени историко-культурная и эстетическая значимость этих записей может сделать их достоянием большой литературы.

Ориентированность на читателя — одна из особенностей позиции автора в мемуарном тексте. Прямое обращение к читателю можно

сравнить с выходом актера со сцены в зал — нарушается традиционная независимость актера от зрителей, повествователя от читателей. Читатель также втягивается в повествование, как зритель в действие пьесы. Но разрушение монолитности текста в данном случае кажущееся. Предполагаемый слушатель, читатель лишь укрепляет ее. Так, в «Повести о Сонечке», своеобразной мемуарной книге об актерах Вахтанговской студии М. Цветаева замечает: «Знаю, знаю, что своей любовью «эффekt» «ослабляю», что читатель хочет сам любить, но я тоже, как читатель, хочу сама любить, я, как Сонечка, хочу «сама любить», как собака — хочу сама любить...» [1, 4, с.293]. Читатель подразумевается как некое абстрактное лицо, но обращения к нему выявляют авторское присутствие в тексте.

Главной особенностью мемуарного дискурса Цветаевой является совмещение двух временных планов — времени совершения событий и времени воспоминания. Действительно, два временных измерения — «тогда» и «теперь» — присутствуют одновременно: «Приходила я к ней всегда утром, — заходила, забегала одна, без детей. Поэтому ее комнату помню всегда в сиянии — точно ночи у этой комнаты не было. Золото солнца на зелени кресла и зелень кресла в темном золоте паркета» [1, 4, с. 303]. В приведенном фрагменте из «Повести о Сонечке» устойчивые сигналы-слова (помню) указывают на временную двойственность произведения.

Если ретроспективный уровень в мемуарном пространстве представлен диалогом автора-повествователя с самими собой, осуществляемый через взаимодействие с текстом, то проспективный уровень позволяет обратить взгляд в будущее и осуществить диалог с реальной или воображаемой аудиторией. «Посредничество» автора-повествователя помогает читателю, прежде всего, получить достоверное и объективное представление о событиях и поступках, а также о внутренней жизни автобиографического героя.

Отметим, что данное «общение» актуально для всего корпуса мемуарной прозы Цветаевой, включающей и дневниковые записи автора, несомненно, предназначавшихся для чтения «чужими глазами», выстраивавшихся с ориентацией на постороннего, и достаточно широкого круга читателей.

Рассмотрение фактора адресата как реального или возможного реципиента мемуарного текста позволяют выделить несколько типов «внутренних собеседников» (А. Белецкий) автора-повествователя.

Первый тип — абстрактный читатель. Он предполагает скрытое присутствиеобраза адресата. Адресат выступает как современники, в большинстве случаев, потомок. Такое деление зависти от жанровой

модификации, в частности, в записных книжках и дневниковых записях предполагаемые читатели (Вы, Господа) исполняют роль незримого свидетеля, современника, к которому обращается автор-повествователь:

«О хамстве своей природы: Никогда не радовалась цветам в подарок, и если покупала когда-нибудь цветы, то или во имя чье-нибудь (фиалки — Парма — Герцог Рейхштадтский и т.д.) или тут же, не донеся до дому, заносила кому-нибудь. Цветы в горшке надо поливать, снимать с них червей, больше пакости, чем радости, цветы в стакане — так как я непременно позабуду переменить воду — издают отвратительный запах и, выброшенные в печку (всё бросаю в печь!), не горят. Если хотите мне сделать радость, пишите мне письма, дарите мне книжки про всё, кольца — какие угодно — только серебряные и большие! — ситчику на платье (лучше розового!) — только, господа, не цветы!» [1, I, с. 113].

Учет фактора адресата проявляется во включении в текст обращений. В приведенном фрагменте обращения к читателю дополняются формами императива, выражающие пожелание или совет.

Абстрактный читатель в мемуарной прозе лишен конкретных биографических черт, это скорее некая «усредненная» модель образа читателя (читатель-потомок): «...я только не хочу загромождать читателя, у которого свои цвета и свои на них резоны» [1, 5, с. 10]; «Первое мое видение музея — леса. По лесам, — как птицы по жердям, как козы по уступам, в полной свободе, высоте, пустоте, в полном сне... «Да не скачи же ты так! Осторожней, коза!» Эту «козу» прошу запомнить, ибо она промелькнула и в моем последнем видении музея» [1, 5, с.156 — 157].

Обращения автора-повествователя к абстрактному читателю дополняются формами императива, приглашающими к совместному действию. Формы совместного действия присутствуют с прямым выражением интенций повествователя, призывающего читателя к сотворчеству, и соответственно чередованием в контексте форм первого лица множественного числа и форм второго лица в обобщенно-личном значении: «Откуда мы знаем Гёте? По Фаусту. Кто же нам сказал, что Гёте — больше Фауста? Сам Фауст — совершенством своим. <...> А нет ли у тебя, читатель, чувства, что где-то — в герцогстве несравненно просторнейшем Веймарского — совершается — третья часть?» [1, 4, с. 152].

Второй тип — конкретный адресат, обладающий определенными биографическими чертами. Записные книжки, изначально не

предназначенные для печати, а использованные Цветаевой как материал для создания поэтических и прозаических произведений, тяготеют к фактам «интимно-личного» (М. Бахтин) самосознания. В них автор обращается к своим современникам, продолжая реальный или вымышленный диалог. Так, в записных книжках 1919 года Цветаева делает записи, обращенные к Ю. Завадскому: «Завадский! Я ничего не могу вам дать. Вам сейчас нужно, чтобы вас ценили, я могу только вас любить» [1, I, с. 81]; «Не называя Вашего имени (дабы не ставить точку над i Вашего тщеславия!) скажу Вам, что Вы единственный из всех поступили со мною правильно, ибо поступили чудовищно» [1, I, с. 109].

В «Истории одного посвящения» большая часть повествования построена как полемика диалог с Г. Ивановым, который в своих воспоминаниях под названием «Китайские тени» (1930) создает вымышленные неприглядные подробности о жизни Мандельштама в Коктебеле. Написанный в 1931 году во Франции, при жизни Цветаевой текст Цветаевой не был опубликован. Поэтому диалог получился «односторонним», однако в тексте это не ощущается, так как автор-повествователь последовательно приводит фрагменты из «воспоминаний» Иванова и комментирует их, своими ответами, тем самым, защищая образ Мандельштама.

Тональность подобных обращений ироническая, подчас доходящая до гнева и сарказма: «Товарищ пишущий, я никогда не ходила в розовых прелестных капотах, я никогда не была ни очень хорошенькой, ни просто хорошенькой, ни немного, ни много вульгарной, я никогда не была женщиной-врачом, никогда меня не содержал черномазый армянин, в такую «меня» никогда не был до беспамятства влюблен поэт Осип Мандельштам» [1, 4, с. 191]; «Если хочешь писать быль, знай ее, если хочешь писать пасквиль — меняй имена или жди сто лет. Не померли же мы все на самом деле! Живи автор фельетона на одной территории со своим героем — фельетона не было бы. А так... за тридевять земель... да, может, никогда больше и не встретимся... А тут — соблазн анекдота, легкого успеха у тех, кто чтению стихов поэта предпочитает — сплетни о нем» [1, 4, с. 196].

Третий тип — герой повествования как воображаемый собеседник. Такой тип адресата используется в мемуарной прозе Цветаевой для создания лирической экспрессии, а также для актуализации воспоминаний, введения автором-повествователем нового блока картин прошедшего: «Дорогой Гумилев, есть тот свет или нет, услышьте мою, от лица всей Поэзии, благодарность за двойной урок: поэтам — как писать стихи, историкам — как писать

историю» [1, 4, с. 179]; «Может быть, милая Надя, ты, оттуда сразу увидев все будущее, за мной, маленькой девочкой, ходя — ходила за своим поэтом, тем, кто воскрешает тебя ныне, без малого тридцать лет спустя?» [1, 5, с. 133]; «Милый Сережа, четверть с лишним века спустя, примите мою благодарность за ту большеголовую стриженую, некрасивую, никому не нравящуюся девочку, у которой вы так бережно брали тетрадь из рук. Этим жестом вы мне ее — дали» [1, 5, с. 126].

Ряд примеров позволяет утверждать, что подобный тип адресата — это люди, ушедшие из жизни, а обращение к ним автора-повествователя — дань памяти. Отметим, что именно в этом типе адресата функция автора-повествователя размывается, частично утрачивается. В данном случае можно говорить о проявлении авторского голоса, лирического «я».

В повествовательном плане подобные обращения к адресату являются авторскими отступлениями. Обычно авторские отступления являются средством выражения авторской позиции, отношения к этапным в жизни героя событиям, они также соединяют повествовательных планов в форме авторского комментария к описываемому. Таким образом, ориентация на адресата в мемуарной прозе М. Цветаевой способствует проявлению в тексте субъективности, экспрессии, лиризма, и характеризует ее как исповедальную прозу.

Список литературы:

1. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. — М.: Эллис Лак, 2000. — 560 с. В ссылке в скобках указывается том и страницы издания.
2. Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994 — 1995. В ссылке в скобках указывается том и страницы издания.

4.2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ПОВЕСТИ П. ОЙУНСКОГО «КУДАНГСА ВЕЛИКИЙ»

Бурцева Марина Анатольевна

*старший преподаватель Института зарубежной филологии и
регионоведения Северо-Восточного Федерального университета*

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

П. Ойунскому принадлежат основополагающие, концептуальные суждения о путях развития якутской литературы. Одна из главных его идей, в наиболее целостной форме высказанная в докладе «Значение 100-летнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина и наши задачи», заключалась в необходимости овладения «всем культурным наследием прошлых эпох, великими творениями гениев человечества», к числу которых он отнес классиков мировой литературы — Гете и Байрона, Роллана и Барбюса, и, конечно же, Шекспира, творчество которого так или иначе оказало влияние на становление и развитие всех без исключения национальных литератур. П. Ойунский не ограничивался узко профессиональным пониманием значения классического наследия только как школы мастерства для якутских писателей. Опыт и воздействие великих предшественников, «гигантов», по его терминологии, нужны для воспитания собственных мастеров слова, развития их художественного мышления и творческих сил [2, с. 140].

Влияние Шекспира на творчество П. Ойунского ощущается на различных уровнях художественного пространства его произведений, от постановки проблематики до использования средств поэтики. В данной статье рассматривается один из аспектов — отражение шекспировской традиции в построении образа шамана в повести «Кудангса Великий».

С особой силой масштабность трагического мироощущения передана в произведениях В. Шекспира и П. Ойунского посредством художественных образов. Если в трагедии Шекспира «Макбет» воплощением нарушения мировой гармонии являются образы трех

ведьм, то у Ойунского в повести «Кудангса Великий» носителем тайных сил природы становится шаман Чачыгыр Таас.

«Что представляют собой зловещие фигуры ведьм?» — задает вопрос крупнейший отечественный шекспировед А. Аникст: «Просто ли это уступка гуманиста Шекспира обскурантизму короля, распространявшего веру в колдовство? Или проявление предрассудков самого Шекспира? Но если это так, почему же мы, люди просвещенного времени, чуждые наивных заблуждений прошлого, не воспринимаем вещей жен как досадную деталь, портящую фасад величественного здания трагедии, а видим в них ее неотделимую часть?» [1, с. 766]

Потому что, каковы бы ни были предрассудки Шекспира и его современников, ведьмы в «Макбете» не бытовые фигуры, а образы символические. Наше сознание не нуждается в подтверждении их бытовой реальности, ибо они есть реальность поэтическая. Они не существуют вне сознания Макбета и Банко, которым прорицают их зловещую судьбу, корону и смерть, но только по-разному: Макбету — духовную смерть и непрочную власть, Банко — физическую гибель и прочную власть в потомстве. В трагедии подчеркивается тот факт, что никто, кроме Макбета и Банко, их не видит:

М а к б е т

Ты не видал вещуний?

Л е н о к с

Нет, не видел.

М а к б е т

У входа с ними не столкнулся?

Л е н о к с

Нет [4, с. 728].

В повести Ойунского также не раз упоминается о том, что обычные люди не могут напрямую вступать в контакт с обитателями мира духов. Об этом свидетельствует эпизод, когда по случаю свадьбы дочери и сына Кудангсы и детей правителя мира духов Великого Суоруна было приглашено огромное количество гостей:

«Великий Кудангса славный велел созвать соседей дальних, велел созвать соседей ближних, велел везти родных-знакомых, пришло народу видимо-невидимо, собралось люду несчетное множество...» [3, с. 18].

Однако как только посланцы тьмы спустились на землю, гости в ужасе попрятались, не смея и взглянуть на них:

«У всех собравшихся от страха заломило кости, всех пробирала дрожь; сбившись в кучи, забились они в дома, затаились в жилищах» [3, с. 19].

Присутствующие только почувствовали тяжелое дыхание ада: «дом наполнился тяжким смрадом-зловонием», да мельком увидели, как:

«...влетели, оставляя за собой синюю полосу, два горящих глаза и пропали в пологе хаппахчи, где спала девушка, два искрящихся огнем глаза впились в лавку, где спал парень и затаились там» [3, с. 19].

О том, что злые духи в повести Ойунского не принадлежат миру реальности также свидетельствует тот факт, что сам Кудангса общается с ними не напрямую, а через посредника — шамана, обладающего способностью вращаться между двух миров.

Шаман Чачыгыр Таас находился уже в преклонном возрасте:

«...Волосы его до того поседел, что даже пожелтели, сваялись, сам же до того постарел, что весь сгорбил, высох, опирался на посох, был мутным потухший, бессмысленный взор его» [3, с. 8].

Шекспировские ведьмы также весьма пожилые особы, не зря Макбет и Банко сначала приняли их за старух:

Кто эти
Иссохшие и дикие созданья?
...Я б счел вас за старух,
Не будь у вас бород [4, с. 663].

У шамана Ойунского много общего с шекспировскими ведьмами: все они являются проводниками в потусторонний мир и даже обладают привилегией напрямую обращаться к повелителям темных сил: ведьмы служат Гекате, античной богине ужаса и ночных кошмаров; шаман вызывает с просьбой к главе бесовского племени Великому Суоруну. Причем очевидно, что и они, в свою очередь, пользуются в мире духов почетом и уважением. Геката благодарит ведьм за верную службу:

Хвалю за труд. Спасибо вам!
Я каждой за него воздам [4, с. 723].

Великий Суорун внимает мольбам шамана и в знак особого расположения милостиво вручает ему «по одному волоску от

жеребцов сына и дочери; те два волоска были восьмигранные, в девяти местах пестрые, закрутишь слегка, они тут же выпрямляются» [3, с. 18].

И шаман, и ведьмы используют в своих колдовских обрядах и ворожбе различных животных: Чачыгыр Таас при помощи заклинаний вселяет духов-нечисть в тело жертвенного жеребца, прижимая к груди деревянные фигурки разных зверей и птиц; ведьмы варят в котле колдовское зелье из множества составляющих: «жир болотных змей, зев ехидны, клюв совиный, глаз медянки, хвост ужиный, шерсть кожаная, зуб собачий вместе с пястью лягушачей...» [4, с. 722].

Колдовские обряды, проводимые шаманом и ведьмами, выглядят очень похоже: сестры пускаются в неистовый пляс, образуя колдовской круг:

В круг, сестры! Мастерством своим
Мы дух его возвеселим
Заставлю воздух я для вас
Запеть, а вы пуститесь в пляс [4, с. 727].

Шаман Чачыгыр Таас также пускается мистическое подобие танца:

«Будто одержимый, заскакал-заплясал неистово, словно заколдованный, зашатался-закачался; зазвенели бубенцы, залились колокольчики, застучали звонко побрякушки, зарокотал глухо бубен, замелькала колотушка» [3, с. 16].

Кроме функции проводников между миром людей и миром духов, шаман и сестры-ведьмы выступают по отношению к остальным действующим лицам произведений в роли предсказателей судеб, предостерегая, или, наоборот, подстрекая к дальнейшим действиям.

Шекспировский Макбет изначально склонен воспринимать ведьм как предвестниц своей счастливой судьбы, даже не задумываясь об их злой сущности:

Уже сбылись
Два предвещанья — два пролога к драме
Монаршей власти...
...Будь он злом,
Он не послал бы мне залог успеха,
Начавшись правдой... [4, с. 667].

А между тем три ведьмы — настоящие носители зла и искушающие силы. Их предназначенье — вносить смуту и раздор между людьми, творить мелкие пакости или приносить серьезные несчастья, от травли скота до потопления судна с моряками. Когда же

на их пути попадаете такой честолюбивый и тщеславный правитель, ведьмы превзойдут себя на пути его низвержения:

Сердце честолюбца раньте
И во тьму обратно каньте! [4, с. 727]

Продолжая игнорировать принадлежность колдуний к силам зла, Макбет упорно именуется их не «ведьмами», а предпочитает называть «вещуньями» или «вещими сестрами», делая упор на их способности видеть будущее, неизменно благоволящее ему. Когда же удача изменяет ему, перед лицом смерти Макбет становится последним, кто понял двойкий смысл произнесенных ведьмами пророчеств и слишком поздно осознал их губительный подтекст:

Не верю больше я коварным бесам,
Умеющим двусмысленно вселять
Правдивым словом ложную надежду [4, с. 762].

По отношению к шаману Кудангса занимает прямо противоположную позицию, чем Макбет — к трем ведьмам. Если шекспировский герой склонен излишне верить колдуньям и преувеличивать значение их предсказаний, то Кудангса Ойунского, напротив, принижает значение слов шаман и не верит его предостережениям даже после того, как они сбываются. Наоборот, он оправдывает себя и свои поступки и никак не хочет признать очевидного:

«...Никак не могло быть в этом вины-греха... Бедняжки шаманы, имея ум короткий, сердце пугливое, не могут видеть глубоко, не прозорливы, потому несправедливы ко мне...» [3 с. 12].

И шекспировский Макбет и Кудангса Ойунского непоколебимы в своем решении управлять ходом вещей, одержать победу над судьбой. Их обоих не может остановить ни здравый смысл, ни опасность последствий, ни страх перед могущественными темными силами.

Макбет взывает к трем ведьмам о своей судьбе:

Где б ваши знания вы не подчерпнули,
Я ими заклинаю вас, ответьте,
Пусть даже ваш ответ принудит вихрь
Сражение с колокольнями затеять,
Валы — вскипеть и потопить суда,
Хлеба — полечь, деревья — повалиться... [4, с. 723].

А затем переходит к угрозам:

Нет, вы ответ дадите, или вас
Я прокляну навеки! [4, с. 726].

Кудангса тоже грозит шаману силой заставить его выполнить свое повеление:

«Сейчас я словно натянутая тетива, не позволю перечить мне ни слова. Отвечай немедленно — будешь камлать или нет?! Коль в страшное время добром не закамлаешь — заставлю силой» [3, с. 15].

Для того, чтобы выполнить повеление Кудангсы, шаман отправляется в долгое и опасное путешествие, которому предшествует сложный подготовительный процесс: семь дней шамана откармливали особой пищей, привели коня редкой масти, установили деревянных идолов — фигуры птиц и зверей. Затем следует обряд камлания, произнесения заклинаний, вселение духов-нечистей в тела животных — коня, птиц, зверей — традиционных помощников шамана в выполнении колдовских ритуалов. Невольно возникает ассоциация с мистическим обрядом, который проводят три ведьмы-вещуни в шекспировской трагедии перед окончательным освещением судьбы Макбета, готовя в котле ядовитое зелье и призывая на помощь призраков.

Отличие шамана Ойунского от трех ведьм Шекспира состоит в том, что он, будучи представителем того же проклятого колдовского племени, с самого начала повести в противостоянии Среднего и Верхнего миров выступает на стороне людей. Его функция прямо противоположна коварным деяниям ведьм: он не раз пытается предупредить своего правителя о зловещих последствиях его необдуманных и дерзких поступков, призывает его умерить гордость и смириться с судьбой. И лишь когда его уговоры не возымели действия, шаман с тяжелым сердцем соглашается помочь Кудангсе, а прежде всего его многострадальному народу перед лицом очередного бедствия. В этом смысле шаман Ойунского — прежде всего носитель гуманистического начала, воплощение высшей мудрости и живительных сил природы.

Список литературы:

1. Аникст А. Послесловие к Макбету. Шекспир У. Полн. собр.соч.: В 8 т. Т. 7. — М.: «Искусство», 1960. — 824 с.
2. Бурцев А. А. Якутская классическая литература и современность. — Якутск: «Бичик», 2007. — 160 с.
3. Ойунский П. Кудангса Великий. Повесть-предание // Полярная звезда, 1991. — № 1.
4. Шекспир У. Трагедии. — М.: «Эксмо», 2010. — 960 с.

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА «БЕЗ ВЫРАЖЕННОЙ ДОМИНАНТЫ» В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С.А. ПОПОВА — СЭМЭНА ТУМАТА

Федорова Туйара Афанасьевна

аспирант ИГИ и ПМНС СО РАН, г. Якутск

E-mail: t.a.fedorowa@mail.ru

Герой с противоречивым характером без четко обозначенного сущностного, ведущего признака, достаточно широко представленный в русской детской прозе 1980-х годов, появляется в качестве центрального персонажа в якутском рассказе, обращенном к той группе читателей, которую определяют как «дети среднего и старшего школьного возраста», в начале 1990-х годов, в произведениях С. А. Попова — Сэмэна Тумата. Отметим, в период социально-исторического кризиса, в условиях начавшихся непростых процессов изменения социокультурной ситуации авторы, пишущие на якутском языке, адресующие свои произведения вступающему в жизнь поколению, стремятся создать обновленную художественную концепцию личности, в которой существенное место занимает обращенность к традиционным национальным представлениям об идеале человека, соотношенном с общечеловеческим, гуманистическим началом. При этом получает свое дальнейшее развитие, усиливается тенденция, обозначившаяся в якутской детской прозе с 1960-1970-х годов и связанная с повышенным интересом к внутреннему миру ребенка, подростка, молодого человека, стремлением исследовать, раскрыть формирующийся характер, сложные процессы самопознания, прежде всего, в ситуации нравственного выбора. Проблематика якутского детского рассказа конца XX века, адресованного детям, подросткам, усложняется, «взрослеет»: авторы обращаются к проблемам противостояния жизненным явлениям и процессам, способствующим разрушению личности, обретения себя через возврат к традиционным нравственным истокам, взаимоотношений взрослых и детей, взаимоотношения человека и природы, трактуя их без категоричности и прямолинейности; конфликт все чаще приобретает внутренний характер, когда основной акцент ставится на психологическое начало. Изменяются типы героев, соотношенные с ведущими проблемами якутского детского рассказа указанного периода и авторской концепцией мира и человека. Наряду с разнообразными типами («озорник», «созерцатель» и т. д.) в центре внимания оказывается герой с неоднозначным, «текучим»

характером, в котором соединяются различные черты, разнонаправленные начала.

Появление живого, амбивалентного характера «без выраженной доминанты» в русской детской, подростковой и юношеской прозе М. И. Мещерякова связывает с направленностью творческого поиска в 1980-х годах, когда в условиях «меняющейся ситуации детства и юности» была поставлена художественная задача (по выражению писателя В. Маканина) уйти «из системы типажей к системе обыкновенного человека». Это позволило «детской, подростковой и юношеской прозе последних десятилетий отказаться от необходимости выводить именно положительный тип поведения: конечно, авторы по-прежнему хотят помочь своим читателям стать лучше, но при этом они не стремятся абсолютизировать добродетель и не «отсеивают» тех, кто со слабостями» [3, с. 143]. Важнейшим элементом данного характера называется способность к самооценке, самоанализу, что свойственно подростковому и юношескому возрасту. Отмечается, что стремление постичь сложный характер без выраженной доминанты в кризисной ситуации нравственного выбора привело к укрупнению и значительному усложнению характера, актуализации проблемы мотивации поведения героя, углублению психологизма (и в целом, по мнению исследовательницы, к психологизации и лиризации детской, подростковой и юношеской прозы) [3, с. 184].

Проявление подобных тенденций в рассказах якутского писателя С. Тумата имеет свою специфику. Рассмотрим особенности изображения характера «без выраженной доминанты», воссозданного в произведениях С. Тумата «Исполнение долга» («Иэс толонуут»), «Перечеркнутая судьба» («Толко тэбиллиитэ») и «Одна рюмка» («Биир урумкэ»), опубликованных в 1994 году, носящих черты лирико-психологической прозы.

Отметим, центральными в названных произведениях С. Тумата являются проблемы ответственности за свою судьбу и судьбы родных и близких людей, проступка и прощения, которые соотношены автором с традиционными национальными нравственными установками — почитать родителей, сохранять неразрывность родственных связей, быть активным творцом собственной судьбы, быть милосердным, сострадательным. В рассказах отчетливо прослеживается оппозиция «нравственный закон — проступок», проявляющаяся в авторской оценке происходящего с точки нравственно-этических представлений народа. Так, например, в «Исполнении долга» и «Перечеркнутой судьбе» упомянуты рассказчики, от которых повествователь услышал предание, — умудренные жизнью охотник Дайдан и старик Конан, последний

представлен как хранитель традиций народа. В указанных произведениях присутствуют короткие авторские обращения к читателю-ребенку, читателю-подростку, которые не только отражают отношение автора к происходящему, подводят «итоговую мораль», но и отсылают к нравственным императивам предков, в частности, разъясняя мотивы отдельных поступков персонажей («Перечеркнутая судьба»). Прямые авторские обращения («итоговая мораль»), восходящие к традиции нравоучительного рассказа, лишены нормативности: автор выбирает тон доверительной беседы, исключая категоричность суждений, обозначая ориентиры при рассмотрении сложных, раздираемых противоречиями характеров. Для автора важны не только внутренние побудительные мотивы поведения персонажей, процесс переоценки личности, но, в первую очередь, результат, следствие поступков, отражающееся и в судьбе самих героев, и в судьбах родных, близких, окружающих их людей. Не случайно все герои — взрослые люди, жизненные пути которых олицетворяют своего рода итог нравственного выбора, поступков, совершенных ими в детстве, юности.

Поскольку эти «итоги» разные, рассмотрим характеры героев названных рассказов С. Тумата в плане направленности их дальнейшего развития, приводящей к тому или иному результату. Исследуя характер «героя на перепутье» в русской школьной повести 1980-х годов, М. И. Чинаева выделила три группы: «1) герои, логика нравственных поисков которых неизбежно приводит их в стан людей с активным, деятельным гуманистическим, человеческим началом (Толик Рыжий, «Чучело» В. Железникова); 2) герои, в чьем характере пассивность по отношению к обстоятельствам и нежелание брать на себя бремя нравственного выбора так и остаются ведущими началами (Мила, «Осень» М. Прилежаевой); 3) герои, которые в сложной ситуации, требующей от них мобилизации всех душевных сил, могут предать и предают, совершают подлость (Дима Сомов, «Чучело» В. Железникова)» [5, с. 117]. В указанных рассказах С. Тумата смоделированы все три разнонаправленных вектора развития характеров героев.

Герой, дальнейшая эволюция характера которого в конце концов получает позитивную направленность, выведен в рассказе «Исполнение долга», написанном по мотивам народного предания, имеющего много общего с библейской притчей о блудном сыне. Бетёкя — юноша, ведущий разгульный образ жизни, не приемлющий вразумлений, наставлений отца и проматывающий после его смерти богатое наследство. В начале рассказа образ скорее схематичен, характер статичен, указаны только отрицательные черты: пристрастие к пагубным привычкам, ложь,

хвастовство. Основное действие произведения разворачивается в разоренном родительском доме, куда герой возвращается, обнищавший, больной и никому не нужный. Бетёккя-нищий — терзаемый чувством вины перед отцом, муками совести человек, которого сломили страдания. Он находится в столь сильном душевном напряжении, что галлюцинирует: слышит голос родителя, приказывающий выполнить его последний наказ. Перед смертью отец, предвидя, к чему может привести поведение сына, наказал ему вернуться домой, когда он дойдет до крайней степени нищеты: «...Чем мучиться, лучше покончи свою жизнь здесь, повесившись на этом деревянном крюке» [4, с. 14] (перевод с якутского языка на русский здесь и далее наш — Т.Ф.). Сын решает свести счеты с жизнью, но попытка самоубийства не удается, деревянный крюк срывается, обнаруживая клад, оставленный отцом. Осознание героем того, что отец подарил ему возможность начать новую жизнь, запоздалое раскаяние способствуют пониманию им истинной ценности жизни — целая гамма чувств, переживаний и мыслей выражена автором с помощью психологических деталей («невербальное обозначение чувств»): «Не ожидавший такого поворота событий, он *долго стоял, как оглушенный*. Наконец, осознав, что спасен, все более и более виня себя, сел на рассохшийся холодный пол и *заплакал, по-детски, навзрыд*» [4, с. 19]. В финале рассказа Бетёккя — удачливый торговец, умеющий вести дело. Раз в год он созывает друзей за богато накрытым столом, не объясняя им настоящей причины праздника: «В душе он радовался, что со временем все глубже и глубже осознавал истинное значение и смысл прошедшего события, которое спасло его и открыло ему дорогу в жизнь» [4, с. 20]. Бетёккя-торговец — это обыкновенный, «просто хороший» человек, в характере которого подчеркнуты новые качества: уважительное отношение к людям, доброжелательность, сдержанность в проявлении чувств. Для автора, прежде всего, важна мысль о силе всепрощающей родительской любви, выраженная в прямом обращении к читателю, потому характер героя в заключительной части рассказа обрисован менее выпукло, при этом точно определен вектор его развития, который связывается с активным, созидательным началом. Эволюция героя, трансформация инфантильности в ответственное отношение к жизни обусловлены пробудившейся в нем совестью (одним «из важнейших стимулов рефлексии литературных персонажей» [6, 216]), благодаря которой герой находит в себе силы признать собственные ошибки, преодолеть прежние заблуждения и стать творцом собственной судьбы.

Противоположную направленность демонстрирует развитие характера Маппыя («Перечеркнутая судьба»). Уличенный в краже

нескольких ячменных колосьев с колхозного поля, во время допроса активистом, он смалодушничал, сказав, что пойти на «преступление» его заставила мать. И хотя чудом никто не подвергся репрессиям, это приводит к трагическим последствиям. Семью, в которой и так недоедают, лишают пайка, положенного родным фронтовика (отец погибает на войне), умирают от голода и болезней трехлетний братишка и мать. Маппый не прощает обидных слов старшему брату Киргилу, в пылу ссоры обвинившего его в предательстве. Братья становятся чужими друг другу на долгие годы, разъезжаются. По прошествии времени их дети, не зная близкого родства отцов, решают соединить свои судьбы, тогда как по якутской традиции, о чем сообщает повествователь, такого рода браки невозможны. Ключевые моменты, определившие развитие характера Маппыя, реланмируются в ретроспекции, его воспоминаниях. В начале рассказа он изображен человеком со сложным характером, соединяющим разные черты: нежную любовь к дочери (боязнь нанести ей душевную рану), упрямство, жесткий отпор любым попыткам брата примириться. Таковы и качества Маппыя-ребенка, который любит своих родителей и маленького братишку, в то же время в нем присутствует малодушие, присуший его возрасту эгоцентризм. Авторская оценка поступков героя, выраженная в драматической, перерастающей в трагическую, тональности произведения, далека от категоричности, благодаря чему внутренний мир подростка отражен во всей многомерности и сложности. Так, во время допроса Маппый изображен голодным, испуганным ребенком, который в минуту слабости совершает роковую ошибку. Во время ссоры с Киргилом он глубоко потрясен «несправедливым» обвинением, считая себя незаслуженно оскорбленным и остро воспринимая свое внутреннее одиночество, отказывается от родства с единственным братом. После ссоры он упорно взращивает в себе злость на Киргила, которая затем переходит в ненависть, вражду, отчужденность, убеждает себя в правильности выбранного им одиночества и даже клянется в том именем матери. Запоздалое понимание истинного смысла совершенных в детстве поступков, приводит героя к мысли о том, что ненависть и вражда способны отравлять жизнь не только самим братьям, но и сказаться на судьбах их детей. Подобная модель поведения (отрицание связей, скрепляющих родных людей, человека с его корнями) не ориентирована на будущность и носит негативную направленность: в финале в обеих семьях воцаряется смятение, вызванное сообщением о близком родстве Маппыя и Киргила, влюбленные разлучены, вражда между братьями отзывается в душах их родных острой болью.

Характер Кеши в рассказе «Одна рюмка», молодого человека, не способного и не желающего преодолеть свою страсть к спиртному,

статичен. Он незлобив, по натуре мягок, безотказен. Выросший сиротой, Кеша знает ценность людской доброты, потому всегда готов помогать односельчанам: работая трактористом, не отказывал в помощи никому, как и не отказывался от благодарности — бутылки водки. В своей исповеди (составляющей основную часть композиции рассказа) на охотничьем привале, куда он случайно забрел, герой самокритичен, рассуждая о причинах, приведших его к беспробудному пьянству, хотя, безусловно, присутствие «ориентации на слушателя» очевидно. Его размышления о морально-этических, социальных проблемах, сопряженных с пьянством (сострадании и бездушности, стремлении к материальному благополучию; о пагубности пьянства для целых народов и т.д.) раскрывают его как думающего, тонко чувствующего человека, раздираемого внутренним противоречием, которое вызвано несоответствием декларируемых им мыслей (об искоренении этого социального бедствия) и поступков, ведущих к саморазрушению личности. Кеша изображен смирившимся с положением конченого пьяницы, по сути, утратившим смысл жизни. В рассказе отсутствует ситуация нравственного выбора, которая требует от героя «мобилизации всех душевных сил», перед читателем возникает только логическое следствие пассивности Кешы по отношению к жизненным обстоятельствам, поскольку автор ставит основной акцент на проблемах сострадания, человечности. В финале (который, заметим, остается открытым: о дальнейшей судьбе Кешы не сообщается) героя приглашают участвовать в охоте, по обычаю не обделяют при раздаче добычи — это отношение охотников к нему, горькому пьянице, как к равному, становится неожиданной радостью для него («...у него даже затряслись руки. Я увидел радость человека, который редко встречается с добрым отношением к себе» [4, с. 85]). В финале мотив трагизма судьбы героя («С того времени меня часто тревожит мысль, жив ли Кеша» [4, с. 85]) перекликается с надеждой, пусть и слабой, на позитивные перемены («Все же я надеюсь, что однажды в пору весенней охоты из леса снова навстречу мне выйдет Кеша» [4, с. 85]). Авторская оценка, отношение к герою («итоговая мораль» в рассказе отсутствует) переданы интонационной особенностью речи повествователя, а также посредством пейзажной детали (весенняя пробуждающаяся природа символизирует жизнеутверждающее начало).

Следует отметить, что рассмотренным рассказам С. Тумата свойственно глубокое исследование противоречивого характера героя во время одного переломного, ключевого события, с которого ведет точку отсчета новая направленность развития личности. Детальное рассмотрение мыслей, чувств, переживаний героя вне этого события

остаётся за рамками повествования, потому некоторые внутренние, глубинные мотивы поведения героев можно отнести к сфере подтекста. Выводя характер «крупным планом», автор использует различные формы и приемы психологического изображения: исповедь (внутренний монолог), галлюцинацию и особенно широко художественную деталь (собственно психологическую, включая «вербальное» и «невербальное обозначение чувства», пейзажную, портретную). Преобладает повествование «от третьего лица», которое, иногда сочетаясь с личной повествовательной формой, представляет собой органичное переплетение речи повествователя и речи героя. В результате образуется многоголосие, которое позволяет представить «объективную сущность» противоречивого, сложного характера героя.

Таким образом, векторы развития противоречивых, «без выраженной доминанты» характеров, определяющие следствие поступков, выбора героев соотносены с будущностью, которая связывается, прежде всего, с созидательным, позитивным, активным началом (Бетёкка, «Исполнение долга»). В то же время позиция С. Тумата по отношению к герою, поступки и поведение которого ориентированы на отрицание нравственных, этических императивов («Маппый», «Перечеркнутая судьба»), или персонажу, одними из сущностных признаков характера которого являются пассивность, неспособность и нежелание преодолеть пагубные привычки, ведущие к саморазрушению личности (Кеша, «Одна рюмка»), далека от категоричности. Автор доносит мысль, что каждый достоин простого человеческого участия и доброго к себе отношения.

Список литературы:

1. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / А.Б. Есин. — 2-е изд., перераб. — М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. — 176 с.
2. Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки / Редкол.: В. Н. Иванов, П. В. Максимова, М. Н. Дьячковская, Л.Н. Романова; Акад. наук РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. — Якутск, 2005. — 728 с.
3. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2-й половины XX века: Проблемы поэтики: Монография. — М.: МегаТрон, 1997. — 380 с.
4. Тумат Сэмэн. Иэс толонуутэ. — Дьокуускай: Бичик, 1994. — 128 с.
5. Чинаева М. И. Тенденции развития повести о школе в советской детской и юношеской литературе 70-80-х гг. (проблематика, конфликт, характер). Диссерт... к.ф.н. — 10.01.02. — М., 1989. — 213 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.

4.4. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ ГАБИТА МУСРЕПОВА

Ашимханова Светлана Ашимхановна

д.ф.н., профессор КазНУ им.аль-Фараби, г. Алматы

E-mail: svetlana-1943@mail.ru

В 20-30-ые годы XX века, по мнению Олжаса Сулейменова, «было самое плодотворное поколение в казахской советской литературе. Все они входят в когорту основоположников, каждый по-своему, каждый особой чертой своего дарования украсил родную словесность» [4]. Их отличала титаническая работоспособность и, как следствие, многогранность творческой и общественной деятельности. Не был исключением и Габит Мусрепов, писатель, литературовед, критик, сценарист документальных и художественных фильмов, либреттист оперных произведений, формирование которого происходило, в первую очередь, под влиянием русской литературы, культуры и науки. Как и его современники С. Сейфуллин, И. Жансугуров, Б. Майлин, С. Муканов, он ощущал свою личную ответственность перед обществом и народом: «Может показаться, что я недопустимо разбрасывался, и не только в выборе жизненного материала. Писал прозу, передовицы и очерки в газете, пьесы, сценарии документальных и игровых фильмов, занимался переводами, выступал в качестве литературного и театрального критика. Но причина тут не в легкомыслии, не в самомнении, что все, мол, мне доступно, за что ни возьмусь. Национальным писателям моего поколения (и не только казахским, но и киргизским, узбекским, туркменским и таджикским) приходилось быть едиными даже не в трех, а во многих лицах» [3].

Как считает З. С. Кедрина, «Габит Мусрепов — один из самых собранных композиционно и «выработанных» стилистически казахских писателей. Стиль произведений Г. Мусрепова всегда характеризовался изящной законченностью» [1, с. 23]. Эта отточенность, рафинированность, тонкость письма дали основание многим критикам говорить о нем как о ювелире слова. Сам писатель признавался, что этому способствовала строгая школа русской литературы. Исследователи и почитатели его таланта уверены в том,

что феномен Г. Мусрепова не только в его таланте, но и в универсальности его мышления, в глубоких познаниях во многих областях национальной и мировой культуры.

Одним из серьезных учителей Габита Мусрепова на протяжении всей его творческой деятельности был А. П. Чехов. Чеховский лаконизм, особые функции подтекста, новеллистичность повествования оказали серьезное влияние на структуру и содержание мусреповского художественного текста. Плодотворность учебы у А. П. Чехова с его любовью к семантике слова можно обнаружить в структуре рассказа «Аспанда болған жекпе-жек» («Поединок в небе») [2]. Даже не искушенный в знании казахского языка слух способен уловить характерную в этом сочетании аллитерационную и ассонансную звукопись, а также повторность корневого смысла в субъясном слове. В словообразе «жекпе-жек» соединились две смысловые характеристики. Этикетно-ситуационная символика заключена в исходном слове «жеке» — отдельный, единоличный. И чувственное, выражающее душевное переживание, заложено в этимологии понятия «жек керу» — ненавидеть, относиться недоброжелательно, не любить. Чуткое ухо носителя казахского языка сумеет воспринять в понятии «жекпе-жек» философский оттенок смысла. Ассоциативное восприятие складывается из тончайших смысловых оттенков: недоброжелатели, недруги (в тексте — придерживающиеся противоположных точек зрения) — один против одного, один на один. Речь идет о словесном поединке, философском споре, полемике.

Писатель демонстрирует безграничные возможности словесного образа, развивая и наращивая различные проявления неординарной ситуации. Два возможных ее прочтения заданы уже в экспозиции. В самолете происходит знакомство, которое нельзя признать обычным: собеседником Мусрепова оказывается правнук Мартынова, того, кто убил в 1841-ом году поэта М. Ю. Лермонтова. Завязавшаяся беседа вскоре приобретет остроту из-за несогласия сторон. И писатель считает необходимым ввести в авторское повествование слово-образ «жекпе-жек». Образ обозначен четко: поединок, определено также место действия — поединок в небе (вспомним чеховские «звучащие, значащие» заглавия: «Драма на охоте», «Дуэль», «Скучная история» и др.). Под пером Г. Мусрепова высвечиваются психологические характеристики слова, равнозначного имени: острый разговор, словесный поединок... Вслед за этими обозначениями озвучены следующие составляющие этого образа: «сайыска» (в бой) и «атыс» (дуэль).

В поэтике Г. Мусрепова зримость образа, как и у А.П. Чехова, приобретает характерологическое качество. Писатель охотно и умело пользуется средствами смежных видов искусства: живописи и кинематографа. Рассказчик дает портрет своего оппонента в особой стилистике кинообраза. Возникает осязаемое представление зрительного ряда в том виде, как это принято в киносценарии. При этом без привычных в литературном тексте авторских ремарок (похож на..., кажется, как будто, должно быть, напоминает и т. д.), в словесной характеристике выделяются только те черты и особенности, которые должны быть сфокусированы в кадре. Поэтому поражает моментальность, острота и одновременно — детальная четкость в восприятии автора.

Рассказ «Аспанда болған жекпе-жек» — выразительное подтверждение естественного Г. Мусрепову чеховского внимания к деталям, их правдоподобия, точности, смысловой взаимообусловленности и целесообразности, подтвержденных в структуре текста. Случайный факт: расположение кресел двух пассажиров по разные стороны от прохода переосмысливается в «жекпе-жек» — в позицию дуэлянтов по обе стороны воображаемого барьера. Полнота образа «аспанда болған жекпе-жек» достигается постепенным накоплением характерных черт. Примечательно, что Габит Мусрепов на всем протяжении рассказа ни разу не воспользовался словом «дуэль» в русском лексическом начертании и лишь один раз употребил слово «атыс» в прямом значении дуэли. В тех сюжетных эпизодах, где речь идет о дуэли Лермонтова или она воображается, также употреблено понятие «жекпе-жек» (поединок). Таким этимологическим способом достигается основная цель замысла: сблизить по силе нравственного воздействия два поединка — «жекпе-жек». Поэт погиб на дуэли и вошел в вечность, «смертью смерть поправ». Для автора-повествователя важна высокая истина — нравственная победа поэта: «Әңгіме дауда емес, шындықты ашуда ғой. Лермонтов оғынаспаңға атқаны мәлім» [2, с. 555] — /Суть не в споре, а в правде. Лермонтов выстрелил в воздух, как известно — пер. С. А./Всея сеть убедительно скроенных доводов и контрдоводов не оставляет сомнений в победе рассказчика, образ которого в конце повествования окончательно «совпадает» с личностью самого писателя.

Совмещение «точек зрения» повествователя и писателя и на уровне философского мышления, и в качестве композиционного приема подчеркнуто в тексте неоднократно введением автобиографических деталей и эпизодов. Рассказчик — «қараңғы қазақ Мусрептің

шөбересі..» (внук темного, то есть необразованного казаха Мусрепа), в жизни которого «әліппеден кейін ... қолына түскен бірінші орысша кітап Лермонтовтың бір томдығыболатын»/первой книгой на русском языке, попавшей в его руки после азбуки, был однотомник Лермонтова — пер.С. А./.

Однако использование в художественном произведении личных переживаний и обстоятельств может выступать и в роли художественного приема. Введенная в сюжет история с письмом Ираклия Андронникова, к которому обратился Г. Мусрепов за некоторыми уточнениями, также служит особым выразительным приемом. В поэтике композиции такие компоненты обозначаются как визуальные. Их уместность в достижении полноты замысла доказана неоднократно в истории мировой литературы. К примеру, чертежи военных карт в «Войне и мире» Л. Н. Толстого или авторские рисунки в «Маленьком принце» А. Экзюпери. Помещенная в словесном тексте рассказ «Аспанда болған жекпе-жек» родословная мусреповского соперника в столь значительном для писателя поединке способствовала достижению высшей, исторической достоверности повествования. В развязке Г. Мусрепов использует финал открытого типа, также часто встречающийся у русских классиков (вспомним развязку сюжета романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»).

В «диалоге» соперников настойчиво возникает вопрос, были ли соблюдены правила дуэльного этикета или кодекса. Автор-рассказчик убежден, что дуэль, по поводу которой возник спор, не имела ничего общего с честным поединком. Резко противоположная позиция у его оппонента, который нервно пытается оправдать своего прадеда различием восприятия одной и той же ситуации в разные эпохи. Для автора-повествователя сам факт обращения к этому событию, настойчивые поиски настоящей, исторической фамилии своего соперника — это продолжение «жекпе-жек», поединка Лермонтова и Мартынова. Тональность повествования, особенно в финале, куда доверительно введен читатель: «Енді кім? — дейсіз ғой. — Білмеймін» (Вы меня спросите: Кто это? — Не знаю — пер. С. А.), — приближает читателя к восприятию авторской мысли, заключенной в подтексте. В дискуссии не удалось установить победителя, но в поединке он обязательно должен быть. И всплеск эмоций по поводу обретенной злополучной фамилии выражен в откровенном возгласе-крике: «Табылды. Табылды!... — Квитко!...» (Нашел. Нашел! Квитко!...) [2, с. 558—559]. Именно так в оригинальном тексте с восклицательными знаками и говорящим многоточием, предполагающим продолжение темы, демонстрируется финал

открытого типа, что в подобной позиции побуждает читателя к проявлению повышенного интереса к событийной канве рассказа.

Выраженная таким активным образом в форме прямой речи установка на восприятие читателя свидетельствует не столько об ее предварительности, сколько о преднамеренной «непредвиденности». Синтаксис заключительных фраз в финале рассказа задерживает внимание, обязывает к обдумыванию. В предпоследнем предложении фамилия попутчика уже прозвучала: «Мартынов шөбересінің фамилиясы Квитко екен...» (Фамилия внука Мартынова оказалась Квитко... — пер.С. А.). Можно было поставить точку или, как у Г. Мусрепова, многоточие, рассчитанное на обратную связь. Но писатель посчитал необходимым выделить фамилию дополнительно, четко очертить ее особыми знаками препинания. И в таком оформлении эта назывная фраза воспринимается как «сигнал», непременно рождающий эхо, что предельно сближает автора с А. П. Чеховым.

Список литературы:

1. Кедрина З. С. Из живого источника: Очерки советской казахской литературы — Алма-Ата: Жазушы, 1966. - 432 с.
2. Мусрепов Ғ. Аспандағы жекпе-жек // Мүсірепов Ғ. Таңдамалы шығармалар: Үш томдық. — I том.- Алматы: Жазушы, 1980. — 544 б.
3. О Г. М. Мусрепове // Казахстанская правда. 1982, 21 января.
4. Сулейменов О. «...Всех их мы называем Учителями...» // Казахстанская правда, 1986, 2 января.

МУХТАР АУЭЗОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ

Какильбаева Энкар Толымхановна

*к. фил. н., доцент КазНУ им. Аль-Фараби, г. Алматы, респ. Казахстан
E-mail: inkar.kakil@mail.ru*

В казахской литературе нет ни одного писателя, контактно-типологические связи которого с русской и мировой литературой были так широки и многообразны, как в творчестве Мухтара Омархановича Ауэзова. Связи творчества М. Ауэзова с произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Островского, Н. Чернышевского, Ф. Достоевского, А. Чехова общепризнанны. Причем эти связи носят преимущественно типологический характер. Связи его творчества с произведениями русских писателей советского периода носят больше контактный характер. Мухтар Ауэзов хорошо знал творчество М. Горького, Дмитрия Фурманова, рано ушедшего из жизни, дружил со многими русскими писателями советского периода — Всеволодом Ивановым, Николаем Ановым, Александром Фадеевым, Ильей Сельвинским, Юрием Тыняновым, Николаем Погодиным, Михаилом Шолоховым, Леонидом Соболевым, Всеволодом Рождественским, Николаем Тихоновым, Анной Никольской, Константином Алтайским, Алексеем Толстым и многими другими.

Одним из любимых его русских классиков, несомненно, был А. С. Пушкин. Неслучайно, первая публикация в 1936 году из начатого романа об Абае называлась «Как Татьяна запела в степи» и вновь обратила внимание современников на творчество и личность запрещенного в двадцатые годы казахского поэта Абая. Первым литературным опытом М. Ауэзова было школьное сочинение «Ураган», в котором он описал, как степной вихрь унес юрту его матери. Не только детские впечатления легли в основу этого сочинения, но пушкинская «Капитанская дочка», в которой описывается буря в степи. Позже Ауэзов мастерски разворачивает их в грандиозную картину бурана и джута в эпизодах, связанных с гибелью Исы, во втором томе романа-эпопеи «Путь Абая».

М. Ауэзов испытал также благотворное влияние и М. Ю. Лермонтова, об этом говорят его заметки, свидетельствующие о его внимательном прочтении этого писателя. Во время работы над образом Абая, переведившего Лермонтова, Ауэзов воссоздает ту творческую атмосферу, которая царил в Жидебае, в юрте Абая,

в его окружении, показывает Абая, воодушевленного «Вадимом» и лирикой Лермонтова. Психологический анализ Ауэзова, мастерство создания конфликтов, приемы раскрытия внутреннего мира героев, внутренние монологи говорят о творческом освоении Ауэзовым опыта лермонтовской психологической прозы. Некоторые казахские исследователи проводят параллели между Печориным и героями М. Ауэзова: Абиш, сын Абая, во многом напоминает как Печорина, так и самого Лермонтова, есть аналогии в образах и судьбах самого Абая и Магавы с героями Лермонтова.

Еще один писатель, оказавший влияние на творческую манеру Ауэзова, — Ф. М. Достоевский. Он признавался, что в конфликте Абая и Кунанбая нашел пружину для развертывания эпизодов последующих глав в романах Достоевского и Тургенева: «Я вспомнил о Федоре Карамазове и его детях, о тургеневских отцах и детях» [1, с. 245]. М. Ауэзов, обычно очень скупой на указания о связях своих произведений с какими-либо источниками, здесь упоминает сразу двух русских писателей. К Достоевскому у Ауэзова было особое отношение. Он специально занимался проблемой взаимоотношений Ф. Достоевского и Ч. Валиханова. Павел Косенко в романе «Иртыш и Нева», рассказывая о дружбе этих двух великих людей, ссылается на М. Ауэзова. Современные исследователи пытаются провести параллели между Газизой из «Сиротской доли» Ауэзова и Сонечкой Мармеладовой Достоевского, которые, по их мнению, схожи и портретно, и по трагическому накалу, и по трудной женской доле.

О другом писателе и его роли в творчестве Ауэзова упоминает Иосиф Брагинский, видный ученый-востоковед, который встречался с Ауэзовым в конце пятидесятых годов и записал следующий разговор: «Вот будете, возможно, и вы писать о влиянии, которое оказала на меня русская литература, огромное, ни с чем не сравнимое влияние. Но каков его характер, как оно проявляется? Назовете, конечно, М. Горького, назовете Л. Толстого. И это тоже верно. Но знаете ли вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь! Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно. Литературное влияние — это не простая вещь, его только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние происходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всегда заметно для невооруженного взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всех и любил смолоду» [2, с. 265]. Когда говорят о влиянии Тургенева на творчество М. Ауэзова, то в

первую очередь упоминают типологическую общность сострадательного гуманизма Тургенева и М. Ауэзова, сопоставляют тургеневскую историю о Герасиме с эпизодами о батраке Исе и его смерти в эпопею М. Ауэзова. Несомненно влияние Тургенева-пейзажиста на «Степные картины» М. Ауэзова, которые родились не без участия «Записок охотника», функции пейзажа в «Пути Абая» имеют типологически схожие черты с тургеневскими описаниями природы в его романах. Еще одно сходство на типологическом уровне можно обнаружить в поэтике Тургенева и Ауэзова, сопоставив тип тургеневских девушек с ауэзовскими женскими образами.

Таковым же глубинным является влияние на него Л. Н. Толстого. Он слышал это имя от деда Ауэза, а позже, будучи семинаристом, пересказывал деду толстовского «Хаджи-Мурата». Многие мотивы повести «Караш-караш» («Выстрел на перевале») навеяны кавказскими повестями Л. Толстого, в первую очередь, «Хаджи-Муратом». Не случайно, первый перевод, сделанный М. Ауэзовым в 1918 году, был рассказ Л. Н. Толстого «После бала». Но все же контактно-типологические связи творчества Л. Толстого и М. Ауэзова лучше всего обнаруживаются при сопоставлении «Войны и мира» и «Пути Абая». Жанрово-композиционные особенности, «диалектика души», соотношение исторического факта и художественного вымысла, философские концепции, сюжетные детали, отступления, пейзаж и его функции, национальное и интернациональное др. — основные точки соприкосновения этих двух художников слова.

Говоря словами критика и литературоведа М. Каратаева: «Нет и не было ни одного казахского советского писателя, который не испытал на себе могучего горьковского влияния» [3, с. 93], можно рассмотреть вопросы влияния этого писателя на Мухтара Ауэзова. Казахские литературоведы отталкиваются от высказываний самого Ауэзова, так, Мухамеджан Каратаев пишет, что «...в 1959 году, М. Ауэзов, только что получивший Ленинскую премию, выступая перед студентами, заявил, что одним из важнейших факторов, влиявших на содержание эпопеи «Путь Абая», является давно изучаемое им творчество Горького. В частности, он указал, что образ Зере, бабушки Абая, осмыслен им под прямым влиянием образа бабушки Кашириной из «Детства» Горького» [4, с. 217]. Примерно так же аргументирует свои положения И. Х. Габдиров: «М. Ауэзов рисует облик юного Абая и бабушки Зере в плане горьковской трактовки», так же, как и Горький, Ауэзов подчеркивает страстное стремление, исключительный интерес своего героя к знанию и культуре «... подобно Горькому, Ауэзов олицетворяет природу [5, с. 93].

В работе З. Кедринной «Из живого источника» следует ссылка на «собственное признание художника» о непосредственном влиянии горьковского «Челкаша» на образ Бахтыгула из повести «Караш-Караш» и делается вывод, что «Ауэзов творчески освоил принципы типизации, свойственные молодому Горькому» [6, с. 369]. Е. Лизунова, обращаясь к этому же аргументу, цитирует книгу М. Ауэзова «Мысли разных лет»: «Из образно-сюжетных построений Горького я помню в своей творческой практике огромное влияние повести «Челкаш» на обрисовку характера и социального окружения моего героя Бахтыгула из повести «Караш — Караш» [7, с. 15]. Следует упомянуть и о той роли, которую сыграл Горький в личной судьбе М. Ауэзова. Известно, что Горький был в курсе событий, происходящих в Казахстане 30-ых годов, он заступился перед властями за Мыржакыпа Дулатова и других представителей казахской интеллигенции. После выхода в свет пьесы «Хан Кене» в 1934 году над Мухтаром Ауэзовым сгустились тучи, снова могли быть неприятности, вплоть до ареста. Через Всеволода Иванова Горький узнал об обвинениях в адрес Ауэзова и помог избежать Ауэзову серьезных репрессий.

Показательна история с покаянным заявлением: в 1932 году М. Ауэзов вышел из тюрьмы, написав открытое письмо. В нем он признавался, что заслуженно считался «идеологом байства и алаш-ордынски настроенной интеллигенции». В какой-то степени можно провести параллели между судьбой Максима Горького, вернувшегося из эмиграции и как бы признавшего победу советской идеологии, и этим покаянным письмом Ауэзова, написанным ради сохранения себя в жизни и в литературе тех лет.

Известно, что Ауэзова привлекали писатели из литературных группировок 20-х годов, прежде всего ему импонировали идеи конструктивистов: поиски стиля эпохи, повышенное внимание к технико-организационным вопросам, поэтому он так тесно общался с И. Сельвинским, теоретиком группы К. Зелинским. Привлекали внимание М. Ауэзова и «Серапионовы братья». Из их среды он был дружен с В. Ивановым. Естественно, его интересовали и увлекали поиски Ю. Тынянова в области биографического исторического романа. Ю. Домбровский говорит о влюбленности в стиль Ю. Тынянова в период работы над первым своим романом «Державин». Таково же было отношение к Тынянову и у Ауэзова, что не могло не сказаться на стиле его эпопеи.

Один из первых опытов в жанре романа-эпопеи был проделан в советское время А. Н. Толстым в эпопее «Хождение по мукам».

Опыт А.Н. Толстого в создании новоготропозаического жанра был, несомненно, учтен М. Ауэзовым при создании своей эпопеи. Обоих писателей сближает типологическое сходство в их романах: широкая панорама событий, выдвижение на первый план исторических, а не вымышленных героев; наличие хроникальных элементов в развитии сюжета, изображение судьбы не только отдельных героев, но и всего народа в целом.

Но более всего Ауэзов в процессе создания эпопеи об Абае опирался на опыт автора «Тихого Дона» М. А. Шолохова, хотя эпопея М. Ауэзова принципиально отличается от романа Шолохова тем, что она написана на историческом, а не на современном материале, во-вторых, она менее политизирована, в третьих, в центре романа М. Ауэзова реальное историческое лицо, символизирующее творческое созидательное начало и все лучшие качества народа. Все это свидетельствует о том, что Ауэзов творчески перерабатывает традиции русской реалистической классики, идущие от Л. Н. Толстого к Ю. Тынянову, А. Толстому и М. Шолохову, и создает национальную эпопею об исторической личности.

Как видим, русская литература была для Мухтара Ауэзова не просто школой. Она способствовала тому, чтобы в его главном труде — романе-эпопее «Путь Абая» творчески воссоединились традиции культур Запада и Востока.

Список литературы:

1. Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. — Алма-Ата: Жазушы, 1972. — 369 с.
2. Брагинский И.С. Ученый-поэт // Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. — Алма-Ата: Жазушы, 1972. — с. 263-269.
3. Каратаев М. К. Буревестник // Каратаев М. Свет русской культуры. — Алма-Ата: Казахстан, 1975. — с. 93-97.
4. Каратаев М. К. Классик казахской советской литературы // Каратаев М. Свет русской культуры. — Алма-Ата: Казахстан, 1975. — с. 215-221.
5. Габдиров И. Х. Русско-казахские литературные связи советской эпохи. — Алма-Ата: Наука, 1968. — 293 с.
6. Кедрина З. С. Мухтар Омарханович Ауэзов // Кедрина З. Из живого источника. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 280 с.
7. Лизунова Е. В. Современный казахский роман. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. — 360 с.

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ
В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
(ТВОРЧЕСТВО ЧЖАН ЛИН
КАК ОБРАЗЕЦ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ
С НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ)**

Букатая Анастасия Михайловна

аспирант БГУ, г. Минск, респ. Беларусь

E-mail: kenga_bu@tut.by

В условиях современных глобализационных процессов, а также в последние пару десятилетий увеличивающегося интереса к экономике и, как следствие, культуре Китая, оправданным представляется исследование китайской литературы как призмы, преломляющей часть этносоциальной, этнокультурной памяти народа. Проблема национальной самоидентификации всегда была чрезвычайно актуальна для китайской литературы, а во второй половине XX и начале XXI века этот вопрос стал ещё более злободневным и популярным среди литературоведов-востоковедов.

Появление такого понятия как этнокультурное пограничье в китайской литературе обусловлено во многом социально-политической ситуацией, сложившейся в Китае и за его пределами. Развитие культуры в современном Китае отличается исключительной динамикой и восприимчивостью и особой избирательностью к культурным явлениям извне. Очевидно, что понятие современной китайской культуры в популярном его восприятии включает в себя не только культуру населения в пределах государственных границ, но и культуру мирового китайского сообщества. После всех неспокойных лет китайская литература получила возможность расширить границы. Сегодняшняя китайская литература включает не только произведения писателей и поэтов из КНР, Тайваня, но и из Сингапура, других государств южной Азии, Европы, Северной Америки.

В литературе это нашло наиболее яркое и понятное проявление, а изучение этого вопроса может оказаться полезным не только для филологов-литературоведов, но и для представителей других областей науки, для налаживания отношений и большего взаимопонимания в различных сферах деятельности с представителями китайской нации или разделяющими её мировосприятие. Изучение гибридной национальной идентичности становится весьма актуальной проблемой для современного литературоведения, но особенно ярко это проявляется в азиатско-американской литературе. Среди отечественных

и зарубежных исследований, в которых освещаются вопросы мультикультурализма и гибридной идентичности в литературе, можно отметить работы Бутениной Е.М., Поповой М.К., Тлостановой М. В., Стюарта Холла, Элейн Ким, Рейчел Ли и др.

Ярким примером творчества, репрезентирующего проблему национальной идентичности, а также отражающего национальную специфику в литературе, может служить творчество Чжан Лин (Zhang Ling). Чжан Лин является уроженкой округа Вэнь провинции Чжэцзян КНР, окончила факультет иностранных языков университета Фудань (Шанхай). В 1986 году уехала учиться в Канаду, получила степень магистра по английской литературе и получила медицинское образование. Обосновалась в Торонто, где заведовала амбулаторией, специализирующейся по болезням слухового аппарата. Начала писать в девяностых годах XX века. Романы «Невеста по почте», «Встречные берега», «Полнолуние», повести и рассказы «Овечка», «Житейское море», «Женщина сорока лет» считаются её наиболее известными произведениями. Рассказ «Женщина сорока лет» был удостоен «Октябрьской литературной награды». Чжан Лин также известна как обладатель международной премии за лучшую прозу на китайском языке. Её относят к писателям китайского зарубежья, тем, кто переехал за границу уже в сознательном возрасте, что находит отражение в их творчестве. Национальная специфика ярче всего проступает на проблемно-тематическом уровне текстов. Актуальным материалом для исследования проблемы национальной идентичности в эпоху мультикультурализма и интересным с точки зрения русскоязычного переводчика может оказаться творчество этой писательницы, не слишком широко известной в родном Китае.

В начале восьмидесятых годов XX века в Китае наблюдали одну из самых крупных волн иммиграции, основную часть которой составляли студенты. Прошло более двадцати лет, и именно большая часть студентов, уехавших в то время учиться за границу, и оказались основоположниками такого явления в китайской литературе как *Naiwai* (хайвай, дословно: «заморская»). Безусловно, объединение опыта и знаний, приобретённых за пределами родины и возможности более объективного и всестороннего анализа жизни в Китае, сформировали особый тип отношения к реальности, что отразилось во многих сферах жизни, но в литературе — особенно. Китайская критика также называет это явление *Xinyiminwenxue* (новая иммигрантская литература). Интересно также то, что для определения писателей-китайцев, уехавших за границу, сами китайцы используют термин хайвай (заморский), но хотя он и близок к «зарубежный, иностранный», их в китайской критике не заменяют друг другом, а наоборот, расставляют на них акценты. Итак, можно сказать, что

литература китайских писателей-иммигрантов завоевала особый статус. Безусловно, критерием является не местожительство авторов, но то, что в их книгах нашло отражение противоречие взаимосвязи и столкновения разных культур, образа жизни, мировоззрений и многого другого, что в итоге явилось главной темой их произведений. Это привлекло к себе внимание общественности и не позволило игнорировать эту группу писателей. Особенностью этой литературы также можно выделить демократизм мышления. Это не значит, что у других авторов он отсутствует, но очевидно, что в литературе китайского зарубежья он выражен, безусловно, сильнее.

«Скитания слов подобны осеннему листу своей ветреной лёгкостью, но их существование, однако, подобно надгробным камням, они тяжелы, и это невозможно не признать. И тогда я часто напоминаю себе: опуская перо, будь осторожна» [3, 1]. Этому принципу писательница следует неукоснительно. Проблема национальной идентичности рельефно очерчена в её раннем рассказе «Женщина сорока лет», т. к. в нём описан фрагмент жизни иммигранта на самом тяжёлом, начальном её этапе. Рассказ «Женщина сорока лет» автобиографичен. Героиня — китайская иммигрантка, живёт в Канаде, работает в реабилитационном отделении амбулатории, специализирующейся по заболеваниям слухового аппарата. Чжан Лин — мастер психологической прозы. В рассказе нет недовольства ни своей родиной, ни Канадой напрямую. Описан один день из жизни женщины, которой в этот день исполняется ровно сорок лет. Сюжет прост и незамысловат, чем и привлекает. Главное действие происходит «в голове» у героини. Интересны её ощущения и мысли. Рассказ, несмотря на небольшой объём, наполнен традиционными для китайской литературы символами, мотивами, образами. Концовка открытая, и если эпиграф звучит скорее как утверждение, то последняя фраза требует расшифровки, продолжения. Здесь самое время вспомнить даосское понимание беспредельности. Автор создала непередаваемое ощущение непостижимости. В целом, тенденция к определению как процедуре наложения пределов на беспредельное целое остается непонятным восточному духу актом.

Во время написания писательница ещё хорошо помнила годы студенчества вдали от родины. В этом рассказе просматривается настроение обиды человека на резко меняющийся, окружающий его существование, мир. В более поздних романе «Житейское море» и рассказе «Овечка» писательница отразила уже другой подход жизни, соответствующий другому периоду её жизни, когда она уже постепенно отходит от тяжёлой неопределённости и потерянности переходного этапа.

Все произведения Чжан Лин самобытны и обладают большой художественной силой, её повести и рассказы не уступают романам и их даже можно поставить в один ряд. Её роман «Житейское море» рассказывает историю одного мужчины и трёх женщин. Женщину можно сравнить с цветком, её можно сравнить и с деревом. Сначала мужчину привлекает цветок, но в итоге он неизбежно выбирает дерево. Так можно выразить главную идею этой книги иносказательно. И наоборот, «Три партии мелодии любви» повествуют об одной женщине и трёх мужчинах и о том, как сложно разобраться, когда в «мелодию любви» вплетены трое. В «Визите родителей» Чжан Лин показывает пожилую пару, которая всю жизнь только заботилась о детях, создала ради них и была лишь фоном для них. Но история их чувств поразительна, хотя на первый взгляд незамысловата и проста в глазах окружающих. Герои рассказа «Овечка» как раз и похожи на это животное тем, что слабы, безвольны и повинуются, когда их куда-то гонят. Но жизнь полна случайностей, и непреодолимые трудности и неземные радости совершенно неожиданно пересекаются.

Условно говоря, развитие художественных языков XX века характеризуется наличием и взаимодействием в них двух художественных векторов. Это, во-первых, художественный «традиционализм», во-вторых, художественный модернизм. Текст указанного выше рассказа, скорее, традиционен, реалистичен, так как ему свойственны традиционная логика причинно-следственных связей и традиционные объектно-субъектные отношения, вписанность действия в мир исторических и социально-узнаваемых реалий, объективированный характер повествования, традиционная логика пространственно-временных отношений, социально-психологический детерминизм характеров, линейность текста. Для китайской (в отличие от западной) литературы XIX–XX веков традиционализм особенно характерен. Китайская словесность всегда выделялась и будет выделяться спецификой национальной картины мира, особенным традиционализмом мышления литературной мысли и исторической преемственностью даже в условиях современных глобализационных процессов.

Список литературы:

1. Бутенина Е. М. Гибридная идентичность как литературная проблема: На материале китайско-американской женской прозы XX века: автореферат диссертации к. филол. н.: 10.01.03. — М., 2006. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/219839.html>
2. Кравцова М. Е. История культуры Китая — СПб.: Лань, 2003. — 416 с.
3. Чжан Лин. Житейское море — Наньнин: Народное издательство Гуаньси, 2004. — 196 с.

ЧЕЛОВЕК «ЭПОХИ ДЖАЗА» — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ?

Дашидоржиева Ульяна Батовна

аспирант ЗабГУ, г. Чита

E-mail: xo4uvtibet@mail.ru

Первые десятилетия XX века вошли в историю США как «эпоха джаза». Зародившись в конце XIX — начале XX столетия в результате синтеза африканской и европейской культур, джаз, как новая форма музыкального искусства, стал завоевывать Соединённым Штатам мировую славу новаторства.

Яркими характерными чертами стиля джаз изначально стали импровизация и полиритмия. Таким образом, в звучании джазовой музыки современники ощутили совершенно невероятную стихию ритмов, заключающуюся в несоблюдении и несогласованности тональностей и высоты звуков, сливавшихся в единый гул. Вообще, вся музыка джаза строилась на конфронтации и противоречии, а всё потому, что новый стиль не имел прочного скелета, а строился целиком на импровизации музыкантов.

В период 1910—1930-х гг. джаз стал своего рода ярким символом времени, отразившим в полной мере напряжённый пульс эпохи и психологию современников.

В литературу «эпоха джаза» вошла под названием «потерянное поколение». Этим термином обозначили группу некоторых американских и европейских писателей, творивших в период между двумя мировыми войнами. Так называемые представители «потерянного поколения» — писатели Эрнест Хемингуэй, Френсис Скотт Фицджеральд, Уильям Фолкнер, Джон Дос Пассос — стали своеобразным и противоречивым явлением американской литературы 20-х годов. Для них характерно обращение к теме бессмысленности войны и к судьбе молодого интеллигента в послевоенной Америке. Так, протест против войны очевидным образом выражен в произведениях Хемингуэя «Прощай, оружие!», Уильяма Фолкнера «Солдатское вознаграждение», Джона Дос Пассоса «Три солдата». Бесперспективность судеб молодых людей в поствоенном мире вырисовывается в таких известных романах, как «И восходит солнце» Хемингуэя, «По эту сторону рая» Скотта Фицджеральда.

«Осуждение бесчеловечности и бессмысленности империалистической бойни, бесперспективности существования и утраты цели жизни вернувшимися с театров военных действий молодыми

людьми приобретало тем большую страстность и убежденность, что сами авторы этих романов были непосредственными участниками первой мировой войны, как Хемингуэй и Дос Пассос, или какое-то время служили в армии в Америке, как Фолкнер и Фицджеральд», — пишет известный исследователь американской литературы XX века Я. Н. Засурский [1, с. 191].

Конечно, каждый из вышеперечисленных писателей индивидуален, не похож на другого, но, тем не менее, термин «потерянное поколение» может быть применён к ним всем: их объединила общая эпоха после первой мировой войны, крах прежних идеалов и поиски новых ценностей, происходивших под выразительные ритмы джазовой музыки.

Нередко «эпоху джаза» называют самым беззаботным и радостным периодом в истории США. Считается, что термин «джазовый век» был введён Фицджеральдом: в 1922 году писатель выпустил сборник новелл под названием «Рассказы джазового века», тем самым дав своё альтернативное понятие эпохе «потерянного поколения». Недолгий расцвет творчества автора пришёлся именно на эту пору, когда, говоря его словами, «Америка затевала самый массовый, самый шумный карнавал за всю свою историю». Но за болезненной поэзией «века джаза» Фицджеральд всегда чувствовал драматизм его социальных конфликтов. А джаз воспринимался как «искусство, в котором выразилась, быть может, самая примечательная черта эпохи — её динамичность и вместе с тем скрытая за её хаотичной активностью психологическая надломленность» [2, с. 38].

Как уже упоминалось выше, главным героем литературы этого периода являлась послевоенная американская молодёжь. В центре повествования произведений «потерянного поколения» — молодые люди, юноши и девушки, вернувшиеся с полей первой мировой войны, познавшие её ужасы, хаос и разруху. Выжив на войне, возвратившись домой, эти люди, тем не менее, были искалечены войной или физически, или морально. Они стали свидетелями распада былого миропорядка, «взорванного» войной, утратили смысл своего существования, свои ценностные ориентиры и, тем самым, окончательно потерялись в жизни. Пытаясь заполнить душевную пустоту, они начали искать забвения в бездумных развлечениях, танцах и алкоголе.

Таким образом, «эпоха джаза» дала новую оценку послевоенной Америки: она выразила ощущение неустойчивости, сиюминутности жизни молодыми людьми, спешившими жить и тем самым хотя бы иллюзорно убежать от своей потерянности. «Американская мечта», которой жило всё общество Соединённых Штатов несколько веков, оказалась развенчанной, молодёжь утратила былые ценности, идеалы и веру в капиталистическое общество. И литература этого периода

изобразила реально существующие общественно-исторические противоречия, в частности, отчуждение человека в буржуазном обществе не только от его общественных функций, но и от самого общества.

Одиночество, отчуждение личности от общества (и даже от самой себя) и является по существу основой так называемой потерянности человека. Я. Н. Засурский в своей книге приводит известные слова американского критика Малькольма Каули о причинах своеобразной потерянности того поколения: «Оно было потеряно прежде всего потому, что оно было вырвано, отучено и почти отброшено от своей привязанности к какому-нибудь месту или традиции. Оно было потеряно, потому что его обучение подготовило его для другого мира, а не для того, который существовал после войны... Оно было потеряно, потому что оно пыталось жить в изгнании. Оно было потеряно, потому что оно не принимало никаких других руководств для поведения и потому что оно сформировало ложное представление об обществе и месте писателя в нём. Это поколение принадлежало периоду перехода от ценностей уже устоявшихся к ценностям, которые ещё должны были быть созданы» [1, с. 192].

Таким образом, первая мировая война явилась своеобразным толчком к осознанию молодыми людьми утраты идеалов прошлого и неведению по поводу новых ценностей, что делало это поколение «потерянным». Но поскольку метафора потерянности значительно шире темы войны как таковой, она даёт возможность рассматривать героя литературы «потерянного поколения» в целостном литературном контексте XX столетия. Так, тема потери и потерянности ярко обозначена в творчестве одного из самых популярных писателей второй половины XX — начала XXI вв. японца Харуки Мураками.

На сегодняшний день Мураками — один из самых читаемых авторов в мире. В начале восьмидесятых годов, когда писатель только начал свою творческую деятельность, его произведения читали, в основном, люди от 20 до 35 лет. И теперь, тридцать лет спустя, возраст его читателей не меняется. «Почему так происходит?» — спрашивает себя автор, — «видимо, у меня есть способность схватывать и передавать именно те чувства тревоги, недовольства, фрустрации, те идеалы, те радости, которыми живут люди этого возраста» [4, с. 296].

Лирический герой Мураками, а центральный персонаж его произведений по сути — один и тот же, — одинокий молодой человек, который находится в вечном поиске чего-либо, причём в каждой последующей книге объект поиска меняется. А лейтмотивом почти всех его произведений является тема потери — потери самого себя, невозможности самоопределения молодого человека в современном мире. В одном из интервью Мураками так объясняет свою популярность среди

молодых читателей: «Я считаю, что они (молодые люди — прим. автора) не потеряли цель, но расплыли свои цели. Думаю, в современном мире это так или иначе неизбежно. Я пишу истории о людях, которые в условиях рассеянного взгляда на ценности преследуют расплывчатые цели. Возможно, этим и объясняется, что среди моих читателей особенно много молодёжи» [4, с. 35].

Герой Мураками — индивидуалист, человек внесистемный, отчуждённый от общества. Он никому и ничему не принадлежит. Не имеет семьи, и дом для него — всегда нечто преходящее — бар, отель, библиотека, съёмные квартиры, в которых он не задерживается. В поисках смысла своего существования, оправдания жизни, герой каждый раз проделывает нелёгкий путь, но возвращается к его началу ни с чем. И не смотря на свой юношеский задор, герои Мураками чувствуют себя заблудившимися детьми, очередным «потерянным поколением».

Как отмечает исследователь Д. Коваленин, фактически Мураками является первым японским писателем нового времени, который открыто предлагает молодёжи «героя своего времени» — с прочувствованной и осознанной позицией, которая «настолько ярка и индивидуальна, а подача её — настолько джазово-ненавязчива, что с одной стороны, не может не «входить как нож в масло» в сознание японской молодёжи, измотанной доктринами «группового сознания», а с другой стороны — не может не раздражать апологетов этих доктрин» [3, с. 377].

Как видим, идеи «потерянного поколения», зародившиеся в первые десятилетия XX века, в «эпоху джаза», прижились в литературе надолго. Со времён Фицджеральда и Хемингуэя каждое последующее поколение считает себя «потерянным». В произведениях, которые стали актуальными почти столетие назад, новые поколения читателей находят немало близкого и понятного для себя.

Список литературы:

1. Засурский Я. Н. Американская литература XX века. Некоторые аспекты литературного процесса: учеб. для вузов. — М.: Издательство МГУ, 1966. — 270 с.
2. Зверев А. М. Американский роман 20-х—30-х годов: учеб. для вузов. М.: Художественная литература, 1982. — 256 с.
3. Коваленин Д. В. Лучший способ потратить деньги, или что делать в период острой джазовой недостаточности/ Мураками, Харуки. Охота на овец: роман. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. — 381 с.
4. Коваленин Д. В. Суси-нуар: занимательное муракамиедение. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 432 с.

РОМАН В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

Джолдасбекова БайанУмирбековна

*д. фил. н., профессор КазНУ им. Аль-Фараби, г. Алматы,
респ. Казахстан*

E-mail: baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz

Несмотря на сетования казахстанских критиков о кризисе романного жанра в последние годы этот жанр занимает доминирующее место в нашем литературном процессе. Хотя надо признать, что современные романские тексты стали иными, новаторскими с точки зрения стиля, с усложненной формой письма (потоком сознания, повествовательной многослойностью, активными контекстами и подтекстами). Но их авторов объединяет желание честно и интересно рассказать о жизни, о знакомой нам, современникам писателя, общей жизни, а, значит, и о смысле человеческой жизни вообще.

Современные писатели, независимо от их принадлежности к тому или иному направлению и течению, стремятся осмыслить судьбу молодого интеллектуала в современном обществе. В большинстве своем они сами представляют собой типевропейского интеллектуала, воспитанного в Азии, но живущего универсальными для информационной цивилизации темами. Они живут в открытом мире без границ, сосуществуют в общем культурном пространстве с российскими и европейскими писателями, но все же творчество казахстанских романистов имеет свои особенности. Как считает один из представителей новой волны молодых казахстанских романистов Михаил Земсков, наши авторы очень быстро потеряли духовную, ментальную связь с Советским Союзом, его идеологией и образом мышления. «Как-то мы очень быстро переориентировались на разные другие векторы, идеалы — европейские, азиатские, — считает Земсков. — То, что волнует нашего писателя, часто не находит отклика у российской аудитории, в российском пространстве. Например, там до сих пор очень погружены в социальные проблемы, в проблемы двух чеченских войн» [7]. Поэтому казахстанская проза о жизни реальных людей имеет сюрреалистический оттенок со своеобразным среднеазиатским колоритом.

Одной из характерных примет современной крупной прозы можно считать размытые границы художественного и публицистического. Авторы прямо апеллируют к читателям, выражая свою обеспокоенность проблемами сегодняшнего дня в риторической форме. Неслучайно одной из разновидностей современного казахстанского романа стала

исповедальная проза в виде дневников, мемуаров, воспоминаний Дм. Снегина, И. Щеголихина, Г. Бельгера и др.

Особое место в современной литературе отводится женской прозе, при этом имеется в виду гендерная характеристика автора, а не стилиевые и прочие художественные особенности текста, то есть речь идет о прозе, написанной женщиной о женщине. Критики отмечают, что традиционно современная женская проза тяготеет к реализму, так как утверждает утраченные семейно-бытовые нормы, говорит о праве женщины на сугубо женскую реализацию (дом, дети, семья), то есть отстаивает традиционный набор ценностных позиций. То есть женщина-автор уверена в том, что женское счастье стоит искать в пространстве семьи.

Самое яркое имя в истории казахстанского женского романа — Ольга Марк Ольга Борисовна Маркова (литературный псевдоним О. Марк; 16 декабря 1963 — 5 декабря 2008, Алма-Ата) — казахстанская писательница, литературовед, критик, основатель и президент общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук «Мусaget». После фантастических рассказов она написала необычную по форме и содержанию повесть «Воды Леты» [8], в которой главный герой проходит реабилитацию в больнице, у него полная амнезия, но цель лечения не в том, чтобы вернуть ему память, а в том, чтобы приспособить его к новой действительности, наступившей после Великой Катастрофы. Повествование представлено в виде антиутопии-предостережения в сочетании с психологическим триллером. Следующее произведение Ольги Марк «Предсказание» [9] имеет подзаголовок «страницы романа». Герой — успешный бизнесмен, ревнующий молодую жену. Сюжет развивается по заданному сценарию: предполагаемые адюльтеры, трудные дети от первого брака, друзья, любовница. Замышляя преступление, герой обращается к гадалкам, к адвокату в надежде узнать, удастся ли избежать наказания. Гадания на кофейной гуще, на бобах, с использованием безвинно убиенного петуха дают один результат: он совершит убийство и будет казнен. Предопределен и срок расплаты за злодеяние: через два месяца, хотя адвокат уверяет, что процедура от следствия до расстрела никак не может занять столь короткий промежуток времени. Интрига захватывающая, сюжет динамичен, полон неожиданных коллизий, быт хорошо узнаваем через современные реалии. Но главное отличие от бытовых романов и семейных драм заключается в том, что автор исследует, прежде всего, как уживаются с идеей свободной воли предсказание и предопределенность, существуют ли связи между предназначением и личностью, судьбой.

Обращение к современному казахстанскому роману как порождению мидл-литературы имеет свое основание. Во-первых, мидл-литература — требование нового времени, представляет собой результат компромисса между элитарным и массовым искусством. Для нее

характерно, с одной стороны, использование жанрового кода детектива, плутовского романа, фантастики, растворение авторского «я», свойственного массовой литературе, а с другой — интеллектуальные запросы, интертекстуальность, постмодернистский дискурс. То есть ее можно воспринимать как «элитарную» литературу для «массового» читателя, которая имеет благородную цель просвещения «массы», воспитания ее вкусов. При этом «умная» книга ни в коем случае не должна быть «сложным» чтением, наоборот, иметь захватывающий и интересный сюжет, быть возможно, более остро сюжетным, чем боевики и детективы. Таковым установкам соответствуют романы многих казахстанских писателей, и в первую очередь, романы идеолога этого направления Михаила Земскова. Его первый роман «Перигей» построен в соответствии с законами миддл-литературы и назван «антиутопией с элементами фантазмагории» [5].

Главный герой-повествователь Михаил Иванов из-за предательства друга, подложившего ему наркотики в карман, отсидел двенадцать лет в кубинских и мексиканских тюрьмах. Последние неполных два года поработал в Америке и теперь возвращается чудесным образом в Россию. Он не узнает свою родину, Россия 2017-2020-ых годов снова стала закрытой страной, вся информация, которую получает о ней внешний мир — съемки со спутника, по которым можно понять только то, что русские постоянно смеются. За годы его отсутствия Россия стала цивилизацией «чихикающих дегенератов». Новая власть нашла самое верное средство оболванивания людей. По словам сохранившего способность к критическому суждению аборигена, когда люди смеются, у них что-то выделяется в мозгах — какой-то химический элемент, — и они чувствуют себя счастливыми. А счастливыми людьми проще управлять. Любой тоталитаризм держится либо на запуганных, либо на счастливых, которые всем довольны. Писатель изображает мир примитивных радостей, снаружи веселый, подспудно недобрый и страшный.

Следующий роман Михаила Земскова «Сектант» (2010 г.) [6] представляет по форме захватывающий философский триллер, многое из которого основано на реальных событиях. В нем рассказывается о поисках еретического евангелия от Иоанна, согласно легенде спрятанного несториянами в предгорьях Тянь-Шаня. Компания молодых ребят, среди которых и главный герой — парень-фотомодель, оставшийся без работы, отправляется в путешествие забавы ради, даже не подозревая, какой трагедией обернется это приключение. Руководит ими таинственный гуру, а в числе кладоискателей — его ученики, готовящиеся к некой «новой практике». Станные и необъяснимые события, происходящие с кладоискателями, заставляют их задуматься о смысле жизни и в корне меняют их представления о мире.

Эта же тема — судьба современного человека в современном мире — в центре романа Николая Веревочкина «Зуб мамонта (летопись мертвого города)» [4]. Сюжет о жизни североказахстанского целинного городка мифологичен, символика начиная от имени городка — Степноморск — многослойна. Степноморск построен на месте затопленной североказахстанской деревни Ильинки и представлял до перестройки райский уголок: в нем были музыкальная школа, самостоятельный театр, авиация и роща вместо центральной площади, рыбалка, грибы, короче говоря, гармония природы и цивилизации. Так же мифологичны жители: «Это была морозоустойчивая, головастая, выведенная в рискованной зоне порода целинных интеллигентов с телами атлетов и мозолистыми лапами пахарей, представители которого не только профессионально исполняли свои обязанности, что-то изобретали и сочиняли по ночам, но могли правильно забить гвоздь, накосить сено, а между делом занять первое место на районных соревнованиях по десятиборью. В основном это были молодые учителя...» [4, с. 28]. Один из героев — Виктор Николаевич Мамонтов «был тем самым всесторонне и гармонически развитым человеком, скорое появление которого, мало в это веря, предрекали в те годы ученые-обществоведы». Он гениальный учитель физики, лучший комбайнер, заядлый рыбак и спортсмен, гитарист, бард, на велосипеде и байдарке вместе с сыном и друзьями во время каникул пересекает всю республику. Он любил писать маслом космические пейзажи, конструировать велосомобиль, плести кресло-качалку, просто смотреть в телескоп на ночное небо. Мечтатель и романтик, он на все свои сбережения строит парусный корабль. Таких чудачков, мечтателей-романтиков в городке много, все они влюблены в свой город, в свое творчество и в жизнь. Поэтому они уверены, что, «если Бог существует, то он живет в провинции...» [4, с. 87]. Красной нитью в этой части сюжета проходит мотив надежного, прочно сколоченного ковчега», который стал тонуть с началом перестройки.

Вторая часть сюжета посвящена поискам средств спасения. Городок-рай тонет, разрушается стремительно, люди к осени уезжают на заработки на север, в Россию, а летом возвращаются к своим старикам. Город грабят жители соседних деревень и аулов. Старики один за другим умирают, их хоронят могильщики Павел Козлов, спившийся бывший строитель города, и его сын Руслан, наркоман, которого мать отправила к отцу, подальше от Алматы и приятелей-наркоманов. Гибель города предстает как возмездие, кара за это святотатство (когда строили город, потревожили кости мамонта).

Но и сами жители города — это тоже мамонты, тип сильных и нравственных людей-созидателей, которым нет места на этой земле. Поэтому много места уделено потерям и утратам: Мамонтовы уезжают в Россию, кто-то — в Германию или в Израиль, Козлов умирает, художник

Гофер вешается и т.д. Остается Руслан — по существу сирота, потерявший мать и трех своих отцов, метис, «по лицу которого не определишь, где у человека больше родственников — в Азии или Европе». Руслан отрекся от возлюбленной, запретил себе иметь семью, детей, то есть он лишил себя и культуры, которую он представляет, будущего. Николай Веревочкин поднимает серьезную для нашего времени тему: где современному человеку найти точку опоры в мире, в котором рухнули все привычные, на первый взгляд, надежные, незбылемые, структуры.

Этого писателя отличает стремление создать современный миф об обычных людях, попавших в необычную ситуацию. В других романах «Белая дыра», «Человек и без имени» он учит читателя увидеть в трагическом хаосе происходящего вечные ценности, определить смысл своей жизни и свое место во вселенной. Основная идея Николая Веревочкина: человек может быть беден, неталантлив, неумен, доведен до отчаяния, может совершать ошибки и даже утратить имя. Но человек не может жить без души, и он не должен быть подлым. Потому что если разрушена душа, погибает и сам человек. Герой Веревочкина стоит перед выбором — между разрушением и созиданием, жизнью и смертью, душевной чуткостью и духовной глухотой и немотой.

Казахстанская культура представляет собой качественно новое образование, и именно сплетение поликультур порождает новых авторов и новые жанровые формы, среди которых особым местом занимает творчество писателей-маргиналов. Естественно, что тема маргинального сознания личности, оказавшейся за пределами своей исторической родины, и возможностях его преодоления, становится ведущей в романах Г.К. Бельгера

«Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», Александра Кана «Треугольная земля», «Сны нерожденных», «Обретенный шаман» и других писателей Казахстана, пишущих на русском языке.

Особый интерес представляют в рассматриваемом нами ракурсе романы Г. Бельгера, профессионально пишущего на трех языках: русском, казахском и немецком. Бельгер, как и Морис Симашко, Александр Кан и многие писатели других национальностей, живущие в Казахстане, видит в восточных людях, их менталитете некое спасение, духовное и бытовое прибежище и пишут об этом откровенно и без комплиментарности. Роман «Дом скитальца» [1] называют своеобразным художественным музеем депортации, в нем отражена драматическая судьба советских немцев, подвергшихся в 1941 г. массовому переселению.

В романе «Туюк су» [3] главным является мотив исторической памяти. Главный герой — Эдмонд Ворм, немецкий писатель, живущий в Германии и приезжает на исык-кульский семинар среднеазиатских литераторов. После семинара он решил навестить те места, где прошло

его детство и юность — аул Туок су — место обитания многих депортированных в годы войны национальностей на юге Казахстана. Десять лет назад Эдмонд, возможно поспешно, покинул Казахстан ради сытой Германии, вернувшись сюда, он не узнает собственноручно выстроенную, некогда роскошную усадьбу, превратившуюся в убогое жилище. Рассвет этих мест пришелся на тридцатые годы, когда существовал колхоз имени Кирова, позже он стал Туок су — тихой заводью, откуда стали уезжать все спецпереселенные в эти места люди.

Повествование ведется в двух плоскостях — в настоящем и прошлом. Герой вспоминает трагические истории простых аульчан и спецпереселенцев-немцев, о том, как они поддерживали друг друга в эти трагические годы. Темусюжета следующего романа писатель обозначил как «разлад в жизни, в семье, в обществе, в душе, в сердце, в думах, в поступках». В «Разладе» [2] два драматичные людские судьбы аульного учителя в прошлом, ныне пенсионера, ветерана войны Мамбета Казиевича Адилова и его односельчанина и друга, бывшего колхозного тракториста и комбайнера, тоже пенсионера Карла Деграфа, которого казахи зовут «Карл-акасакал». Он «говорил с аульчанами совершенно свободно по-казахски, а по-немецки общался уже долгие годы исключительно с дворнягой Рексом». Эти два героя, всю жизнь прожившие честно и верившие в советский строй, оказались волею судьбы в другой, новой жизни. Они страдают оттого, что немогут раскрыть глаза своим детям и внукам на вечные ценности.

Список литературы:

1. Бельгер Г. Дом скитальца // Бельгер Г. Избранное. — Т.3. — Алматы : Балалар әдебиеті, 2010. — 400 с.
2. Бельгер Г. Разлад // Бельгер Г. Избранное. Алматы; Vox Populi, 2009
3. Бельгер Г. Туок су // Бельгер Г. Избранное. Алматы; Vox Populi, 2009.
4. Веревокин Н.Зуб мамонта (летопись мертвого города). — Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2003.
5. Земсков М. Перигей: Роман-фантазмагория с элементами антиутопии // Дружба народов. 2007. — № 8. — С. 11—160.
6. Земсков М. Сектант. — М.:Эксмо, 2010. — 320 с.
7. Земсков М. Становлюсь реалистом //Time Out Алматы № 69 / 3 августа — 25 сентября 2009.
8. Марк О. Воды Леты. — Алматы: Мусaget, 2002.
9. Марк О. Предсказание. — Алматы: Мусaget, 2006.

**«ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

09 ноября 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 16.11.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13,625. Тираж 550 экз.

Издательство «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28
E-mail: info@a-ti.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28